

ЗА КОЛОННОЙ

— Аксель Панцер —

Аксель Панцер

За колонной

<https://litres.ru/74507184>

SelfPub; 2026

Аннотация

Генуя XVIII века. В шумном портовом городе, среди бедности, тяжёлого труда маленький Маттео Ферри случайно останавливается у витрины музыкальной лавки. За стеклом он видит скрипку, которая становится для него символом недостижимой мечты. Первый звук, рожденный смычком мастера, навсегда меняет восприятие мальчика: он начинает слышать красоту в окружающем мире и искать собственный путь к музыке.

Но судьба приводит Маттео не только к мечте о скрипке. Прячась за колонной храма, он впервые слышит игру другого мальчика — Никколо, чьё имя ещё ничего не говорит миру, но которому суждено стать великим виртуозом. Две судьбы, два таланта и два разных пути постепенно переплетаются: один учится покорять музыку, другой — понимать тайну дерева и создавать инструменты, способные говорить.

«За колонной» — роман о силе мечты, о рождении призвания и о невидимой связи между человеком, искусством и временем. Это история о том, что иногда достаточно одного звука, чтобы изменить всю жизнь

Аксель Панцер

За колонной

Глава первая

Скрипка за стеклом

В тот день Маттео впервые опоздал на рынок не потому, что заигрался, не потому, что за-смотрелся на корабли в гавани и даже не потому, что решил сократить дорогу и заблудился в

переплетении узких генуэзских улиц. За крышами ещё не проснулось море, но его дыхание

уже чувствовалось в сыром воздухе: соль оседала на камне, из портовых переулков тянуло

смолой и рыбой, а редкие фонари догорали тусклыми жёлтыми пятнами. Он опоздал из-за

скрипки.

Утро начиналось как сотни других утр. Отец разбудил его ещё затемно, толкнув в плечо тяжёлой ладонью.

— Вставай.

Маттео открыл глаза. В комнате было холодно. За ставня-

ми ещё стояла ночь, и только тонкая

серая полоска света пробивалась между досками. Мать уже возилась возле очага. Огонь никак не хотел разгораться, и она, присев на корточки, осторожно дула на красные угольки.

— Пусть поспит ещё немного, — сказала она, не оборачиваясь.

— Поспит зимой, когда торговли не будет.

— Зимой ты скажешь то же самое.

— Значит, поспит, когда станет стариком.

Отец говорил сердито, хотя Маттео давно понял, что по утрам он сердился не на него, не на

мать и даже не на холод. Отец сердился на самую необходимость просыпаться. Он сердился на

темноту. На пустой кошелёк. На торговцев, которые занимали лучшие места. На дождь, когда

шёл дождь, и на солнце, когда оно слишком быстро портило товар. Но больше всего — на долги.

О долгах дома старались не говорить, словно от одного произнесённого слова они могли увеличиться.

Маттео сел на постели и натянул рубашку. Она была холодной и пахла дымом. Рядом, повернувшись к стене, спала его младшая сестра Бьянка. Из-под старого шерстяного оде-

яла видне-лись только спутанные волосы. Маттео на цыпочках прошёл мимо неё.

— Хлеб, — сказала мать.

Она протянула ему ломоть вчерашней лепёшки. Маттео откусил. Хлеб был такой твёрдый, что сначала пришлось размочить его слюной. Отец уже стоял у двери.

— Пошли.

Улица встретила их сыростью. Над крышами ещё не рас-свело. Каменные стены домов казались почти чёрными, а между ними висели верёвки с забытым на ночь бельём. Где-то наверх плакал младенец. Хлопнула ставня. Из переул-ка вышел человек с фонарём и тут же исчез за углом.

Они шли молча. Отец тянул тележку. Маттео толкал её сзади. На тележке лежали мешки с

луком, связки чеснока, корзина с каштанами и две неболь-шие бочки с оливками. Бочки были

самым дорогим товаром. Отец то и дело оглядывался, словно боялся, что одна из них каким-то образом исчезнет прямо с телеги.

У гавани уже начиналась жизнь. Матросы кричали друг другу с причалов. Скрипели блоки.

Грохотали колёса. Пахло морской водой, рыбой, смолой, мокрым деревом, навозом и дымом.

Маттео любил этот запах. Матери он казался отвратительным. Отец его просто не замечал.

На рынке они поставили тележку между торговцем сыром и старухой, продававшей травы.

Отец велел:

— Разложи лук. Хороший сверху.

Маттео стал раскладывать головки.

— И не так кучно. Я тебе сколько раз показывал?

Маттео раздвинул их.

— Чеснок сюда.

Он переложил чеснок.

— Нет. Ближе.

Маттео подвинул связки. Отец посмотрел.

— Теперь слишком близко.

Маттео ничего не сказал. К восходу солнца рынок загудел. Покупатели шли между рядами, спорили о цене, щупали овощи, пробовали оливки и уходили, обещая вернуться, чего почти

никогда не делали. Маттео подавал товар. Считал монеты. Бегал менять крупные деньги. Носил воду. Дважды сходил за хлебом. Потом отец отправил его к лавке на соседней улице.

— Передашь синьору Бертини, что завтра возьму два мешка.

— Каких?

Отец посмотрел на него.

— Каких мы у него берём?

— Фасоль.

— Вот и скажешь: два мешка фасоли.

Маттео побежал. Он любил поручения. Не сами поручения, конечно. Он любил несколько

минут между рынком и тем местом, куда его отправляли. Это были минуты, когда никто не говорил: подай, принеси, сосчитай, не стой без дела, следи за товаром.

Несколько минут он принадлежал только себе. Маттео свернул в узкий переулок, перепрыгнул через грязную канаву, едва не столкнулся с женщиной, несшей корзину белья, и выскочил

на более широкую улицу. Здесь было светлее. Солнце уже поднялось над крышами, и на

верхних этажах домов горели жёлтые пятна. Маттео замедлил шаг. Он знал, что отец рассердится, если поручение займёт слишком много времени. Поэтому обычно он здесь бежал. Но в

тот день остановился. Сначала ему показалось, что в витрине лежит маленький человек.

Очень тонкий. С длинной шеей. С узкой талией. Маттео подошёл ближе.

За мутным стеклом висели мандолины, две лютни, несколько смычков и что-то похожее на деревянную флейту. А посередине лежала скрипка. Маттео знал это слово. Скрипку он видел раньше — издали, в руках у уличного музыканта. Но ту почти не разглядел. Музыкант играл возле гавани, вокруг толпились люди, а отец, заметив, что сын остановился, взял его за ворот и потащил дальше. Теперь скрипка была совсем рядом. Между ними находилось только стекло.

Маттео приблизил лицо. Дерево было тёплого коричневого цвета. Не такого, как доски на телеге или стол дома. Здесь цвет словно находился не на поверхности, а где-то внутри дерева.

Свет из окна напротив ложился на выпуклую деку и скользил по лаку. Маттео увидел две тёмные прорези. Они были похожи на вытянутые буквы. Он не знал, зачем они нужны. Струны казались такими тонкими, что почти исчезали. Маттео поднял руку и провёл пальцем по стеклу там, где проходила одна из них.

Из лавки вышел мужчина. Маттео отдёрнул руку. Мужчина был невысокий, с седой бородкой и кожаным передником. В одной руке он держал тряпку. — Ну?

Маттео решил, что его прогоняют.

— Я ничего не трогал.

Мужчина посмотрел на стекло.

— Пока не разбил — считай, не трогал.

Маттео сделал шаг назад.

— Это скрипка?

Мужчина посмотрел теперь уже на него.

— Нет. Кастрюля.

Маттео растерялся. Мужчина усмехнулся.

— Скрипка.

Он стал протирать витрину снаружи. Маттео не уходил.

— А почему она такая?

— Какая?

Маттео не знал, как объяснить.

— Такая.

— Очень точное описание.

Маттео снова посмотрел сквозь стекло.

— Красивая.

Мужчина перестал вытирать окно.

— Это уже лучше.

Он открыл дверь лавки. Над дверью звякнул маленький колокольчик.

Маттео заглянул внутрь.

— Заходить можно?

— Если не собираешься ничего ломать.

Маттео вошёл. Там пахло деревом. Но иначе, чем в столярной мастерской возле рынка. К дереву примешивался ещё какой-то запах — острый и немного сладкий. На стенах висели инструменты.

Маттео остановился у порога. Он никогда не видел сразу столько вещей, назначение которых

не мог понять. Большие инструменты стояли у стены. Маленькие лежали на полках. На столе

находились кусочки дерева, мотки струн, инструменты с тонкими металлическими концами.

Хозяин

положил тряпку.

— Ну?

Маттео показал на витрину.

— А её можно посмотреть?

— Ты уже смотришь.

— Поближе.

Мужчина нахмурился. Маттео понял, что попросил слишком много.

— Я только посмотрю.

Мужчина несколько мгновений молчал. Потом подошёл к витрине и взял скрипку. Маттео

перестал дышать. В руках человека она вдруг оказалась меньше, чем казалась через стекло.

Мужчина держал её легко, почти небрежно. Маттео испугался за инструмент.

— Осторожно.

Хозяин посмотрел на него.

— Что?

Маттео покраснел.

— Ничего.

— Я тридцать лет держу их в руках.

Он положил скрипку на прилавок.

— Смотри.

Маттео подошёл. Теперь он видел всё. Тонкие полосы на дереве. Небольшую чёрную деталь, поддерживающую струны. Крошечные завитки на головке. Даже следы пальцев на лаке.

— Можно потрогать?

— Нет.

Маттео кивнул. Он и не надеялся.

— Сколько она стоит?

Мужчина назвал сумму. Маттео сначала подумал, что ослышался.

— Сколько?

Хозяин повторил. Маттео быстро посчитал. Он умел считать хорошо. Отец научил его раньше, чем читать. Получалось столько, сколько отец иногда зарабатывал за несколько недель

хорошей торговли. Может быть, за месяц. Если не покупать еду. Если не платить за жильё.

Если вообще ничего не тратить. Маттео посмотрел на инструмент уже иначе. Словно тот неожиданно оказался очень далеко.

— А есть дешёвые?

Мужчина указал на стену.

— Бывают.

— Намного?

— Для тебя всё равно дорого.

Маттео поднял глаза. Он хотел обидеться, но понял, что хозяин сказал правду.

— А если старую?

— Старую хорошую скрипку иногда продают дороже новой.

Маттео этого не понял. Старая вещь должна была стоить дешевле. Старые башмаки стоили дешевле. Старый плащ. Старый стол.

— Почему?

Мужчина вдруг посмотрел на него с большим интересом.

— Потому что скрипка не башмак.

Он взял инструмент. Маттео подумал, что сейчас тот снова окажется в витрине. Но хозяин прижал скрипку к плечу. Маттео замер. Человек взял смычок.

— Слушай.

Он провёл им по струне. Всего один раз. Не мелодия. Не песня. Один длинный звук. Именно

его Маттео потом помнил всю жизнь. Позднее ему доводилось слышать оркестры. Он сидел в

огромных залах. Слышал скрипки, стоявшие столько, сколько его отец не смог бы заработать

за несколько жизней. Слышал великих музыкантов. Слышал, как люди плакали после концертов. Но тот первый звук

всегда оставался другим. Он возник почти из ничего. Сначала

лёгкое касание. Потом струна словно заговорила. Звук был тонким, но почему-то заполнил

всю лавку. Маттео почувствовал его не только ушами. Он будто прошёл по груди. Коснулся горла. Остановился где-то внутри.

Хозяин опустил смычок. В тесной лавке после этого звука стало так тихо, что Маттео слышал собственное дыхание и лёгкое поскрипывание пола под ногами хозяина. Дерево ещё дрожало в его памяти, хотя струна уже замолчала.

— Вот.

Маттео молчал.

— Что, оглох?

— Ещё.

— Что?

— Ещё раз.

Мужчина усмехнулся и снова провёл смычком. На этот раз звук был другим. Ниже. Темнее.

Маттео поднял голову.

— Не тот.

Улыбка исчезла с лица хозяина.

— Что не тот?

— Первый был выше.

Мужчина внимательно посмотрел на мальчика. Потом

сыграл третий звук.

— А этот?

Маттео вслушался.

— Между ними.

Хозяин ничего не сказал. Он поставил смычок на струну и сыграл четыре коротких ноты.

Маттео смотрел ему на пальцы.

— Ну?

— Что?

— Какая была самая высокая?

Маттео показал пальцем вверх, словно ноты висели в воздухе.

— Третья.

Мужчина сыграл снова. Потом ещё пять звуков, быстрее.

— Теперь?

Маттео повторил их голосом. Неточно по тембру, конечно. Но высоту поймал почти сразу.

Хозяин медленно опустил скрипку.

— Кто тебя учил?

— Чему?

— Музыке.

Маттео покачал головой.

— Никто.

— Дома кто-нибудь играет?

— Нет.

— В церкви поёшь?

— Нет.

Мужчина изучал его лицо так, словно пытался понять, врёт мальчик или нет. Маттео вдруг

вспомнил об отце.

— Мне надо идти. Он бросился к двери. Колокольчик звякнул.

— Эй!

Маттео остановился. Хозяин стоял со скрипкой в руке.

— Как зовут?

— Маттео.

— Чей сын?

Маттео помедлил.

— Джованни Ферри.

Он почему-то сразу пожалел, что сказал.

— С рынка?

Маттео кивнул. Хозяин знал отца. Это было плохо.

— Беги, Маттео Ферри. Твой отец наверняка уже решил, что тебя украли пираты.

Маттео выбежал на улицу. Он сделал несколько шагов. Остановился. Обернулся. Скрипка снова лежала в витрине. Он побежал к синьору Бертини. Потом назад. До рынка оставалось совсем немного, когда Маттео понял, что забыл главное. Он должен был передать заказ. Два мешка фасоли. Он передал. Да. Кажется, передал. Наверняка. Но теперь это почему-то казалось неважным. В голове звучала струна. Первая. Та самая. Он пытался воспроизвести её голосом. Получалось плохо. Маттео замедлил шаг. Попробовал снова. Теперь ближе. Он запомнил звук. Эта мысль поразила его. Звук исчез. Его больше не было. Но Маттео всё ещё слышал его. Не ушами. Где-то внутри.

На рынке отец стоял возле тележки. Даже издалека Маттео понял, что произошло что-то не-хорошее. Покупателей возле прилавка не было. Отец ждал его. Руки скрещены на груди.

Маттео остановился. Теперь хотелось развернуться. Но бежать было некуда. Он подошёл.

— Где был?

— У Бертини.

— До Пизы ходил?

— Нет.

— Тогда почему тебя не было столько времени?

Маттео молчал.

— Я спрашиваю.

— Я...

Отец шагнул ближе.

— Что?

Маттео мог соврать. Он уже придумывал. Бертини не было на месте. Бертини разговаривал с

покупателем. Бертини велел ждать. Но почему-то не сказал ничего из этого.

— Я смотрел скрипку.

Отец несколько секунд не понял.

— Что?

— Скрипку.

— Какую скрипку?

Маттео показал в сторону улицы.

— В лавке.

Отец смотрел на него.

Потом медленно провёл ладонью по лицу. Маттео знал этот жест. Так бывало перед тем, как

отец начинал по-настоящему сердиться.

— Я послал тебя работать.

— Я сходил к Бертини.

— Я послал тебя туда и обратно.

— Я вернулся.

— Через час.

Маттео не знал, прошёл ли час. Ему казалось, что в лавке он пробыл несколько минут.

— Там была скрипка.

Отец схватил его за плечо. Не сильно. Но пальцы были тяжёлыми.

— Я слышал.

— Она...

— Мне всё равно.

Маттео замолчал. Отец отпустил его.

— Возьми корзину.

Маттео взял.

— И стой здесь.

До обеда отец больше с ним не разговаривал. Маттео подавал товар. Считал монеты. Насыпал каштаны. Отгонял мальчишек, пытавшихся стащить луковицу. Но всё это время продолжал слышать звук. Иногда он исчезал. Тогда Маттео пугался. Ему казалось, что он забыл его.

Он замирал. И звук возвращался. Тонкий. Чистый. Длинный.

После полудня покупателей стало меньше. Отец сел на перевёрнутый ящик и стал пересчитывать деньги. Маттео смотрел на монеты. Одна медная монетка лежала отдельно. Он представил себе витрину. Скрипку. Цена была огромной. Но цена состояла из монет. Из таких же.

Мысль была простой. Настолько простой, что Маттео удивился, почему не понял этого сразу.

Если собрать много монет, скрипку можно купить. Он ещё не знал, сколько лет понадобится.

Для девятилетнего мальчика разница между месяцем и пятью годами была не очень понятна.

Главное заключалось в другом. Скрипка имела цену. Значит, она не была невозможной.

Отец заметил его взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Тогда не считай мои деньги глазами.

Маттео отвернулся. Вечером они складывали остатки товара. Домой шли той же дорогой.

Маттео специально смотрел в другую сторону, когда они проходили рядом с улицей, где находилась музыкальная лавка. Он боялся, что отец заметит. Но в последнюю секунду всё-таки

повернул голову. Витрина была уже тёмной. Скрипка едва виднелась за стеклом. Отца он не

видел и поэтому не заметил, что тот тоже посмотрел туда.

Дома мать поставила на стол миску жидкого супа. Бьянка рассказывала что-то про соседскую

кошку. Маттео почти не слушал. После еды отец чинил ремень на тележке. Мать штопала рубашку. Маттео сидел у окна. На столе лежала деревянная ложка. Он взял её. Положил себе на

левое плечо. Представил, что это скрипка. Правой рукой провёл по воздуху. Ничего. Он повторил. Закрыв глаза. Вспомнил движение седого хозяина лавки. Левая рука держит инструмент. Правая ведёт смычок. Маттео снова услышал звук.

— Что ты делаешь?

Он открыл глаза. Отец смотрел на него. Маттео быстро положил ложку на стол.

— Ничего.

Отец хмыкнул и вернулся к ремню.

Ночью Маттео долго не мог уснуть. Бьянка сопела рядом. Мать и отец тихо разговаривали в другой части комнаты. Он слышал отдельные слова. «Хозяин». «Плата». «Неделя». «Не хватит».

Потом отец сказал:

— Что-нибудь продадим.

Мать ответила совсем тихо. Маттео не разобрал. Он лежал с открытыми глазами. За ставнями

шумела Генуя. Где-то далеко кричали моряки. Лаяла собака. Катились по камню колёса поздней телеги. Ударил колокол. Маттео прислушался. Один удар. Пауза. Ещё один.

И вдруг произошло странное. Он понял, что второй удар был немного ниже первого. Совсем

немного. Раньше он никогда об этом не думал. Он сел на постели. Прислушался. Колокол

ударил снова. Теперь Маттео слышал не просто колокол. Он слышал звук. Высоту. Длину.

Как долго он остаётся в воздухе. Как меняется, когда затихает. Будто весь город внезапно начал состоять из вещей, которые можно было слушать.

Капля из прохудившегося кувшина падала в миску. Тук. Тук. Тук. За стеной кто-то кашлянул.

На улице мужчина крикнул женщине. В очаге треснул уголёк. Маттео слушал. Мир, который

ещё утром был просто миром, к ночи стал огромным инструментом. А где-то в тёмной лавке, за стеклом, лежала скрипка. Маттео закрыл глаза. И снова услышал первую ноту. Он ещё не

знал, что через много лет научится выбирать дерево по одному удару костяшкой пальца. Не

знал, что будет различать ель, выросшую на солнечном склоне, и ель, выросшую в тени. Не

знал, что станет часами выстругивать деку, снимая с неё стружку тоньше бумаги, пока дерево

не начнёт отвечать ему нужным голосом. Не знал, сколько скрипок пройдёт через его руки.

Не знал, кому они будут принадлежать. Не знал даже, что существует ремесло людей, которые создают инструменты. В ту ночь он знал только одно. Завтра ему снова придётся идти на

рынок. И завтра по дороге он обязательно найдёт способ пройти мимо той витрины. Хотя бы

на минуту. Хотя бы на несколько шагов медленнее. Чтобы убедиться, что скрипка всё ещё

там.

Глава вторая

Звук из храма

На следующий день Маттео проснулся раньше отца. Пред-
рассветная прохлада лежала в комнате тяжёлым слоем; от
очага остался лишь слабый запах золы, и в этой домашней
тишине

вчерашний звук казался почти невозможным — слишком
чистым для закопчённых стен, грубой мебели и тесноты. В
комнате было темно. Он лежал неподвижно и сначала не мог
понять, почему открыл глаза. Потом вспомнил.

Скрипка. Она возникла в памяти сразу, целиком: тёплое
дерево, чёрный гриф, тонкие струны, две тёмные прорези на
деке и рука хозяина лавки со смычком. Маттео прислушался.
Отец

спал. Мать тоже. Бьянка лежала, свернувшись возле сте-
ны, и время от времени тихо посви-стывала носом. Маттео
осторожно сел.

Вчера вечером он спрятал под тюфяком одну монету. Со-
всем маленькую. Она не принадлежала отцу. Маттео нашёл
её несколько дней назад возле рыбных рядов. Тогда он соби-
рался

купить сладкий каштан, но забыл, а потом монета так и
осталась у него в кармане. Вчера она
впервые приобрела назначение.

Маттео сунул руку под тюфяк. Монета была на месте. Он сжал её в кулаке. Одна. Если сложить рядом с ней ещё одну — будет две. Потом три. Потом десять. Потом сто. А потом... Он

попытался вспомнить цену скрипки. Получилось слишком большое число. Маттео не любил

числа, которые нельзя было представить. Десять луковиц он видел. Двадцать каштанов тоже.

Пятьдесят монет ещё можно было выложить кучкой. Но цена скрипки состояла из такого количества денег, что в голове они переставали быть монетами и превращались во что-то вроде

расстояния до далёкой страны.

Однако теперь у него была одна. И это меняло дело.

— Что ты там возишься?

Маттео вздрогнул. Отец уже не спал.

— Ничего.

— Опять ничего.

Джованни поднялся, нащупал штаны и раздражённо натянул их.

— У тебя удивительная жизнь, Маттео. Ты целыми днями ничего не делаешь, а мне почему-то всё время приходится тебя звать.

Маттео быстро спрятал монету в карман. Отец этого не заметил. Или сделал вид, что не заметил.

На рынке день начался плохо. Ночью прошёл дождь, кам-
ни были мокрыми, воздух — тяжёлым и солёным. Покупате-
лей было мало. Люди останавливались, спрашивали цену и
уходили. Отец дважды снизил цену на каштаны. К полудню
продал всего половину того, на что

рассчитывал. Маттео понимал его настроение и поэтому
старался не попадаться под руку. Он

подавал товар без напоминаний. Сам сходил за водой. Да-
же заметил женщину, которая попыталась незаметно поло-
жить в корзину вторую головку чеснока, заплатив за одну.
Отец впервые за утро посмотрел на него одобрительно.

— Глаз есть.

Маттео промолчал. Похвала была редкостью, и он боялся
разрушить её ответом.

После полудня подошёл портовый грузчик по имени Пао-
ло. Он всегда покупал у Джованни

лук и всегда торговался так, словно решалась судьба Ге-
нуи.

— Дорого.

— Тогда не бери.

— Вчера было дешевле.

— Вчера тебя здесь не было.

— Вот поэтому и было дешевле.

Они спорили долго. Маттео слушал краем уха. Наконец

Паоло купил пять луковиц, а уходя, подмигнул мальчику и бросил ему маленькую медную монету.

— За терпение.

Маттео поймал её. Отец увидел. Маттео замер. Джованни перевёл взгляд с монеты на сына.

— Твоя.

Маттео не поверил.

— Правда?

— Если Паоло решил разориться, это его дело.

Маттео сжал монету. Теперь было две. Он едва удержался, чтобы не улыбнуться.

— Только не трать на ерунду.

Улыбка исчезла.

— Не буду.

Джованни уже отвернулся. Если бы он спросил, на что Маттео собирается её потратить, мальчик не знал бы, что ответить. Наверное, пришлось бы сказать правду. А правды он боялся. Не потому, что отец мог отобрать деньги. Хуже. Он мог рассмеяться.

Маттео пока ещё не представлял, что делать со скрипкой, если когда-нибудь удастся её купить. Кто его научит? Где он будет играть? Что скажет отец? Все эти вопросы были слишком

сложными. Проще было копить.

После рынка Джованни послал сына к сапожнику.

— Скажешь, что за башмаками Бьянки зайдём в субботу. И чтобы не пришивал ту кожу, которую показывал. Она сгниёт через месяц. Маттео кивнул.

— И...

Отец посмотрел на него особенно внимательно.

— Никуда больше.

Маттео почувствовал, как лицо становится горячим.

— Я знаю.

— Хорошо, если знаешь.

Лавка музыкальных инструментов находилась в противоположной стороне. Маттео понимал

это. К сапожнику можно было дойти за семь-восемь минут. До скрипки — ещё минут десять.

Если побежать... Он сразу запретил себе думать. Вчера отец уже простил его. Второй раз не

простит. Маттео дошёл до сапожника. Передал всё слово в слово. Даже повторил про кожу.

Потом вышел. Постоял у двери. Налево — рынок. Направо — улица, которая через несколько переулков выводила к лавке.

Маттео повернул налево. Прошёл двадцать шагов. Остановился. Вернулся к перекрёстку. Посмотрел направо.

«Только посмотреть».

Он побежал. Лавка была открыта. Скрипка лежала на том же месте. Маттео остановился перед витриной и почувствовал такое облегчение, словно боялся, что за ночь она исчезнет. Хозяин сидел внутри за столом. Он увидел мальчика, но ничего не сказал. Маттео прижался

ближе к стеклу. Сегодня инструмент выглядел иначе. Солнца не было, и лак казался темнее.

Маттео достал две монеты. Положил их на ладонь. Потом посмотрел на скрипку. Две. Цена не стала меньше. Маттео всё равно улыбнулся.

Дверь открылась.

— Решил купить?

Хозяин стоял на пороге. Маттео быстро спрятал деньги.

— Пока нет.

— Жаль. Я уже собирался закрыть лавку и уехать жить в Рим.

Маттео не понял, шутит ли он.

— А вы её долго будете продавать?

— Пока кто-нибудь не купит.

— А если никто?

— Тогда долго.

Это обнадёживало.

— А если кто-нибудь придёт завтра?

— Продам завтра.

Маттео нахмурился.

— Нельзя.

— Почему?

— Я ещё не накопил.

Хозяин засмеялся. Маттео обиделся.

— Чего вы смеётесь?

— Извини.

Но мужчина продолжал улыбаться.

— Сколько накопил?

Маттео поколебался. Потом показал монеты. Хозяин посмотрел на них.

— Хорошее начало.

Маттео ждал насмешки. Её не было.

— Если я буду приносить вам деньги, вы её никому не продадите?

— Нет.

— Почему?

— Потому что это лавка, а не благотворительное обще-

ство.

— Но я буду платить.

— С такой скоростью ты рассчитаешься, когда у меня будет борода до колен.

Маттео посмотрел на его короткую седую бородку.

— Я могу быстрее.

— Это похвально.

— Значит, будете ждать?

— Нет.

Маттео сжал губы. Хозяин заметил.

— Послушай, мальчик. Ты хоть знаешь, зачем тебе скрипка? Вопрос показался Маттео странным.

— Чтобы играть.

— Ты умеешь?

— Нет.

— Учитель есть?

— Нет.

— Тогда для чего тебе именно эта?

Маттео посмотрел в витрину. Ответ был очевиден.

— Потому что она моя.

Хозяин перестал улыбаться.

— Вот как.

Маттео испугался собственных слов.

— То есть... не моя. Пока.

Мужчина прислонился к дверному косяку.

— Как зовут тебя, я помню. Маттео Ферри.

Маттео кивнул.

— А меня — синьор Витторе.

— Вы их делаете?

Маттео показал на инструменты.

— Некоторые чиню. Некоторые продаю. Иногда делаю.

Последнее слово Маттео услышал особенно ясно.

— Делаете?

— Да.

— Как?

Синьор Витторе пожал плечами.

— Беру дерево. Убираю всё лишнее. Остаётся скрипка.

Маттео посмотрел на него недоверчиво.

— Так не бывает.

— Конечно, не бывает.

Мужчина снова усмехнулся.

— Но если рассказать тебе всё, мы простоим здесь до Рождества.

Маттео шагнул ближе.

— А из какого дерева?

— Из разного.

— Из любого?

— Нет.

— Почему?

— Потому что дерево тоже имеет голос.

Маттео замер.

— Дерево не говорит.

— Большинство людей тоже много говорят и всё равно ничего не говорят.

Теперь Маттео точно понял, что хозяин издевается. Синьор Витторе взял возле двери тонкую дощечку.

— Слушай.

Он постучал костяшкой пальца. Тук. Протянул Маттео другую.

— Теперь эту.

Тук. Маттео нахмурился.

— Они разные.

— Вот.

— Первая выше.

— Вот.

Синьор Витторе посмотрел на него уже не смеясь.

— Хорошие уши.

Маттео хотел спросить ещё что-то, но на дальнем конце улицы ударил колокол. Он вздрогнул. Отец.

— Мне надо идти.

— Беги.

Маттео уже вышел, когда обернулся.

— Синьор Витторе!

— Что?

— Не продавайте её сегодня.

— Сегодня?

— Сегодня.

Хозяин лавки развёл руками.

— Постараюсь пережить этот убыток.

Маттео побегал. Он вернулся позже, чем должен был. Немного. Но Джованни умел замечать такие вещи.

— Где был?

— У сапожника.

— Долго он с тобой беседовал.

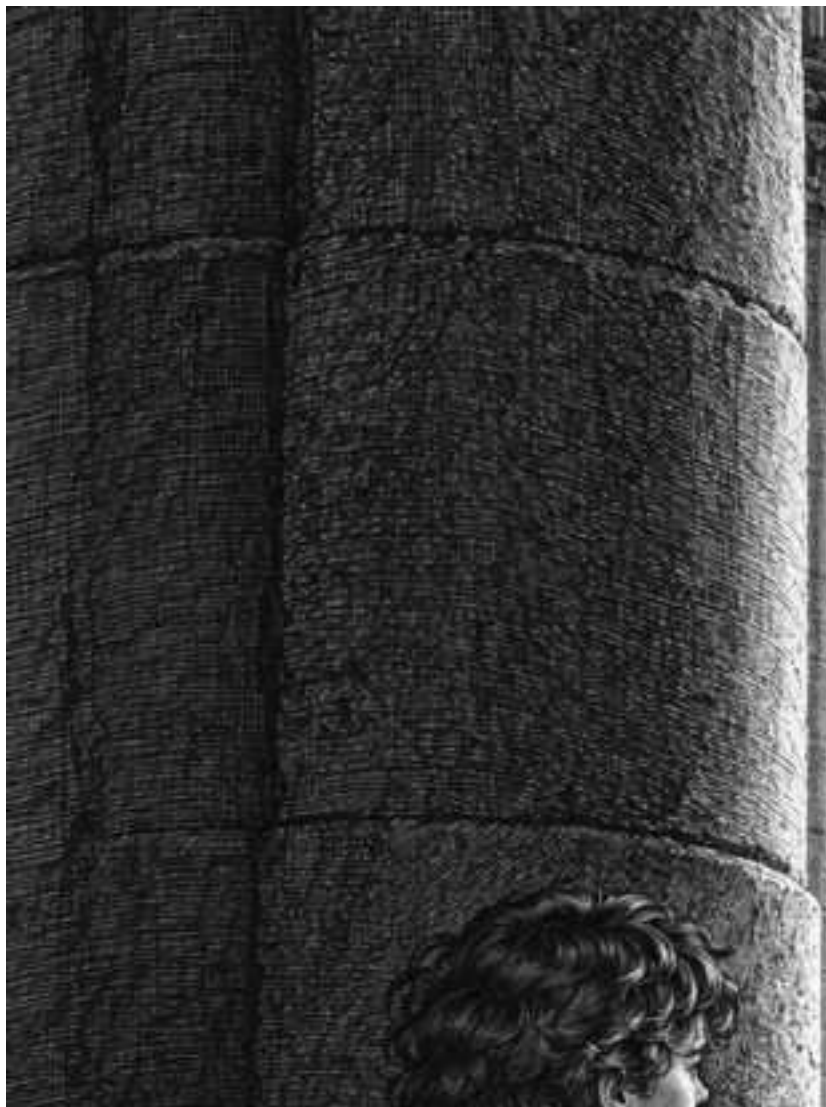
Маттео почувствовал, что опять стоит на том же месте, что вчера. Только теперь в кармане

лежали две монеты.

— Я шёл медленно.

Отец посмотрел на него.

— Не ври.

Маттео опустил глаза. Джованни ничего больше не сказал. Это оказалось хуже крика. Вече-

ром он только бросил:

— Завтра останешься возле меня весь день.

Маттео кивнул. Следующие четыре дня были одинаковыми. Рынок. Дом. Рынок. Дом. Джованни не давал сыну никаких поручений дальше соседнего ряда. Маттео не видел скрипку.

Зато видел её во сне. Иногда ему снилось, что он наконец держит инструмент в руках, но тот

оказывается слишком большим и тяжёлым. Иногда — что струны исчезают. Однажды при-снилось, что он пришёл к витрине, а там пусто. После этого сна Маттео проснулся в слезах и

долго не мог понять, почему плачет. Ещё через два дня отец всё-таки отправил его за товаром. Эти дни тянулись в одном и том же сером ритме: сырой камень рынка, тяжёлые корзины, голос отца, вечерний дым в комнате. Только во сне витрина снова загоралась тёплым ко-ричневым светом лака.

— На склад Кавалли. Передашь записку. Возьмёшь свёрток и сразу обратно.

Маттео схватил записку.

— Я быстро.

— Именно.

На этот раз лавка синьора Витторе была далеко в стороне. Маттео даже не попытался туда свернуть. Он отнёс записку. Получил небольшой свёрток. Пошёл обратно. И тогда услышал скрипку.

Маттео остановился так резко, что человек позади выругался и толкнул его плечом.

— Под ноги смотри!

Маттео не заметил. Он слушал. Звук был далёкий. Со всем не похожий на тот, что сыграл синьор Витторе. Там был один протяжный тон. Здесь — музыка. Несколько быстрых нот под-нялись вверх, задержались и упали. Потом наступила тишина. Маттео повернул голову.

Откуда?

Улица была шумной. Телега проехала по камням. Продавец рыбы кричал что-то покупателю.

Из окна выплеснули воду. Маттео стоял неподвижно. Скрипка зазвучала снова. На этот раз он понял направление. Справа. За домами.

Маттео сделал шаг. Остановился. Отец велел сразу обратно. Он посмотрел на свёрток. Потом туда, откуда доносилась музыка. Снова несколько нот. Ошибка.

Маттео это почувствовал раньше, чем понял. Музыка обо-

рвалась. Раздался приглушённый мужской голос. Слов разобрать было нельзя. Потом тот же отрывок начался заново. Маттео пошёл на звук. Не побежал. Именно пошёл. Словно если он будет двигаться медленно, то не нарушит обещания отцу.

Скрипка привела его в переулок. Потом к небольшой площади. Здесь находилась церковь.

Маттео бывал рядом много раз, но никогда не обращал на неё особого внимания.

В Генуе было столько церквей, что ребёнок переставал воспринимать их как отдельные здания. Они были частью города, как лестницы, каменные стены, колокольни и запах моря.

Высокие двери оказались приоткрыты. Музыка шла оттуда. Маттео поднялся по ступеням.

Остановился перед дверью. Скрипка играла медленно. Одна и та же короткая последовательность повторялась снова и снова. Потом мужской голос произнёс:

— Нет.

Музыка прекратилась. Маттео заглянул внутрь. Сначала он почти ничего не увидел. После улицы храм казался тёмным. Он подождал. Глаза привык-

ли. Высокие колонны уходили
вверх. Между ними лежали полосы тусклого дневного
света. Где-то в глубине мерцали свечи.

Маттео осторожно вошёл. Никто не остановил. Он сделал
ещё несколько шагов. Голос теперь
был слышен яснее.

— Ты торопишься.

Ответил мальчик.

— Я не тороплюсь.

Маттео замер. Он ожидал взрослого музыканта. Но играл
ребёнок.

— Торопишься, — повторил мужчина. — Ты хочешь сыг-
рать то, что ещё не научился слышать. Маттео приблизился
к ближайшей колонне. Отсюда он увидел их. Мужчина стоял
вполоборота. Высокий, худой, в тёмной одежде. Перед
ним — мальчик со скрипкой. На вид
почти ровесник Маттео. Может быть, на год старше.
Очень худой. Тёмные волосы падали на
лоб.

Он держал инструмент под подбородком и смотрел на
учителя с таким выражением, будто
сдерживал раздражение.

— Ещё раз, — сказал мужчина.

Мальчик поднял смычок. Маттео прижался к колонне.
Первый звук заставил его забыть обо

всём. О рынке. О свёртке. Об отце. Даже о скрипке в витрине. Потому что сейчас инструмент не лежал за стеклом. Он говорил.

Мальчик сыграл несколько тактов. Маттео не знал слова «такт». Не знал названий нот. Не

знал, что такое тональность, интервал, фразировка. Но слышал. Слышал, где музыка напрягалась. Где будто просила продолжения. Где мальчик снова чуть-чуть ускорил.

Учитель поднял руку.

— Стоп.

Скрипка замолчала.

— Где?

— Я знаю.

— Если бы знал, не сделал бы.

Мальчик недовольно отвёл глаза.

— Ещё раз.

Маттео невольно шепнул вместе с ним:

— Ещё раз.

Он тут же испугался собственного голоса. Никто не услышал. Мальчик снова начал. На этот

раз сыграл медленнее. И вдруг произошло нечто, чего Маттео не мог объяснить. Он заранее

знал следующую ноту. Не потому, что слышал эту мелодию раньше. Не слышал. Но предыдущие звуки как будто са-

ми требовали определённого продолжения. Маттео услышал его

внутри. Через мгновение скрипка сыграла именно это. У него пробежал холод по спине. Следующая нота. Маттео снова попытался угадать. Не получилось. Потом ещё одна. Эту он почувствовал. Скрипка подтвердила. Маттео перестал дышать. Мальчик закончил. Учитель

долго молчал.

— Лучше.

Ученик опустил скрипку.

— Можно быстрее?

— Когда научишься играть медленно.

— Я умею медленно.

— Ты терпеть не умеешь.

Мальчик усмехнулся.

— Это другое.

Учитель тоже едва заметно улыбнулся.

— Для музыканта — нет.

Маттео посмотрел на лицо мальчика. В нём было что-то странное. Не красота. Не доброта.

Не то, что обычно замечают во внешности ребёнка. Он выглядел так, словно всё время о чём-то думал. Даже когда молчал. Особенно когда молчал.

Учитель отошёл к небольшому столику, где лежали бумаги. Маттео заметил движение ученика. Тот провёл пальцем по струне. Тихо. Почти беззвучно. Потом быстро сыграл несколько

нот. Совсем не те, что велел учитель. Быстрые. Резкие. Словно хотел доказать что-то самому себе.

— Я слышал.

Мальчик невинно опустил смычок.

— Что?

— Именно поэтому у тебя сегодня всё рассыпается.

— Но получилось.

— Случайно.

— Два раза подряд?

Учитель повернулся.

— Никколо.

Маттео впервые услышал имя.

Никколо.

Оно ничего ему не сказала.

— Если хочешь научиться фокусам, иди на площадь. Если хочешь научиться музыке — делай то, что я говорю.

Мальчик ничего не ответил. Но в его глазах осталось упрямство. Маттео вдруг почувствовал к нему неприязнь. Совершенно неожиданно. Этот Никколо имел скрипку. Имел учителя.

Имел право стоять здесь и играть. И всё равно спорил.

Маттео сжал свёрток. Ему захотелось выйти из-за колонны и сказать:

«Если ты не хочешь слушать его, отдай скрипку мне». Мысль была настолько сильной, что он почти сделал шаг. Но тут ученик повернул голову. Прямо в его сторону. Маттео отпрянул за колонну. Сердце ударило так громко, что он был уве-

рен: его слышали. Тишина. Потом
голос учителя:
— Что там?

— Ничего.

— Тогда приготовься.

Маттео медленно выглянул. Мальчик уже смотрел на ноты. Не заметил. Или сделал вид.

Маттео остался. Ему казалось, что прошло совсем немного времени. На самом деле солнечная полоса на полу успела передвинуться почти на ширину колонны. Учитель объяснял.

Мальчик повторял. Иногда музыка получалась. Иногда ломалась. Иногда вдруг возникало несколько таких звуков, что Маттео чувствовал, как внутри становится тесно. Он не понимал

почему. Ничего печального в мелодии не было. И всё-таки хотелось то ли плакать, то ли бежать куда-то очень далеко. Он стоял неподвижно. Пока снаружи не ударил колокол. Маттео

очнулся. Свёрток. Отец. Он посмотрел на дверь. Потом на мальчика. Никколо снова поднял скрипку.

— Ещё раз, — сказал учитель.

Маттео попятился. Один шаг. Второй. Музыка началась. Он остановился. «Только до конца».

Дождлся. Потом бросился к выходу.

На улице солнце уже стояло совсем в другом месте. Маттео побежал. Теперь он понимал, насколько опоздал. К площади. Через переулок. Мимо пекарни. Едва не попал под колёса телеги. Свёрток бил его по боку.

На рынок он ворвался, запыхавшись. Отец стоял там же, где утром. Только покупателей не

было. Соседний торговец делал вид, что занят своим товаром. Старуха с травами вообще отвернулась. Маттео сразу понял: все уже знают. Джованни посмотрел на сына.

— Свёрток.

Маттео протянул. Отец взял его. Проверил печать. Положил под прилавок.

— Где был?

Маттео дышал тяжело.

— Я...

— Не торопись. Придумай хорошо.

Маттео поднял глаза.

— В церкви.

На лице отца появилось удивление.

— Что?

— Я был в церкви.

— Молился?

Маттео молчал.

— Ну?

— Там играли.

Джованни закрыл глаза. Всего на секунду. Потом тихо спросил:

— Опять скрипка?

Маттео кивнул. Отец долго смотрел на него. Не кричал. Это было страшнее.

— Домой.

— Но я могу помочь...

— Домой.

— Папа...

— Я сказал: домой.

Маттео повернулся.

— И вечером поговорим.

Он пошёл. Ноги вдруг стали тяжёлыми. Возле рыбных рядов он сунул руку в карман. Две

монеты были на месте. Маттео сжал их. До дома оставалось далеко. Он шёл медленно. В голове всё ещё звучала мелодия из церкви. Особенно одно место. То самое, где мальчик ошибся. Маттео повторил его голосом. Потом попытался вспомнить, как ученик сыграл после замечания учителя. Получилось. Он остановился. Спел тихо ещё раз. Потом тот вариант, первый. Неправильный. Разница была совсем небольшой. Но Маттео слышал её ясно. Он посмотрел назад, туда, где за домами находилась церковь. Теперь у него было

две скрипки.

Одна лежала за стеклом. Другая звучала за каменными стенами. Первую можно было купить.

Когда-нибудь. Вторую можно было слушать уже сейчас. Нужно было только найти способ

вернуться. Маттео ещё не знал, чем закончится разговор с отцом вечером. Не знал, что получит первое настоящее наказание за свои исчезновения. Не знал, что вскоре научится входить

в церковь так, чтобы его никто не видел. Не знал, за какой колонной лучше всего прятаться.

И уж тем более не знал, кем станет худой упрямый мальчик, чьё имя сегодня впервые услышал. Никколо. Пока это было просто имя. Так же ничего не значившее для мира, как имя

Маттео Ферри.

Глава третья

За колонной

Отец пришёл домой поздно. Вечер тянулся медленно. В очаге потрескивали тонкие

поленья, на столе остывала простая еда, а вся тесная комната словно прислушивалась вместе

с Маттео к шагам на лестнице. Маттео всё это время ждал. Он успел помочь матери принести

воду, нарезал хлеб, подмёл возле очага, дважды сходил за дровами и даже сам предложил вынести ведро. Мать ничего не сказала. Она знала. Маттео понял это сразу, как только вошёл домой.

Обычно, если отец сердился на него за какую-нибудь мелочь, мать задавала вопросы:

— Что случилось?

— Что ты натворил?

— Опять не слушался?

Сегодня она не спросила ничего. Только посмотрела. Потом сказала:

— Сними рубашку, она мокрая.

Маттео снял.

— Где ты был?

Он замер.

— Папа сказал?

— Где ты был?

— В церкви.

Мать продолжала резать лук.

— Молился?

Маттео опустил глаза.

— Нет.

Нож стукнул о доску.

— Тогда что ты там делал?

— Слушал.

— Что?

— Скрипку.

Мать остановилась.

Несколько секунд смотрела на сына.

— Опять.

Маттео ничего не ответил.

Она отвернулась.

— Ты знаешь, как отец работал сегодня?

— Знаю.

— Нет. Не знаешь.

— Я был утром.

— Утром ты был. А потом тебя не было.

Маттео сжал губы.

— Там играл мальчик.

Мать посмотрела на него так, словно он сказал что-то совсем не относящееся к разговору.

— Какой мальчик?

— Почти как я. Может, старше. Его учат.

— И что?

Маттео не знал, как объяснить.

— Он играет.

— Я поняла.

— Нет.

Мать положила нож.

Маттео поднял глаза.

— Что «нет»?

— Ты не понимаешь.

— Тогда объясни.

Он хотел.

Очень хотел.

Но всё, что происходило в церкви, нельзя было сказать

обычными словами. Нельзя было сказать: «Он играет красиво». Слишком мало. Нельзя: «Мне нравится». Это было почти неправдой. Маттео мучительно искал.

— Когда он играет... всё становится другим.

Мать долго смотрела на сына. Потом тихо спросила:

— Что становится другим?

— Всё.

Она вздохнула. Маттео решил, что опять объяснил плохо.

— Вот мы сейчас здесь.

Он показал рукой на комнату.

— Стол. Печь. Стена. Бьянка. Ты. А когда играет скрипка... всё это остаётся. Но как будто...

Он замолчал.

— Как будто что?

Маттео нахмурился.

— Как будто за всем есть ещё что-то.

Мать не улыбнулась. Не рассердилась. Она просто смотрела на него. В дверях появилась

Бьянка.

— Что ещё?

Маттео резко обернулся.

— Ничего.

— Вы про меня говорили.

— Не про тебя.

— Я слышала «Бьянка».

— Я просто сказал твоё имя.

— Зачем?

— Иди отсюда.

— Сам иди.

— Бьянка.

Мать произнесла это негромко. Девочка сразу исчезла за занавеской. Маттео смотрел на стол.

— Папа очень злой?

Мать снова взяла нож.

— Да.

— Он меня ударит?

Нож остановился.

— Ты сам знаешь отца.

Это не было ответом. Маттео и не ждал другого. Через некоторое время мать сказала:

— Ты думаешь, ему нравится тащить тебя на рынок?

Маттео удивился.

— Не знаю.

— Думаешь, он радуется, когда ты таскаешь мешки?

— Он всё время говорит, что я должен помогать.

— Должен.

— Значит, ему нравится.

Мать покачала головой.

— Когда тебе было пять, он вообще не давал тебе ничего носить.

Маттео смутно помнил.

— Я был маленький.

— Был.

Она бросила лук в котелок.

— А теперь вырос.

Маттео хотел сказать, что девять лет — это не особенно много, но промолчал. Мать накрыла котелок крышкой.

— Ты знаешь, сколько мы должны хозяину?

— Нет.

— И хорошо.

— Много?

— Достаточно.

— А кому ещё?

Она посмотрела на него.

— Вот поэтому и хорошо, что ты не знаешь.

Маттео почувствовал раздражение.

— А что я могу сделать? Я же ребёнок.

— Ничего.

— Тогда зачем я нужен на рынке?

Мать закрыла глаза. Всего на мгновение.

— Потому что ты уже можешь делать хоть что-то.

Маттео понял. Но не хотел понимать.

В этот момент внизу хлопнула дверь. Они оба услышали шаги. Тяжёлые. Медленные. Джованни вошёл, не снимая куртки. Сначала поставил возле стены пустую корзину. По-

том молча

сел. Мать налила ему суп. Маттео стоял у окна. Отец ел. Никто не говорил. Бьянка выглянула

из-за занавески, но мать показала ей глазами: не сейчас. Джованни доел. Положил ложку.

Вытер рот тыльной стороной ладони.

— Иди сюда.

Маттео подошёл. Отец показал на табурет.

— Садись.

Это удивило Маттео ещё больше. Когда отец собирался ругать, обычно не предлагал сесть.

Маттео сел. Джованни смотрел на него долго.

— Где был?

Маттео почти сказал: «Ты знаешь». Не сказал.

— В церкви.

— Зачем?

— Слушал скрипку.

— Я тебя куда послал?

— На склад.

— Ты ходил?

— Да.

— Взял свёрток?

— Да.

— Потом что велел?

— Сразу обратно.

— И что означает «сразу обратно»?

Маттео молчал.

— Я спрашиваю.

— Вернуться.

— Ты вернулся?

— Вернулся.

Джованни ударил ладонью по столу. Не сильно. Но Бьянка за занавеской вздрогнула.

— Не играй со мной словами.

Маттео опустил голову.

— Нет.

— Нет что?

— Не сразу.

— Сколько тебя не было?

— Я не знаю.

— Я знаю.

Отец наклонился ближе.

— Почти два часа.

Маттео поднял глаза.

— Не может быть.

— Не может?

— Там не было два часа.

— А сколько?

Маттео попытался вспомнить. Скрипка. Голос учителя. Повторение. Колокол.

— Я не знаю.

— Вот именно.

Джованни встал. Прошёлся по комнате. Потом остановился у стены.

— Ты понимаешь, что я не мог уйти?

Маттео молчал.

— Понимаешь?

— Да.

— Нет. Не понимаешь.

Он ткнул пальцем в сторону двери.

— Мне надо было забрать товар. Я не мог оставить место. Не мог бросить телегу. Не мог попросить соседа, потому что у него свой товар. Я ждал тебя.

— Прости.

— «Прости».

Отец усмехнулся. Но в усмешке не было веселья.

— Очень удобное слово.

Мать тихо сказала:

— Джованни.

— Нет.

Он даже не повернулся.

— Пусть услышит.

Маттео сжал колени.

— Ты думаешь, что я держу тебя возле себя потому, что мне нечего делать?

Маттео ничего не ответил.

— Думаешь, я не понимаю, что ты ребёнок?

Отец подошёл ещё ближе.

— Я понимаю.

Голос вдруг стал тише.

— Каждый день понимаю.

Это было неожиданно. Маттео поднял голову.

— Я вижу, как ты смотришь на мальчишек, которые бегут возле порта. Думаешь, я не вижу?

Маттео замер.

— Вижу.

Джованни отвернулся.

— И что мне делать?

Никто не ответил.

— Сказать: иди бегай? А кто будет помогать? Твоя мать?
С Бьянкой на руках? Или я один? А
если я заболēju?

Мать резко сказала:

— Не надо.

— Надо.

Отец посмотрел на Маттео.

— Если я завтра не встану, ты знаешь, где взять хлеб?

Маттео почувствовал холод.

— Папа...

— Знаешь?

— Нет.

— Вот.

Он снова сел. Несколько мгновений молчал. Потом сказал:

— Поэтому ты должен понимать одну вещь. Мы не богатые люди.

Маттео хотел сказать, что знает. Отец опередил:

— Нет, не знаешь. Ты видишь бедность. А это не то же самое, что понимать её.

В комнате стало совсем тихо. Даже Бьянка не шевелилась.

— Бедность — это когда любое твоё желание надо сначала спросить: сколько стоит?

Джованни говорил спокойно.

— Ты хочешь есть — сколько стоит? Хочешь обувь — сколько стоит? Хочешь день не работать — сколько стоит? Хочешь заболеть — сколько стоит?

Маттео слушал.

— А теперь ты хочешь скрипку.

Слово прозвучало почти чужим. Маттео невольно сунул руку в карман. Монеты были там.

Отец заметил движение.

— Что у тебя?

Маттео замер.

— Ничего.

— Покажи.

Маттео не двигался.

— Маттео.

Медленно он достал две монеты. Положил на ладонь.
Отец смотрел.

— Откуда?

— Одну нашёл. Одну дал Паоло.

— Я помню.

— Это мои.

— Я не сказал, что не твои.

Маттео немного расслабился.

— На что копишь?

Он не ответил. Джованни усмехнулся.

— Даже спрашивать не надо.

Маттео сжал пальцы. Отец протянул руку.

— Дай.

Маттео отдёрнул ладонь.

— Нет.

В комнате будто что-то изменилось. Мать перестала дышать. Отец очень медленно опустил руку.

— Что ты сказал?

Маттео испугался. Но теперь отступить было ещё страшнее.

— Они мои.

Джованни смотрел на него.

— Я не собирался их забирать.

Маттео молчал.

— Я хотел посмотреть.

Он протянул руку снова. Маттео поколебался. Положил монеты ему в ладонь. Отец покатал их пальцем.

— И сколько тебе надо таких?

Маттео назвал цену. Мать тихо охнула. Джованни поднял глаза.

— Ты с ума сошёл?

Маттео не ответил.

— За кусок дерева?

— Это не кусок дерева.

— Для тебя — кусок дерева.

— Нет.

— Ты играть умеешь?

— Нет.

— Учитель есть?

— Нет.

— Тогда что ты с ней будешь делать?

Маттео почувствовал знакомую беспомощность. Это был тот же вопрос, что задавал синьор

Витторе. Но отцу нельзя было ответить:

«Она моя».

— Научусь.

— Где?

— Не знаю.

— У кого?

— Не знаю.

— За какие деньги?

Маттео молчал. Джованни положил монеты на стол.

— Вот и я не знаю.

— Но можно...

— Нельзя.

Слово прозвучало коротко. Маттео поднял голову.

— Почему?

— Потому что нельзя.

— Это не ответ.

Отец резко встал.

— Это ответ отца.

— Но почему Никколо можно?

Имя вырвалось случайно. Джованни нахмурился.

— Кто?

Маттео сам не понял, зачем сказал.

— Мальчик.

— Какой ещё мальчик?

— В церкви.

— Тот, которого ты слушал?

Маттео кивнул.

— Его учат. У него есть скрипка.

Джованни посмотрел на него так, словно сын окончательно-

но перестал понимать очевидные вещи.

— И что?

— Почему ему можно, а мне нельзя?

— Потому что он не мой сын.

Маттео почувствовал, как кровь ударила в лицо.

— Это нечестно.

Мать тихо сказала:

— Маттео.

Но он уже не мог остановиться.

— Нечестно!

Отец шагнул к нему.

— Замолчи.

— Он ничем не лучше меня!

— Я сказал — замолчи.

— Он даже не слушает учителя!

Удар получился быстрее, чем Маттео успел увидеть движение. Не кулаком. Открытой ладонью. По щеке. Маттео качнулся. В ушах зазвенело. Мать вскочила.

— Джованни!

Отец стоял неподвижно. Маттео прижал ладонь к щеке. Глаза наполнились слезами. Не столько от боли. От унижения. Отец смотрел на него тяжело.

— Никогда больше не повышай на меня голос.

Маттео отвернулся.

— Слышал?

Он не ответил.

— Маттео.

— Слышал.

— Громче.

— Слышал!

Мать встала между ними.

— Хватит.

Джованни провёл рукой по волосам. Сел. Гнев словно сразу ушёл. Осталась усталость. Маттео видел это, но сейчас ему было всё равно. Отец указал на монеты.

— Забери.

Маттео удивился.

— Забери, я сказал.

Он взял деньги.

— Можешь копить.

Маттео посмотрел на него.

— Но пока живёшь в этом доме, будешь делать то, что тебе говорят.

Отец говорил уже спокойно.

— На рынок — значит на рынок. На склад — значит на склад. Сказали вернуться — возвращаешься.

Маттео сжал монеты.

— А в церковь?

Отец усмехнулся.

— Если пойдёшь молиться — пожалуйста.

— А слушать?

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты исчезаешь там на часы.

— Я могу после работы.

— После работы будешь дома.

— Но...

— Всё.

Джованни поднялся. Разговор закончился. Маттео стоял ещё несколько секунд. Потом ушёл

за занавеску. Бьянка лежала, притворяясь спящей. Маттео сразу понял. Он сел рядом. Щека

горела. Бьянка осторожно приоткрыла глаза и тут же снова закрыла их, увидев брата. В полу-тьме комнаты красная полоса на его щеке казалась ярче, чем была на самом деле, и от этого

ему стало ещё стыднее.

— Больно?

Он посмотрел на сестру.

— Ты не спишь.

— Уже нет.

— Подслушивала.

— Я всё равно всё слышала.

Маттео лёг лицом к стене. Бьянка подползла ближе.

— А что такое скрипка?

— Отстань.

— Я только спросила.

Маттео молчал. Через некоторое время она сказала:

— Если я найду монету, дам тебе.

Он повернулся.

— Зачем?

— На скрипку.

Маттео посмотрел на сестру.

— Она очень дорогая.

— А сколько?

Он назвал сумму. Бьянка задумалась.

— Это больше десяти?

Маттео не выдержал и засмеялся. Смех отдался болью в щеке. Он поморщился.

— Намного.

Бьянка тоже засмеялась, не понимая почему. Потом шёпотом спросила:

— А папа плохой?

Маттео сразу перестал смеяться. За занавеской было слышно, как отец двигает табурет.

— Нет.

— Но ударил.

— Ты тоже меня била.

— Я маленькая.

— Вот именно.

— А он большой.

Маттео ничего не ответил. Позже, когда Бьянка уснула, он долго лежал с открытыми глазами.

Он был зол на отца. Очень зол. Но слова про хлеб и болезнь не уходили. Маттео хотел ненавидеть его целиком. Это было бы проще. Но не получалось. Потому что утром отец снова

встанет затемно. Снова потащит тележку. Снова будет торговаться за каждую монету. Снова

придёт домой поздно. Маттео знал это. И от этого сердиться было ещё тяжелее. Он нащупал

под тюфяком две монеты. Положил рядом. Долго смотрел. Потом прошептал:

— Никколо.

Имя показалось странным. Как будто он уже знал человека, хотя ни разу с ним не разговаривал. На следующий день Маттео не ушёл с рынка ни на шаг. И через день тоже. Отец словно

нарочно держал его рядом.

— Подай.

— Сосчитай.

— Отнеси туда.

— Не дальше.

Маттео выполнял всё. Не спорил. Не спрашивал. На четвёртый день отец немного смягчился.

— Сходи за водой.

Фонтан был неподалёку. Маттео вернулся сразу.

На пятый день:

— Отнеси это старухе Лукреции.

Три минуты туда. Три обратно. Маттео вернулся за пять.

На шестой:

— К булочнику.

Он вернулся ещё быстрее. Отец ничего не говорил. Но Маттео понимал. Его проверяют. На

седьмой день Джованни дал ему записку.

— На склад.

Маттео поднял глаза. Это был тот самый склад. Тот же путь. От которого однажды он свернул к церкви. Отец смотрел внимательно.

— Отнесёшь.

— Да.

— Ответа не жди.

— Хорошо.

— И обратно.

Маттео кивнул. Он вышел. Пошёл быстро. Не смотрел по сторонам. Отнёс записку. Повернул назад. Почти дошёл до перекрёстка. И услышал скрипку. Совсем тихо. Но узнал сразу.

Маттео остановился. На этот раз музыка была дальше. Ветер уносил звук. Он стоял посреди

улицы. Люди обходили. Кто-то задел плечом. Маттео продолжал слушать. Потом пошёл обратно к рынку. Сделал десять шагов. Остановился. Музыка всё ещё звучала. Он закрыл глаза.

«Нельзя».

Отец сказал нельзя. Он обещал. Маттео пошёл дальше. Скрипка исчезла за шумом улицы.

Ещё несколько шагов. Теперь не слышно совсем. Маттео вдруг почувствовал такую пустоту, словно оставил там что-то своё.

Он резко развернулся. И побежал. На этот раз не пытался себя обманывать. Он знал, что делает. Это был не случайный крюк. Не задержка. Не любопытство. Это был побег.

Маттео ворвался на площадь. Поднялся по ступеням. В храм вошёл медленно. Здесь было

прохладно. Тихо. Пахло воском, камнем и сыростью. Музыка шла из глубины. Маттео сразу узнал место.

Никколо стоял там же. Учитель сидел. Сегодня они играли что-то новое. Маттео шагнул к

той колонне, возле которой прятался в прошлый раз. Но теперь она показалась слишком открытой. Если кто-нибудь войдёт сбоку, заметит. Он осмотрелся. Чуть дальше была другая колонна. Шире. Рядом — тёмная ниша. Маттео прошёл туда. Отсюда ученика почти не было

видно. Только часть плеча. Смычок. Иногда рука учителя. Зато звук был чистый. Без улицы. Без голосов. Без телег.

Маттео прислонился спиной к холодному камню.

— Начни сначала, — сказал учитель.

Никколо вздохнул.

— Я уже сыграл.

— Ты сыграл ноты.

— А что ещё?

— Музыку.

Маттео улыбнулся. Ему понравился ответ. Никколо снова поднял смычок. Начал. Маттео

слушал. Через несколько тактов учитель остановил.

— Нет.

Маттео уже знал где. Он почувствовал ошибку одновременно с учителем. Сердце забилось быстрее.

— Ты снимаешь палец рано, — сказал мужчина.

Маттео посмотрел на свою левую руку. Пальцы сами легли на каменную колонну. Первый.

Второй. Третий. Он представил струну. Никколо повторил. Маттео двигал пальцами вместе с

ним. Там, где учитель остановил, он задержал палец.

— Вот, — сказал мужчина. — Теперь лучше.

Маттео замер. Он сделал правильно. Не видя. Только слы-

ша. Никколо сыграл ещё раз. Маттео повторил движения. Конечно, он не знал, куда именно ставить пальцы на настоящей

скрипке. Не знал расстояния. Не знал названий. Но уже начинал понимать порядок. Один

звук выше другого. Если движение идёт вверх — пальцы приближаются. Если струна меняется — тембр другой. Маттео не мог объяснить этого. Тело понимало раньше головы.

— Снова, — сказал учитель.

Никколо застонал.

— Сколько можно?

Маттео прошептал за колонной:

— Пока не получится.

Он сам удивился. Почти теми же словами ответил учитель:

— Пока не получится.

Маттео прижал ладонь ко рту. Ему захотелось смеяться. Урок продолжался. Теперь он уже не

просто слушал музыку. Он слушал замечания. Каждое слово. «Медленнее». «Не дави».

«Смычок ровнее». «Не поднимай плечо». «Слышишь фразу?» «Не торопись».

Маттео запоминал всё. Не специально. Слова сами оставались внутри. Иногда он не понимал, о чём речь. Что зна-

чит «смычок ровнее»? Что значит «позиция»? Почему один палец

можно оставить, а другой надо снять? Но непонятное не раздражало. Наоборот. Это было

словно дверь с множеством замков. И Маттео уже начинал искать ключи.

Никколо вдруг заиграл быстро. Не по заданию. Маттео узнал эту манеру. Короткая вспышка.

Несколько нот одна за другой. Учитель резко сказал:

— Стоп.

Никколо опустил скрипку.

— Я просто хотел попробовать.

— Вот поэтому и не получается то, что нужно.

— Но получилось же.

— Ты опять думаешь о скорости.

— А разве плохо играть быстро?

— Плохо не слышать, что играешь.

Никколо нахмурился. Маттео высунулся чуть дальше. Теперь видел его лицо. Упрямое. Тонкое. Глаза тёмные.

— Я слышу.

— Тогда сыграй медленно и докажи.

Никколо поднял инструмент. Начал. На этот раз очень медленно. Маттео перестал

двигаться. Даже в такой простой последовательности зву-

ков было что-то особенное. Когда

мальчик переставал бороться с учителем, скрипка менялась. Будто голос становился старше самого Никколо. Маттео забыл, что завидует ему. Несколько минут существовала только музыка.

Потом всё оборвалось. Шорох. Маттео услышал шаги. Кто-то шёл со стороны бокового прохода. Прямо к его колонне. Он прижался к камню. Шаги ближе. Маттео оглянулся. Убежать

уже невозможно. Из-за колонны появился пожилой слуга. Увидел мальчика. Остановился. Маттео побледнел. Слуга посмотрел на него. На группу вдали. Снова на Маттео.

Поднёс палец к губам. И прошёл дальше. Маттео не поверил. Он смотрел ему вслед. Старик даже не обернулся. Маттео медленно выдохнул.

Колонна вдруг перестала быть просто местом, где можно спрятаться. Она стала его местом.

Снаружи били часы. Маттео вспомнил о рынке. Сколько прошло? Он не знал. Страх вернулся сразу. Но уходить не хотелось.

Никколо снова начал. Маттео заставил себя отойти. Один шаг. Потом ещё. Музыка становилась тише. Он уже почти

дошёл до двери, когда услышал:

— Ещё раз.

Маттео остановился. Это говорил учитель. Никколо тяжело вздохнул. Маттео улыбнулся. И вышел.

До рынка он бежал. На этот раз отец не стоял с пустым местом. Покупатели были. Джованни

спорил с женщиной из-за цены на оливки. Маттео незаметно встал рядом. Начал подавать

товар. Отец посмотрел. Всего один раз. Ничего не сказал. Маттео почувствовал облегчение.

Значит, успел. Через несколько минут женщина ушла. Джованни стал складывать монеты.

— Долго.

Сердце Маттео провалилось.

— На складе...

Отец поднял глаза. Маттео замолчал. Снова ложь. Он почти произнёс её. Потом сказал:

— Я был в церкви.

Джованни медленно выпрямился. Маттео приготовился. К крику. К удару. К тому, что его от-правят домой. Отец ничего не сделал. Просто смотрел.

— Я вернулся быстро, — сказал Маттео.

— Я вижу.

— Я только немного.

— Я тоже вижу.

Маттео не понимал. Джованни взял корзину.

— Перебери каштаны.

— Ты не сердишься?

Отец остановился.

— Сержусь.

— Тогда почему...

— Потому что я работаю.

Он наклонился к сыну.

— И ты будешь работать.

Маттео кивнул. Отец отвернулся. Разговор закончился.

Но вечером наказание всё-таки пришло. Джованни не ударил его. Не кричал. Он просто сказал:

— Завтра останешься дома после рынка.

Маттео нахмурился.

— А послезавтра?

— Тоже.

— Сколько?

— Неделю.

— Почему?

Отец посмотрел на него. Маттео сам понял глупость вопроса.

— За то, что ушёл.

— Я всё сделал.

— Но ушёл.

— Я вернулся.

— Но ушёл.

Эти два слова оказались непробиваемыми. Маттео хотел спорить. Не стал. Неделя показалась

вечностью. Но теперь он знал важное. Где находится колонна. Во сколько примерно начинаются занятия. Как войти. Где стоять. И главное — что за этой колонной можно научиться

большему, чем он пока способен понять.

В ту ночь Маттео снова положил деревянную ложку на плечо. На этот раз не просто водил

рукой по воздуху. Он повторял. Медленно. Как говорил учитель. Не торопиться. Не давить.

Слышать. Левая рука лежала на воображаемом грифе. Пальцы двигались по памяти. Бьянка

смотрела с соседнего тюфяка.

— Ты опять со своей скрипкой?

— Тихо.

— Это ложка.

— Я знаю.

— Скрипка больше.

— Я знаю.

— И у неё струны.

Маттео раздражённо посмотрел.

— Я знаю.

Бьянка немного помолчала.

— А ты умеешь?

Маттео хотел ответить: «Нет». Но почему-то сказал:

— Ещё нет.

Он закрыл глаза. И снова увидел храм. Колонну. Руку учителя. Тёмную голову Никколо.

Смычок. И слышал:

— Ещё раз. Маттео медленно повторил движение. Ещё раз. Потом ещё. В соседней комнате

отец что-то сказал матери. Маттео не разобрал слов. Он продолжал. За колонной учился один

мальчик. Перед колонной — другой. Только один из них пока не знал, что у него есть второй ученик.

Глава четвёртая

Голос дерева

Неделя оказалась длиннее, чем Маттео ожидал. Серое небо низко висело над городом, вода стекала по желобам и швам старого камня, а Генуя казалась вымытой до холодного блеска. Даже привычные крики рынка в такую погоду звучали глуше и дальше. Он и раньше

знал, что семь дней могут тянуться медленно. Особенно зимой, когда дождь не прекращается

с утра до вечера, покупателей на рынке мало, а отец заставляет разбирать испорченные овощи.

Но эта неделя была другой. Теперь Маттео измерял время не днями. Он измерял его уроками, которые проходили без него. Каждое утро он просыпался и первым делом думал: «Сегодня

они будут играть?» Потом вспоминал, что узнать этого не сможет. В первый день ему казалось, что ничего страшного не происходит. Второй был хуже. На третий он начал слышать

воображаемую скрипку там, где её не было.

Тележное колесо скрипнуло на повороте — Маттео поднял голову. В переулке протяжно застонала дверь — он остановился. Торговец натянул верёвку вокруг ящика, и она издала тонкий звук — Маттео замер, прислушиваясь. Отец заметил.

— Что?

— Ничего.

— Тогда работай.

Маттео работал. Он действительно старался. Теперь в нём появилось странное желание доказать отцу, что одно не мешает другому. Он может слушать скрипку. И всё равно работать.

Может бегать в церковь. И всё равно помогать. Ему каза-

лось, если Джованни это поймёт, то

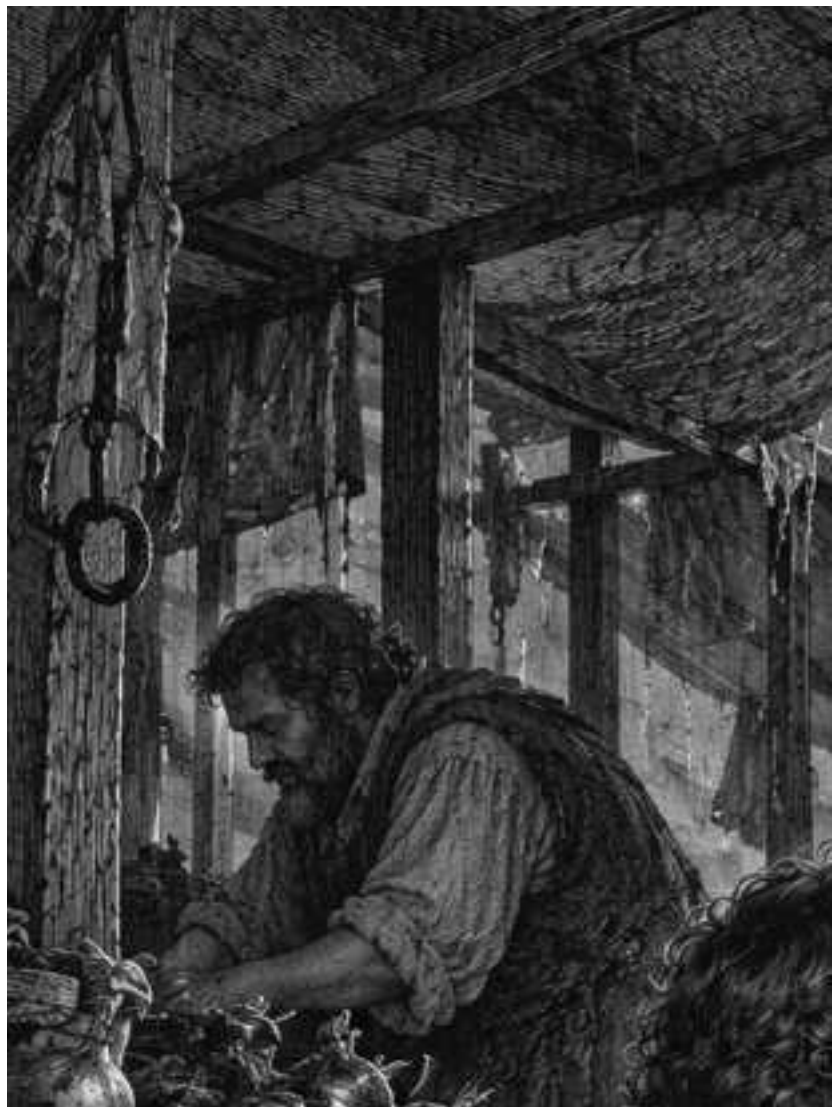
запрет исчезнет сам собой. Поэтому Маттео вставал раньше. Быстрее раскладывал товар. Не

спорил. Не просил уйти. Если отец велел принести воду — приносил. Если требовал пере-считать монеты — пересчитывал дважды. Если оставлял возле тележки — стоял возле тележки. На четвёртый день Джованни даже спросил:

— Ты заболел?

Маттео удивился.

— Нет.

— Тогда чего такой послушный?

— Я всегда послушный.

Отец посмотрел на него. Старуха Лукреция, слышавшая разговор, рассмеялась так громко, что закашлялась. Маттео надулся.

— Я правда.

— Конечно, — сказал Джованни.

Но уголок его рта дрогнул. Это был хороший знак. Маттео запомнил его. Вечером четвёртого

дня он решился спросить:

— А неделя когда заканчивается?

Отец ел. Даже не поднял головы.

— Через неделю.

— Я знаю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— С какого дня считать?

Джованни посмотрел на него.

— С того, когда я сказал.

Маттео быстро посчитал.

— Значит, ещё три дня.

— Значит, ещё три дня.

— А потом можно?

— Что можно?

Маттео помедлил.

— В церковь.

Отец положил ложку. Мать сразу перестала есть. Маттео заметил.

— Мы разве договаривались?

— Ты сказал неделю.

— Я сказал неделю сидеть после рынка дома.

— Вот.

— Я не сказал, что потом разрешу бегать куда хочешь.

Маттео почувствовал, как внутри всё опустилось.

— Но это нечестно.

Джованни поднял глаза. Маттео сразу исправился:

— Я думал, что после недели...

— Ты много думаешь.

— А что мне делать?

— Работать.

Маттео отвернулся. Мать тихо сказала:

— Ешь.

Он не хотел. Но съел всё.

Пятый день начался с дождя. Небо нависло над Генуей низко и тяжело. Вода стекала по стенам, мостовая блестела, ветер задувал под навес. Торговля почти встала. К полудню Джованни уже ругался на погоду вслух, словно та могла услышать и исправиться.

— Ни одного нормального дня.

Сосед торговец сыром возразил:

— Вчера был нормальный.

— Вчера было слишком жарко.

— Тогда тебе нужен свой собственный климат.

— Если бы продавали, я бы купил.

Маттео сидел на ящике и чистил грязь с луковиц. От дождя люди прятались под навесами. На

площади было непривычно пусто. Отец посмотрел на товар. Потом на небо.

— Всё равно сегодня ничего не будет.

Маттео поднял голову.

— Что?

— Глухой день.

Джованни достал несколько монет и протянул ему.

— Сходи к булочнику. Купи хлеб.

Маттео взял деньги.

— И всё?

Отец прищурился.

— А тебе мало?

— Нет.

— Тогда иди.

Маттео побежал. Булочник находился недалеко. Хлеб купил быстро. На обратном пути дождь

усилился. Маттео прижал свёрток к груди и спрятался под выступом дома. Через несколько

минут стало понятно, что переждать не получится. Вода

лилась стеной. Люди бежали, при-крывая головы чем придётся. Маттео посмотрел на хлеб. Если намочит, отец убьёт. Он огляделся.

Совсем рядом была знакомая дверь. Над ней висел деревянный знак с вырезанным музыкальным инструментом. Лавка синьора Витторе. Маттео постоял. Потом толкнул дверь. Колокольчик звякнул. Внутри было темнее обычного. Пахло деревом, лаком и ещё чем-то тёплым.

— Закрyто, — донёсся голос из глубины.

— Это я.

— Очень полезное уточнение.

Из задней комнаты появился синьор Витторе. На нём был кожаный передник. Очки сидели почти на кончике носа.

— Маттео Ферри.

Он посмотрел на свёрток.

— Решил обменять хлеб на скрипку?

Маттео прижал его крепче.

— Я от дождя.

— Дождь бесплатно.

— Можно я постою?

Витторе пожал плечами.

— Если не мешаешь.

Маттео сразу посмотрел на витрину. Скрипка была там.

Он улыбнулся. Витторе заметил.

— Всё ещё не продал.

— Я вижу.

— Наверное, потому что ты попросил.

Маттео не понял, смеётся он или говорит серьёзно.

— А кто-нибудь спрашивал?

— Конечно.

Улыбка исчезла.

— Кто?

— Люди.

— Какие?

— С руками. Ногами. Некоторые даже с деньгами.

Маттео подошёл ближе.

— И?

Витторе посмотрел на него поверх очков.

— И ничего.

— Почему?

— Потому что не купили.

Маттео немного успокоился. Только теперь он заметил, чем занимался хозяин. На рабочем

столе лежала часть скрипки. Но сначала Маттео не понял, что именно видит. Небольшой

светлый кусок дерева был зажат в приспособлении. Рядом лежали тонкие инструменты, стружка, ножи. На другом конце стола находилась изогнутая деревянная деталь. Маттео подошёл.

— Что это?

— Не трогай.

Он сразу убрал руки за спину.

— Я не трогаю.

— Правильно.

Витторе снова сел. Взял маленький инструмент с деревянной ручкой и стал снимать с заготовки тончайшую стружку. Маттео смотрел. Стружка сворачивалась прозрачной лентой.

— Это скрипка?

— Пока нет.

— А что?

— Верхняя дека.

Маттео нахмурился.

— Это вот это?

Он показал на инструмент в витрине.

— Вот эта часть.

— Да.

— А где дырочки?

— Эфы.

— Что?

— Эти прорези называются эфами. Маттео повторил:

— Эфы.

Слово понравилось.

— Их потом делают?

— Потом.

— Почему не сейчас?

Витторе не ответил. Он продолжал работать. Маттео подождал.

— Почему?

— Потому что если отвечать на каждый твой вопрос, я закончу эту скрипку к следующему веку.

Маттео замолчал. Минуты две.

— А сколько её делать?

Витторе медленно поднял глаза. Маттео виновато пожал плечами.

— Это другой вопрос.

— Я заметил.

Мастер снова посмотрел на дерево.

— По-разному.

— Неделю?

— Нет.

— Месяц?

— Иногда больше.

Маттео удивился.

— Так долго?

— Хорошая вещь не обязана появляться быстро.

Эта фраза Маттео запомнил. Хотя тогда ещё не знал почему. Он подошёл с другой стороны.

— А это дерево какое?

— Ель.

— Обычная?

Витторе остановился. Постучал пальцем по заготовке.

— Обычная ель может стоять у тебя во дворе.

— А эта?

— Эта должна была расти медленно.

— Почему?

— Чтобы годовичные слои были правильными.

— Какие слои?

Витторе вздохнул. Снял очки.

— Иди сюда.

Маттео приблизился. Мастер показал на тонкие линии.

— Видишь?

— Да.

— Каждый год дерево растёт.

— Я знаю.

— Вот это — след.

Маттео наклонился почти вплотную.

— Сколько здесь лет?

— Много.

— Можно посчитать?

— Можно.

Маттео принялся считать линии. Сбился. Начал снова.

Витторе продолжил работать.

— А почему медленно лучше?

— Не всегда медленно лучше. Но для хорошей ели важно, как она росла, где росла, сколько солнца получала, сколько холода. Маттео поднял голову.

— Скрипка знает, где росло дерево?

— Если мастер не глухой — знает.

Маттео снова посмотрел на заготовку. В его представлении дерево до этого момента было

просто деревом. Им топили очаг. Из него делали столы, двери, ящики, телеги. Оно было полезным. Но молчаливым. Теперь Витторе говорил о нём так, как будто внутри каждой доски

сохранялась память. О снеге. О ветре. О солнце. О годах.

— А ты слышишь?

— Что?

— Где оно росло.

Витторе усмехнулся.

— Я не волшебник.

— Но ты говорил...

— Я говорил, что дерево имеет голос.

Он взял небольшую заготовку. Протянул Маттео.

— Держи.

Маттео удивился.

— Можно?

— Если уронишь, будешь работать у меня до старости.

Маттео взял обеими руками. Она была лёгкая. Гораздо легче, чем ожидал.

— Постучи.

— Чем?

— Пальцем.

Маттео постучал. Глухо. Витторе покачал головой.

— Не так.

Он забрал заготовку, взял двумя пальцами за край и коротко ударил костяшкой. Дерево ото-звалось. Маттео сразу услышал. Не просто «тук». Там был тон. Короткий. Но ясный. Витторе

протянул другую дощечку.

— Теперь эту.

Маттео уже держал правильно. Ударил. Звук оказался ниже. И короче.

— Первая лучше.

Мастер приподнял бровь.

— Почему?

Маттео задумался.

— Дольше звучит.

— Ещё.

Он постучал по обеим. Маттео слушал.

— Первая... чище.

— Что значит «чище»?

Маттео рассердился.

— Я не знаю.

— Тогда не говори словами, которые не понимаешь.

— Но я слышу.

Витторе посмотрел на него.

— Вот это уже ответ.

Он положил заготовки.

— Мастер сначала должен слышать, а потом уже уметь объяснить, что слышит.

Маттео молчал. Слово «мастер» зацепило его.

— А как становятся мастером?

Витторе снова надел очки.

— Долго.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

— Кто тебя научил?

Синьор Витторе продолжал строгать.

— Мой отец.

— А его?

— Его отец.

— И так всегда?

— Нет. Когда-то кому-то пришлось начать.

— А мальчиков учат?

— Иногда.

Маттео почувствовал, как внутри что-то дрогнуло.

— С какого возраста?

Витторе понял вопрос. Это было видно. Он перестал работать.

— Нет.

Маттео даже не успел спросить.

— Что «нет»?

— Не смотри на меня так.

— Как?

— Как голодная собака на мясную лавку.

— Я ничего не сказал.

— Ты слишком громко молчишь.

Маттео опустил глаза.

— Я бы мог помогать.

— У тебя есть отец.

— Есть.

— И работа.

— Есть.

— И скрипка, которую ты собираешься купить двумя монетами.

Маттео машинально потрогал карман. Монеты сегодня были с ним.

— Уже не двумя.

Витторе заинтересовался.

— Сколько?

Маттео достал деньги. На ладони лежало четыре монеты. Ещё одну дала Бьянка. Правда, потом трижды спрашивала, когда скрипку принесут домой. Четвёртую Маттео заработал сам: помог грузчику донести корзину до соседней улицы. Витторе посмотрел.

— Богатеешь.

— Да.

— Ещё лет семьдесят — и почти твоя.

Маттео нахмурился.

— Не семьдесят.

— Посчитай.

Он не стал. Боялся, что мастер окажется прав.

— Я быстрее накоплю.

— Как?

— Не знаю.

Витторе вернулся к работе. Маттео посмотрел на инструмент.

— А если самому сделать?

Рука мастера остановилась.

— Что?

Маттео указал на витрину.

— Скрипку.

— Что с ней?

— Если самому сделать, её не надо покупать.

Несколько мгновений Витторе молчал. Потом громко засмеялся. Маттео покраснел.

— Чего смешного?

— Ничего.

— Ты смеёшься.

— Потому что сорок лет назад я сказал почти то же самое.

Маттео уставился на него.

— Правда?

— Почти.

— И сделал?

Витторе снова взял инструмент.

— Не сразу.

— А первую скрипку где?

— Сжѐг бы, если бы знал, где она.

— Она была плохая?

— Ужасная.

Маттео не верил.

— Но ты же мастер.

— Теперь.

Снова это слово. Теперь. Маттео посмотрел на свои руки.

Они были маленькими. Ногти

грязные после рынка. На указательном пальце порез.

— А я смогу?

Витторе не ответил сразу. В лавке стало слышно, как по крыше барабанит дождь. Мастер

снял тонкую стружку. Посмотрел, как она падает на стол.

— Не знаю.

Маттео ожидал другого. Хотя бы насмешки.

— Почему?

— Потому что ты ничего не сделал.

— Я слушаю.

— Это начало.

— Я слышу.

— Возможно.

— Ты сам сказал.

— Я сказал, что у тебя хорошие уши.

Маттео шагнул ближе.

— А что ещё надо?

Витторе посмотрел на него. На этот раз долго.

— Терпение.

Маттео сразу вспомнил мальчика в церкви. «Ты терпеть не умеешь». Учитель говорил Никколо.

— У меня есть.

Витторе хмыкнул.

— Ты каждое утро прибегаешь проверять, не продали ли скрипку.

— Не каждое.

— Только когда отец не видит.

Маттео замер.

— Ты знаешь?

— Твой отец не знает, что у него очень заметный сын.

Маттео опустил голову.

— Ещё что?

— Что ещё?

— Кроме терпения.

— Руки.

Маттео показал ладони.

— Есть.

— Пока есть.

— Почему «пока»?

— Если будешь совать пальцы куда не надо, можно потерять.

Маттео снова нахмурился. Витторе улыбнулся.

— Руки должны научиться делать то, что слышат уши.

Маттео задумался.

— Как у музыканта?

Мастер впервые посмотрел на него с каким-то особенным выражением.

— Почти.

Маттео ждал продолжения.

— Музыкант заставляет готовую скрипку говорить. Мастер должен заставить заговорить то, что ещё скрипкой не стало.

Маттео посмотрел на светлую заготовку. Это показалось ему невероятным. Он протянул руку.

Не касаясь. Остановил палец над деревом. Когда-то это было дерево. Потом его срубили.

Распилили. Высушили. Теперь синьор Витторе снимал слой за слоем. И однажды эта вещь запоёт.

На срезе были видны тонкие годичные линии, плотные и спокойные. От заготовки исходил

сухой смолистый запах, совсем не похожий на запах дров у домашнего очага: это дерево уже

как будто готовилось к другой судьбе. Маттео неожиданно спросил:

— А скрипка знает, кто её сделал?

Мастер улыбнулся.

— Хороший вопрос.

— Ну?

— Думаю, да.

— Как?

— По ошибкам.

Маттео засмеялся. Витторе тоже. За окном дождь немного стих. Маттео вспомнил о хлебе.

— Ой.

Он бросился к свёртку. Тот лежал у двери. Сухой.

— Мне надо бежать.

— Я тебя не держал.

Маттео схватил хлеб. Уже открыл дверь. Потом вернулся.

— Синьор Витторе.

— Что?

— Можно я иногда буду смотреть?

Мастер вздохнул.

— Ты и так смотришь.

— Нет. Как ты делаешь.

Витторе снял очки.

— Если отец разрешит.

Маттео сразу понял, что это означает. Почти то же самое, что «нет». Он разочарованно кивнул.

— Хорошо.

— Маттео.

Мальчик обернулся.

— Только смотреть.

Он не понял.

— Что?

— Иногда.

Маттео замер.

— Правда?

— Если ничего не трогаешь без разрешения. Не мешаешь.

Не задаёшь сто вопросов в минуту.

— Я не задаю сто.

— Уже задал примерно сто двадцать.

Маттео улыбнулся.

— Хорошо.

— И главное.

— Что?

— Если из-за тебя сюда придёт твой отец и решит, что я переманиваю его сына...

Витторе поднял маленький рубанок.

— Тебе придётся спасти меня самому.

Маттео рассмеялся.

— Он тебя не убьёт.

— Очень утешительно.

Маттео выбежал. До рынка оставалось несколько минут. Дождь превратился в мелкую мо-рось. Джованни стоял под навесом.

— Ты хлеб выращивал?

Маттео протянул свёрток.

— Дождь.

Отец пощупал. Сухой.

— Где пережидал?

Маттео замер. Можно было сказать: под крышей. Это даже почти не было бы ложью.

— У синьора Витторе.

Джованни нахмурился.

— Кто это?

Маттео понял, что сделал ошибку.

— Музыкальная лавка.

Лицо отца сразу изменилось.

— Опять?

— Я от дождя!

— Конечно.

— Правда!

Джованни посмотрел на небо. Потом на сухой хлеб.

— Что делал?

— Стоял.

— Просто стоял?

Маттео вспомнил дерево. Стружку. Разговор.

— Смотрел.

— На скрипку?

Он хотел ответить «да». Но сказал:

— Как её делают.

Отец удивился.

— Что делают?

— Скрипку.

Джованни молчал. Маттео стал говорить быстрее:

— Он делает её из дерева. Сначала верхнюю часть. Из ели.

Только ель должна медленно расти, потому что тогда слои...

— Хватит.

Маттео замолчал. Джованни отвернулся. Но почему-то не рассердился сильнее. Только сказал:

— Хлеб положи матери вечером. Сейчас не испачкай.

Маттео не понял, избежал ли наказания. Решил не проверять. Вечером он достал деревянную

ложку. Но впервые не сразу положил её на плечо. Постучал по ней пальцем. Тук. Поднёс к

уху. Снова постучал. Бьянка наблюдала.

— Теперь ты ложки слушаешь?

— Тихо.

Маттео взял другую. Постучал. Звук действительно был другой. Он оживился. Потом взял

деревянную миску. Край стола. Табурет. Оконную раму. Бьянка захихикала.

— Ты совсем глупый.

— Они все разные.

— Кто?

— Деревяшки.

— Конечно. Это стол, а это ложка.

— Не так.

Он постучал.

— Слышишь?

Бьянка прислушалась.

— Нет.

— Вот.

— Что «вот»?

— Ничего.

Маттео продолжил. Через некоторое время отец выглянул из-за занавески.

— Ты что делаешь?

Маттео замер с миской в одной руке и ложкой в другой.

— Слушаю дерево.

Джованни несколько секунд смотрел.

— Господи.

И ушёл. Мать засмеялась. Даже Маттео засмеялся. Но ночью, когда все легли, он ещё долго

думал не о скрипке из витрины. Впервые. Он думал о светлой еловой дощечке. О том, что

внутри неё уже есть какой-то звук. Только его надо найти.

На следующий день дождя не было. И день после него тоже. Оставалось ещё два дня наказания. Потом один. Маттео считал часы.

В воскресенье отец разрешил ему пойти с матерью и Бьянкой в церковь. Но не в ту. Маттео сначала обрадовался, потом понял.

— Почему сюда?

— Потому что мы всегда сюда ходим, — ответила мать.

— А можно в другую?

Она посмотрела на него.

— Нет.

За службой Маттео почти не молился. Он слушал хор.

Раньше голоса сливались для него в

одно. Теперь он начинал различать. Высокий. Ниже. Ещё

ниже. Один мужчина в хоре слегка

не попадал. Маттео каждый раз ждал его ноту. И каждый

раз она раздражала. После службы

он спросил мать:

— Тот мужчина всегда так поёт?

— Как?

— Неправильно.

— Кто?

Маттео показал.

— Тише!

— Но он...

Мать схватила сына за руку и быстро вывела наружу.

— Никогда не показывай пальцем в церкви.

— Я только...

— И не говори людям, что они плохо поют.

— Но он плохо пел.

— Тем более.

Маттео не понял, но запомнил. Вечером отец сказал:

— Завтра наказание заканчивается.

Маттео сразу поднял голову.

— Значит...

— Значит, наказание заканчивается.

— А церковь?

Джованни тяжело вздохнул.

— Какая настойчивость.

— Можно?

— После рынка — домой.

Маттео поник.

— Но если отправишь меня куда-нибудь...

— Маттео.

— Я быстро.

— Я ещё ничего не разрешил.

— Но и не запретил.

Отец посмотрел на него. Мать спрятала улыбку. Джованни заметил.

— Очень смешно.

Она пожала плечами.

— Немного.

Отец покачал головой.

— Делай работу — потом посмотрим.

Для Маттео это прозвучало почти как разрешение. На следующий день он работал так, будто

от скорости зависела его жизнь. Разложил товар первым. Перенёс две корзины. Три раза сбе-гал за водой. Помог старухе Лукреции поднять мешок. Отец наблюдал. К полудню не выдержал:

— Ты сейчас телегу на себе домой понесёшь?

— Если надо.

— Не надо.

— А что надо?

Джованни всё понял.

— Никуда ты пока не идёшь.

Маттео вздохнул. После обеда покупателей стало меньше.

Отец пересчитал остатки. Посмотрел на сына.

— Отнеси это Франческо.

Маттео взял небольшой свёрток.

— Которому?

— Сапожнику.

— Хорошо.

Он не двигался. Джованни нахмурился.

— Что?

— Ничего.

— Тогда иди.

Маттео пошёл. Сапожник находился по дороге к той самой площади. Почти. Если сделать небольшой крюк. Совсем небольшой.

Маттео отнёс свёрток. Получил ответ. Вышел. И услышал колокол. Не скрипку. Просто колокол. Но сердце сразу ускорилося. Он пошёл к храму. Не бежал. Теперь ему казалось важным

идти спокойно. Как будто спешка могла выдать. Площадь была почти пустой. Двери открыты.

Маттео вошёл. Первое, что он услышал, — голос учителя.
— Ещё раз.

Маттео улыбнулся. Он успел. Тихо прошёл к своей колонне. Встал. Никколо играл. Маттео закрыл глаза. Неделя исчезла. Словно её не было. Но вскоре он понял: что-то изменилось.

Теперь, когда учитель говорил о звуке, Маттео думал не только о пальцах и смычке. Он думал

о дереве. О деке. О ели. О том, что инструмент тоже участвует. Учитель сказал:

— Не заставляй скрипку. Дай ей ответить.

Колонна оставалась прохладной даже сквозь ткань рубашки. Маттео почти вздрогнул: Витторе сказал бы то же самое? Наверное. Никколо повторил. Звук стал мягче. Маттео слушал, а

пальцы его левой руки машинально двигались по камню, будто и там искали правильное расстояние. Сегодня урок был трудный. Никколо злился.

— Я делаю!

— Нет.

— Делаю.

— Ты показываешь мне, что умеешь быстро двигать пальцами.

— А что ещё нужно?

— Музыка.

— Опять музыка.

Учитель рассмеялся.

— К сожалению.

Никколо закатил глаза. Маттео усмехнулся. И тут мальчик со скрипкой резко повернул голову. Прямо к колонне. Маттео отпрянул. Сердце застучало. Тишина.

— Что? — спросил учитель.

— Ничего.

Никколо снова поднял скрипку. Маттео не решался выглянуть. Постоял. Медленно приблизился к краю. Увидел плечо. Смычок. Лицо было отвернуто. Он успокоился. Урок продолжался.

Через несколько минут Никколо снова посмотрел. На этот раз быстро. Маттео успел спрятаться. «Он знает». Мысль была страшная. И одновременно возбуждающая. Маттео решил уйти. Если Никколо скажет учителю, всё закончится. Он отступил. В этот момент скрипка оборвалась.

— Воды, — сказал Никколо.

— Там.

Послышались шаги. Маттео замер. Они приближались. Не со стороны учителя. С другой. К колонне. Маттео оглянулся. Спрятаться глубже было некуда. Шаги остановились. Он мед-

ленно выглянул. Никколо стоял по другую сторону колон-

ны. Совсем близко. Без скрипки.

Маттео оцепенел. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. Теперь Маттео

впервые видел его так близко. Худое лицо. Тёмные глаза. Волосы, слишком длинные у вис-ков. Никколо был чуть выше. И вовсе не казался великим музыкантом. Просто мальчик.

Упрямый. Уставший. Любопытный.

— Я тебя видел, — тихо сказал Никколо.

Маттео не ответил.

— Раньше.

Маттео оглянулся на учителя. Тот что-то разбирал на століке и их не видел.

— Не говори.

Никколо прищурился.

— Почему?

— Меня прогонят.

— Конечно.

— Тогда не говори.

— А зачем ты прячешься?

Маттео не знал, что ответить.

— Слушаю.

— Можно слушать и не прячась.

— Нельзя.

— Почему?

Маттео посмотрел на него раздражённо.

— Потому что нельзя.

Никколо усмехнулся. Точно так же, как иногда синьор Витторе. Это разозлило ещё больше.

— Чего?

— Ничего.

— Ты смеёшься.

— Ты всегда стоишь здесь?

Маттео молчал. Никколо сам ответил:

— Значит, всегда.

— Не всегда.

— Я тебя три раза видел.

Маттео похолодел. Три.

— Почему не сказал?

Никколо пожал плечами.

— Не мешал.

Ответ удивил.

— И сейчас не скажешь?

— Не знаю.

— Никколо!

Голос учителя. Мальчик обернулся.

— Иду!

Потом снова посмотрел на Маттео.

— Как тебя зовут?

Маттео помедлил.

— Маттео.

— Ты умеешь играть?

Вопрос ударил сильнее, чем ожидал.

— Нет.

Никколо посмотрел на его руки.

— Тогда чего слушаешь?

Маттео вспыхнул.

— А обязательно уметь, чтобы слышать?

Улыбка исчезла. Никколо внимательно посмотрел.

— Что?

Маттео почувствовал, что сказал слишком много.

— Ничего.

— Нет. Скажи.

Из глубины снова:

— Никколо!

— Сейчас!

Он шагнул ближе.

— Ты слышишь?

Маттео посмотрел ему в глаза.

— Иногда лучше тебя.

Это было дерзко. Он сразу пожалел. Никколо замер. Маттео приготовился к насмешке. Но

мальчик не засмеялся. Наоборот. В его глазах появилось что-то острое.

— Правда?

Маттео не отступил.

— Иногда.

— Например?

— Сегодня ты на третьем повторе поднял ноту выше.
Никколо нахмурился.

— Не поднимал.

— Поднял.

— Нет.

— Учитель тебя остановил.

Никколо вспомнил. Маттео увидел это по лицу.

— И до этого ты два раза ускорился.

— Потому что так лучше.

— Он сказал, что хуже.

— Он всегда говорит медленнее.

— Значит, надо медленнее.

— Ты ничего не понимаешь.

Маттео почувствовал знакомую злость.

— Тогда зачем спрашивал?

Они смотрели друг на друга. Два мальчика. Один со скрипкой. Другой — без неё. Один стоял по ту сторону колонны, куда имел право приходить. Другой — там, где его не должно было быть.

— Никколо!

Теперь голос учителя был раздражённым. Никколо шагнул назад.

— Не уходи.

Маттео удивился.

— Что?

— Стой здесь.

— Зачем?

Никколо уже отходил.

— Послушаешь.

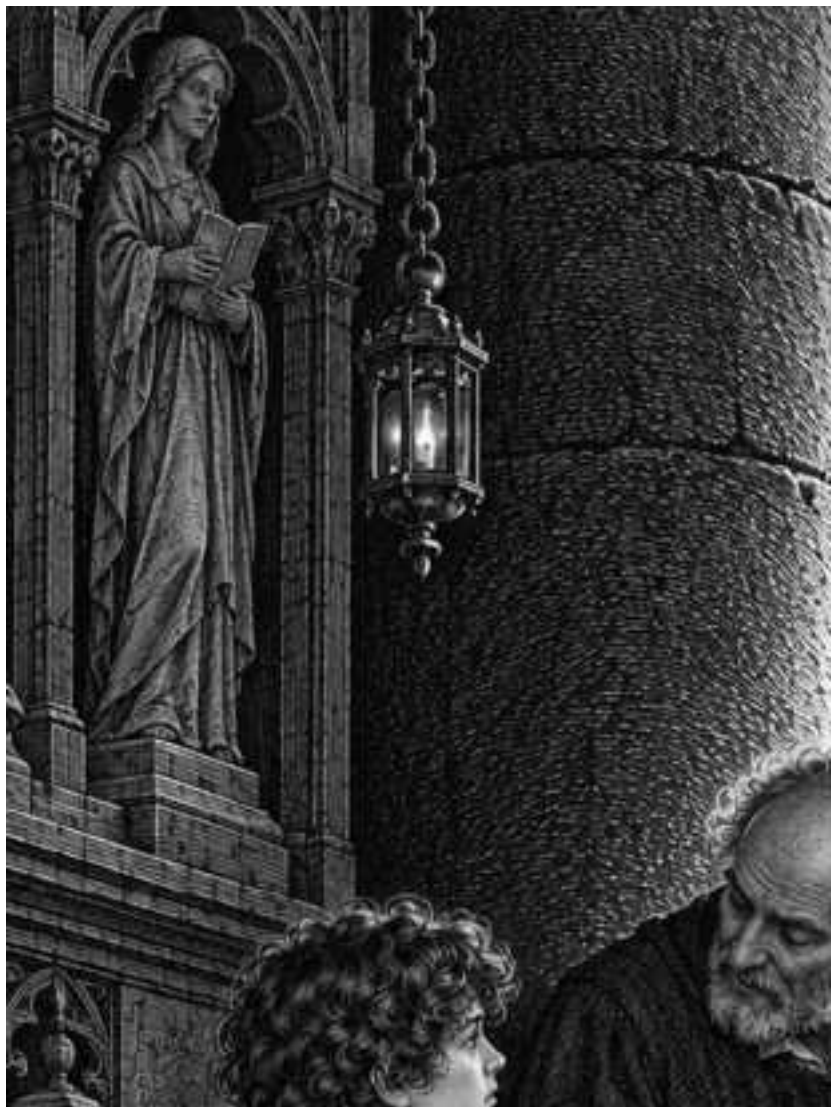
Он вернулся на место. Взял скрипку. Маттео остался. Теперь спрятаться казалось бессмысленным. Но он всё равно стоял за колонной. Никколо поднял смычок. Посмотрел в его сторону. Совсем коротко. И начал.

Первый отрывок сыграл медленно. Точно. Учитель кивнул.

— Вот.

Потом снова. На третьем повторе Никколо сделал то, что раньше: чуть ускорил. Но на этот раз, прежде чем учитель успел сказать, сам остановился, посмотрел к колонне. Маттео едва заметно покачал головой. Никколо прищурился и снова начал — медленнее, правильное.

Маттео улыбнулся. Впервые урок проходил не для двух человек. Для трёх. Просто один из них об этом пока не знал. Когда занятие закончилось, Маттео ушёл раньше. Он боялся задер-

жаться. И ещё больше боялся новой встречи с Никколо. На улице вдруг оказалось слишком

светло. После храмового полумрака белые стены резали глаза, а площадь казалась непривычно открытой. Маттео шёл к рынку и не мог понять, что чувствует. Радость? Страх? Злость?

Никколо его видел. Знал. Мог выдать в любой момент. Но не выдал. Почему?

Маттео не понимал. Возле лавки синьора Витторе он остановился. Не собирался заходить.

Просто посмотрел на витрину. Скрипка лежала на месте. Но теперь Маттео впервые задержал взгляд не на ней. За стеклом, глубже, виднелся мастер. Он склонился над рабочим столом. В руке маленький рубанок. Светлая стружка падала вниз. Маттео смотрел. А потом

услышал в памяти две фразы. Учитель в церкви: «Не заставляй скрипку. Дай ей ответить».

Синьор Витторе: «Руки должны научиться делать то, что слышат уши».

Маттео ещё не понимал, что эти две дороги уже начали сходиться. Для него пока существовала только одна мечта. Играть. Стоять со скрипкой. Положить её на плечо. Провести смычком. И услышать тот звук, который однажды изменил всё. Он не знал, что судьба готовила

ему иной способ заставить скрипку говорить. Не смычком. Руками. Не на сцене. За рабочим столом. Но до этого было ещё далеко. А пока Маттео Ферри стоял под окном музыкальной лавки. За стеклом лежала скрипка. В церкви его ждал мальчик по имени Никколо. А в кармане тихо звякнули четыре монеты.

Глава пятая

Проверка слуха

На следующий день Никколо в церковь не пришёл. Под сводами держался прохладный запах камня, воска и старого дерева; редкие шаги прихожан распадались на короткое эхо.

Отсутствие одной скрипки делало простор храма неожиданно пустым. Маттео понял это не

сразу. Он выполнил поручение отца, свернул на знакомую улицу, быстро пересёк площадь и

вошёл в храм с тем особенным чувством, которое уже научился скрывать. Внутри было тихо.

Слишком тихо. Несколько женщин молились у бокового алтаря. Пожилой служитель поправлял подсвечники. Где-то далеко шуршала метла.

Маттео дошёл до колонны. Постоял. Никого. Ни учителя. Ни скрипки. Он ждал. Пять минут.

Потом ещё. Ему казалось, что, если уйти сейчас, они обя-

зательно появятся через мгновение.

Маттео сел на каменную ступень в тени. Смотрел на место, где обычно стоял Никколо. Пустота раздражала. Оказалось, он уже привык не только к музыке. К голосу учителя. К недо-вольному вздоху ученика. К фразе:

— Ещё раз.

Даже к упрямому выражению лица Никколо. Всё это стало частью какого-то порядка. И сегодня порядок нарушился.

Старик-служитель заметил Маттео. Подошёл.

— Сегодня не будет.

Маттео вздрогнул.

— Чего?

Старик усмехнулся.

— Того, ради чего ты прячешься.

Маттео почувствовал, как краснеет.

— Я не прячусь.

Старик посмотрел на колонну. Потом на него.

— Конечно.

Маттео встал.

— А почему не будет?

— Не знаю.

— Завтра?

— Может быть.

— А когда?

— Я похож на секретаря?

Маттео опустил глаза. Старик уже собирался уйти, но задержался.

— Ты хоть молишься иногда, когда приходишь?

Маттео не знал, что ответить.

— Иногда.

Это было почти правдой. Старик покачал головой.

— Хорошо бы чаще.

— А слушать можно?

— В церкви много чего можно слушать.

— Я про скрипку.

— Знаю, про что ты.

Он отошёл. Маттео остался. Ему вдруг стало неловко находиться здесь без музыки. Колонна, которая обычно была убежищем, превратилась просто в холодный камень. Он вышел на улицу. День был светлый. Над крышами тянулись тонкие облака. Маттео постоял на ступенях. И

только тогда понял, что у него неожиданно появилось свободное время.

Возвращаться на рынок слишком рано. Если отец заметит — спросит, почему так быстро.

Маттео задумался. Потом пошёл к лавке синьора Витторе. Колокольчик звякнул. Никто не ответил.

— Синьор Витторе?

Из задней комнаты донеслось:

— Если ты покупатель — заходи. Если Маттео — подумай ещё раз. Маттео улыбнулся.

— Это я.

— Я догадался по отсутствию денег.

Маттео прошёл в мастерскую. Витторе сидел за столом и что-то тщательно вырезал. Сегодня

заготовка уже была похожа на часть инструмента. Маттео остановился.

— Можно посмотреть?

— Ты уже смотришь.

Он подошёл ближе.

— А что ты делаешь?

— Убираю лишнее.

— Ты всегда говоришь «лишнее».

— В ремесле половина работы — понять, что лишнее.

Маттео задумался.

— А другая половина?

— Не убрать нужное.

Маттео кивнул, будто получил совершенно ясный ответ. Витторе посмотрел на него.

— Урока сегодня нет?

Маттео сразу насторожился.

— Какого урока?

Мастер усмехнулся.

— Значит, нет.

— Откуда ты знаешь?

— Ты слишком рано пришёл.

Маттео нахмурился.

— Я не хожу на уроки.

— Конечно.

— Я только слушаю.

— Это и есть урок, если слушаешь достаточно внимательно-

но.

Маттео замолчал. Фраза ему понравилась.

— Он меня заметил.

Витторе не сразу понял.

— Кто?

— Мальчик.

— Какой?

— Который играет.

— И что?

— Ничего.

— Очень содержательная история.

Маттео сел на низкий табурет у стены.

— Он спросил, умею ли я играть.

— А ты?

— Сказал, что нет.

— Удивительная честность.

— Потом он спросил, зачем я тогда слушаю.

Витторе перестал работать.

— И что ты ответил?

Маттео помедлил.

— Что необязательно уметь играть, чтобы слышать.

Мастер посмотрел на него с интересом.

— Хорошо ответил.

— А потом я сказал, что иногда слышу лучше него.

Витторе положил инструмент.

— Вот это уже хуже.

— Почему?

— Потому что теперь он захочет проверить.

Маттео вспомнил взгляд Никколо. И почувствовал неприятный холодок.

— Думаешь?

— Если у него есть самолюбие — обязательно.

— А если я действительно слышу лучше?

Витторе усмехнулся.

— Тогда будет ещё веселее.

Он снова взял инструмент. Маттео некоторое время молчал. Потом сказал:

— А можно мне что-нибудь делать?

Рука Витторе остановилась.

— Что именно?

— Не знаю.

— Очень удобный ответ.

— Что-нибудь простое.

— Например?

— Подметать.

— Метла там.

Маттео разочаровался.

— Я не это имел в виду.

— А что?

— С деревом.

Витторе снял очки. Посмотрел на мальчика внимательно.

— Ты понимаешь, что здесь одним движением можно испортить то, над чем я работал несколько дней?

— Понимаю.

— Нет.

— Понимаю.

— Тогда тем более не трогай.

Маттео насупился.

— Я же не прошу делать скрипку.

— Слава Богу.

— Можно просто что-нибудь.

Витторе долго молчал. Потом встал. Подошёл к полке. Достал небольшой кусок дерева. Положил перед Маттео.

— Видишь край?

— Да.

— Он шероховатый.

Маттео провёл пальцем.

— Да.

— Вот тебе наждачная шкурка.

Маттео оживился.

— И что делать?

— Ровнять.

— Сколько?

— Пока я не скажу остановиться.

— Всё?

— Всё.

Маттео взял деревяшку. Она была небольшой, прямоугольной. Совсем не похожей на часть скрипки.

— Это для инструмента?

— Нет.

Маттео сразу потерял часть интереса.

— А для чего?

— Чтобы ты научился не портить настоящее.

Маттео понял. И снова заинтересовался. Он начал тереть край.

— Не так.

Витторе даже не посмотрел.

— А как?

— Не дави.

Маттео ослабил руку.

— Ровнее.

Он изменил движение.

— Не качай кисть.

Маттео замедлился.

— Лучше.

Через несколько минут рука устала. Маттео не остановился.

— Достаточно.

Он тут же положил шкурку. Витторе взял кусок. Провёл пальцем.

— Плохо.

Маттео расстроился.

— Почему?

— Здесь больше снял. Здесь меньше.

Он показал. Маттео посмотрел. Глазами разницы почти не было видно.

— Я не вижу.

— Пальцем.

Маттео провёл. Теперь почувствовал. Чуть-чуть.

— Ещё.

Он снова начал. Теперь медленнее. Каждое движение старался делать одинаковым.

Витторе продолжил свою работу. Мастерская наполнилась тихими звуками. Шорох шкурки.

Сухой звук маленького рубанка. Иногда — постукивание дерева. Маттео неожиданно понял, что ему нравится эта тишина. Она не была пустой. В ней всё время что-то происходило. Через некоторое время Витторе снова проверил край.

— Уже лучше.

Два слова. Маттео почувствовал гордость, будто сыграл целую мелодию.

— Можно ещё?

— Можно.

— А потом?

— Потом ничего.

— Почему?

— Потому что ты слишком радуешься.

Маттео засмеялся. Витторе тоже улыбнулся. Через полчаса мастер забрал деревяшку.

— Всё.

— Я закончил?

— На сегодня.

Маттео посмотрел на свои пальцы. Кожа стала красной. На большом пальце появилась мелкая заноза. Он вытащил

её зубами.

— Это трудно.

— Что?

— Сделать ровно.

— Конечно.

— Хотя кажется просто.

Витторе кивнул.

— Большая часть хорошей работы именно такая.

Маттео запомнил и это.

Перед уходом он подошёл к витрине. Скрипка лежала на месте. Он уже почти привычно проверял её присутствие. Витторе заметил.

— Ты всё ещё думаешь только о ней?

Маттео не сразу ответил.

— Не только.

— Уже прогресс.

Маттео показал на рабочий стол.

— А ты когда закончишь?

— Не скоро.

— Можно мне посмотреть?

— Иногда.

— А помогать?

— Сегодня ты уже помогал.

Маттео улыбнулся.

На следующий день урок в храме был. Маттео узнал это ещё с улицы. Скрипка звучала. Он вошёл осторожно. Пожилой служитель увидел его и едва заметно кивнул. Маттео быстро дошёл до своей колонны. Никколо играл. Учитель сидел рядом. Сегодня всё выглядело как обычно. Маттео почти успокоился. Первые десять минут Никколо ни разу не посмотрел в его сторону. «Может, забыл».

Мысль принесла облегчение. И почему-то разочарование. Урок шёл спокойно. Учитель заставлял повторять один короткий фрагмент. Никколо ворчал меньше обычного. Потом мужчина отошёл за нотами. Никколо сразу повернулся к колонне. Маттео замер. Никколо поднял

бровь. Потом очень тихо сыграл три ноты. Маттео не понял. Никколо повторил. Три. Пауза.

Ещё три. Он смотрел прямо туда, где прятался Маттео. Тот осторожно выглянул. Никколо

едва заметно кивнул. Маттео понял. Проверка началась. Никколо сыграл четыре звука. Остановился. Показал пальцами: сколько? Маттео поднял четыре. Никколо усмехнулся. Сыграл

пять. Теперь два звука были одинаковыми. Маттео показал пять. Никколо поморщился.

Слишком легко.

Учитель вернулся. Игра продолжилась. Маттео стоял за колонной и уже почти ждал следующего момента. Через несколько минут наставник снова отвернулся. Никколо сыграл короткую последовательность. На этот раз быстрее. Потом ещё раз. Не ту же. Чуть изменённую.

Посмотрел. Маттео подумал. Показал пальцем на себя. Потом два. Хотел сказать: второй вариант выше. Никколо не понял. Маттео тихо пропел нужную ноту. Никколо замер. Сразу

сыграл её. Маттео кивнул. На лице Никколо исчезла насмешка. Появился настоящий интерес.

Учитель обернулся.

— Что ты делаешь?

— Ничего.

— Ты играешь не то.

— Проверял струну.

— Струна здесь ни при чём.

Никколо опустил глаза. Маттео едва удержался от улыбки. Через несколько минут всё повторилось. Теперь Никколо сыграл шесть нот. Потом семь. Потом девять. Маттео не всегда мог

повторить порядок. Но почти всегда слышал, где Никколо изменял высоту. Один раз ошибся.

Никколо сразу победно улыбнулся. Маттео нахмурился. Мальчик повторил. Маттео услышал.

Сам показал: ошибся. Никколо усмехнулся, но уже без из-

дёвки. Потом произошло что-то более сложное. Он сыграл короткую фразу. Очень тихо. Маттео запомнил. Никколо повторил.

Почти так же. Маттео нахмурился. Что-то было не то. Он закрыл глаза. Внутри прокрутил первую. Потом вторую.

Одна нота. Всего одна. Чуть ниже. Маттео показал на третий палец. Никколо посмотрел. Сыграл ещё раз. Маттео снова указал. Никколо вдруг широко улыбнулся. Он специально изменил именно её. Маттео понял. И сам улыбнулся.

В этот момент учитель резко сказал:

— Никколо.

Мальчик обернулся.

— Да?

— Кому ты играешь?

Тишина.

Маттео почувствовал, как всё внутри похолодело. Никколо молчал. Учитель смотрел на него внимательно.

— Уже третий раз ты поворачиваешься в одну сторону.

Никколо пожал плечами.

— Просто так.

— Ты никогда ничего не делаешь просто так.

Маттео отступил глубже за колонну. Учитель встал. Сердце забило так, что стало трудно

слышать. Шаг. Ещё. Мужчина пошёл в их сторону. Маттео оглянулся. Уходить поздно.

Никколо вдруг громко сказал:

— Я пытался услышать отражение.

Учитель остановился.

— Что?

— От колонны.

Маттео не понял. Никколо продолжил:

— Когда играю туда, звук другой.

Учитель нахмурился. Несколько секунд слушал. Потом неожиданно подошёл не к колонне

Маттео, а к соседней. Провёл ладонью по камню.

— Конечно другой.

Никколо поднял скрипку.

— Вот.

Он сыграл. Теперь намеренно направил звук в сторону стены. Учитель слушал.

— Не занимайся глупостями.

— Это не глупость.

— На уроке — глупость.

Он вернулся на место. Маттео медленно выдохнул. Никколо даже не посмотрел на него. Но

через минуту, когда учитель отвернулся, едва заметно усмехнулся. Маттео понял: он спас его.

После урока Маттео не ушёл сразу. Хотя знал, что нужно.

Он остался у колонны. Никколо

складывал ноты. Учитель что-то говорил служителю. Маттео ждал. Через несколько минут

Никколо подошёл.

— Ты ошибся один раз.

Первое, что сказал. Маттео сразу разозлился.

— Один.

— Значит, не лучше меня слышишь.

— Ты специально путал.

— Конечно.

— Это нечестно.

— Почему?

— Потому что ты знаешь, что играешь.

Никколо задумался.

— Хорошо.

Он достал скрипку снова.

— Теперь честно.

— Что?

— Встань там.

Маттео оглянулся.

— Где?

— За колонной.

— Я и так здесь.

— Закрой глаза.

Маттео подчинился.

— И не смотри.

— Не смотрю.

— Если подсматриваешь...

— Не подсматриваю.

Никколо сыграл один звук.

— Ну?

Маттео открыл глаза.

— Что «ну»?

— Какая струна?

Маттео растерялся.

— Я не знаю названий.

Никколо посмотрел удивлённо.

— Вообще?

— Нет.

— Ничего?

— Я же сказал, я не учился.

Никколо как будто впервые действительно осознал это.

— Тогда как ты...

Он замолчал.

— Что?

— Ничего.

Никколо сыграл ещё.

— Выше или ниже прошлого?

— Выше.

Ещё.

— Ниже.

Ещё два подряд.

— Первый ниже второго.

Никколо ускорился. Маттео отвечал. Иногда не сразу. Но отвечал. После нескольких попыток

Никколо опустил смычок. Теперь он не улыбался.

— Тебя правда никто не учил?

— Правда.

— Даже петь?

— Нет.

— Дома музыкантов нет?

— Нет.

— Скрипки нет?

Маттео посмотрел на него.

— Если бы была, я бы не стоял за колонной.

Никколо понял. Его лицо изменилось. Маттео впервые увидел не насмешку, не соперничество. Что-то вроде неловкости. Он быстро спрятал её.

— А хочешь?

— Что?

— Скрипку.

Маттео почти рассмеялся.

— Конечно.

— Очень?

— Очень.

Никколо посмотрел на свою. Провёл пальцем по краю де-

ки. Маттео увидел движение. И почувствовал привычную зависть.

— А твоя дорогая?

Никколо пожал плечами.

— Не знаю.

— Как можно не знать?

— Отец знает.

— Тебе купил отец?

— Да.

Маттео промолчал. Теперь многое стало яснее. Никколо заметил.

— Что?

— Ничего.

— Ты всё время так говоришь.

— Как?

— «Ничего».

Маттео отвернулся.

— Тебе легко.

Никколо сразу нахмурился.

— Что легко?

— Всё.

— Почему?

Маттео показал на скрипку.

— Потому что она у тебя есть.

— И что?

— И учитель.

— Думаешь, это легко?

Маттео посмотрел. Никколо вдруг рассердился. По-настоящему.

— Ты стоишь здесь сколько? Час?

— Иногда больше.

— Потом уходишь.

— И что?

— А я потом играю дома.

Маттео молчал.

— И утром.

— Хорошо.

— Не «хорошо».

Никколо говорил всё тише.

— Каждый день.

— Тебе же нравится.

— Иногда.

— Тогда зачем?

Никколо усмехнулся. Но теперь горько.

— Потому что отец говорит.

Маттео замер. Этого он не ожидал.

— Тоже?

— Что «тоже»?

Маттео не ответил. Теперь между ними вдруг возникло что-то странное. До этого Маттео видел только разницу. У Никколо есть скрипка. У него нет. У Никколо учитель. У него нет.

Никколо может играть. Маттео прячется. Но теперь он впервые увидел сходство. Отец. Требование. Работа. Обязанность. Только у каждого своя. Никколо сидел напротив, опустив глаза, и впервые его уверенность не раздражала Маттео. За одинаково упрямыми лицами вдруг

проступило то, чего раньше он не замечал: оба они слишком хорошо знали, как звучит требовательный отцовский голос.

— Мой заставляет на рынок, — сказал Маттео.

Никколо посмотрел.

— Торговать?

— Помогать.

— А мой — играть.

Маттео чуть не рассмеялся.

— Я бы поменялся.

— Через неделю обратно попросишься.

— Никогда.

— Посмотрим.

Они замолчали. Потом Никколо сказал:

— Завтра приходи.

— Зачем?

— Проверим ещё.

— Что?

— Твой слух.

Маттео прищурился.

— А зачем тебе?

Никколо задумался. Сам не знал.

— Интересно.

— Учитель узнает.

— Не узнает.

— Сегодня почти узнал.

— Потому что ты плохо прятался.

— Я вообще не двигался.

— Значит, плохо не двигался.

Маттео фыркнул.

— Сам виноват.

Никколо улыбнулся.

— Завтра.

Он ушёл. Маттео ещё несколько секунд стоял. Потом побежал к рынку. В тот день отец был

сердит не из-за него. Один покупатель отказался платить оговорённую цену. Потом часть

оливок оказалась испорченной. Джованни ругался вполголоса. Маттео сразу включился в работу. Подавал. Считал.

Переносил. Через час отец немного успокоился.

— Где был?

Маттео напрягся.

— У сапожника.

— Это я знаю.

Пауза.

— Потом?

Вот оно. Маттео посмотрел в лицо отца. Хотел соврать.
Но не стал.

— В церкви.

Джованни тяжело выдохнул.

— Опять.

— Я всё сделал.

— Я вижу.

— Быстро вернулся.

— Вижу.

Отец продолжал раскладывать товар. Маттео ждал.

— И?

— Что «и»?

— Ты будешь меня ругать?

Джованни посмотрел на него устало.

— Если каждый раз ругать, у меня голос закончится раньше, чем твоё упрямство.

Маттео улыбнулся.

— Значит, можно?

— Я этого не сказал.

Улыбка исчезла.

— Но и не запретил.

— Я много чего не сказал.

Маттео понял: лучше остановиться. Вечером он снова зашёл к Витторе. На этот раз мастер сам положил перед ним тот же кусок дерева.

— Продолжай.

Маттео даже не спросил. Взял шкурку. Работал медленно. Через несколько минут Витторе сказал:

— Быстрее.

Маттео ускорился.

— Теперь хуже.

Он сразу остановился.

— Но ты сказал быстрее.

— Быстрее не значит небрежнее.

Маттео нахмурился.

— Это трудно.

— Я предупреждал.

Он снова начал. Движение. Назад. Вперёд. Ровно. Не давить. Слушать пальцами. Через какое-то время мастер взял заготовку. Провёл по краю.

— Хорошо.

Маттео поднял глаза.

— Правда?

— Не привыкай.

Но он улыбался. Потом Витторе неожиданно взял небольшой кусок ели. Настоящей. Положил на стол.

— Постучи.

Маттео послушался. Тон был ясный.

— Ещё.

Он ударил чуть в другом месте. Звук изменился. Маттео удивился.

— Почему?

— Дерево не везде одинаковое.

— Даже в одном куске?

— Особенно в одном куске.

Маттео провёл пальцем по линиям.

— А как понять, где лучше?

— Слушать.

— Только?

— Сначала — да.

Маттео постучал снова. Витторе наблюдал.

— Что слышишь?

Маттео задумался.

— Здесь звук дольше.

— Ещё.

— Здесь... как будто пустее.

— Пустее?

— Не знаю.

— Не страшно.

Маттео поднял глаза.

— Ты же говорил не использовать слова, которые не понимаю.

— Если другого пока нет — можно искать.

Маттео снова постучал.

— Тут звук как будто шире.

Витторе ничего не сказал. Только взял кусок и сам постучал. Потом ещё.

— Неплохо.

Маттео расправил плечи.

— Я же говорил, что слышу.

— Слышать мало.

— Я знаю.

— Правда?

— Руки должны делать то, что слышат уши.

Витторе посмотрел на него.

— Запомнил.

— Да.

— Тогда запомни ещё одно.

Маттео ждал.

— Руки можно научить.

Он постучал пальцем Маттео по виску.

— А вот это — намного труднее.

Маттео нахмурился.

— Что это?

— Терпение.

— У меня есть.

Витторе рассмеялся.

— Конечно.

В ту ночь Маттео долго не засыпал. Он думал о Никколо. О том, что тот тоже делает не всё

по своей воле. Это почему-то меняло многое. Зависть никуда не исчезла. Скрипка у Никколо

всё равно была. И учитель. И возможность играть. Но теперь Маттео впервые понял, что чужое счастье может выглядеть совсем иначе изнутри. Потом он подумал о дереве. О том, как

звук менялся от одного места к другому. Потом о своих пальцах. О шероховатом крае. О том, как трудно сделать простую линию действительно ровной. А потом — о завтрашнем дне.

Никколо будет проверять его слух. Маттео решил, что не ошибётся ни разу. Эта мысль была последней перед сном.

На следующий день он пришёл раньше. Так рано, что урок ещё не начался. Маттео спрятался

за колонной. Ждал. В храм вошёл учитель. Положил ноты. Потом появился Никколо. Он сразу посмотрел в сторону колонны. Маттео не показался. Никколо едва заметно улыб-

нулся.

Урок начался. Первые полчаса он был удивительно послушным. Учитель даже сказал:

— Сегодня ты наконец решил стать разумным человеком?

Никколо ответил:

— Нет.

Маттео за колонной беззвучно рассмеялся. Потом учитель отправился поговорить с кем-то у алтаря. Никколо сразу повернулся.

— Готов?

Маттео выглянул. Кивнул. Никколо поднял смычок.

— Сегодня сложнее.

Маттео усмехнулся.

— Давай.

Никколо сыграл. Пять нот. Маттео повторил голосом. Почти точно. Никколо нахмурился.

Ещё семь. Маттео повторил. На шестой чуть ошибся. Сам остановился.

— Нет.

Повторил заново. Правильно. Никколо стал серьёзнее. Потом сыграл длинную фразу. Маттео уже не смог воспроизвести всю. Но сказал:

— Ты второй раз изменил конец.

Никколо замер.

— Где?

Маттео пропел последние три звука. Никколо посмотрел удивлённо.

— Я изменил один.

— Нет. Два.

— Один.

— Два.

Никколо сыграл снова. Сам остановился. Снова. Его лицо изменилось.

— Два.

Маттео улыбнулся.

— Я говорил.

Никколо не ответил. Он смотрел на него очень внимательно. Потом сказал:

— Подойди.

Маттео похолодел.

— Куда?

— Сюда.

— Ты с ума сошёл?

— Учитель далеко.

— Нет.

— Боишься?

Маттео сразу вышел из-за колонны.

— Не боюсь.

Никколо протянул ему скрипку. Маттео остановился. Мир словно исчез. Он смотрел на инструмент.

— Бери.

Маттео не двигался.

— Я сказал — бери.

— Зачем?

— Посмотрим, что ты слышишь, когда держишь.

Маттео протянул руки. Остановил их.

— Я уроню.

— Не уронишь.

— А если...

— Не уронишь.

Маттео взял скрипку. Впервые в жизни. Настоящую. Не ложку. Не воображаемый инструмент. Не кусок дерева в мастерской. Скрипку. Она была легче, чем ожидал. И одновременно

тяжелее. Не весом. Чем-то другим. Маттео боялся сжать её слишком сильно. Держал двумя руками.

— Так не держат, — сказал Никколо.

— Я знаю.

— Откуда?

— Видел.

Никколо взял инструмент, показал.

— Сюда.

Маттео поднял к плечу. Никколо поправил.

— Ниже.

Потом подбородок.

— Вот.

Маттео замер. Скрипка касалась шеи. Щека почти чувствовала дерево. У него закружилась голова.

— Смычок.

Никколо протянул. Маттео посмотрел.

— Я не умею.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

— Проведи.

Маттео взял смычок. Рука дрожала.

— Не так.

Никколо поправил пальцы.

— Мягче.

Маттео вспомнил Витторе.

«Не дави».

Он глубоко вдохнул. Поставил смычок. Провёл. Раздался страшный звук. Резкий.

Хриплый. Маттео вздрогнул. Никколо засмеялся.

— Тише!

— Ты бы видел лицо.

Маттео покраснел.

— Я же сказал, что не умею.

— Ещё раз.

Слова ударили знакомо. Ещё раз. Маттео снова поставил смычок. Теперь медленнее. Провёл.

Звук всё равно был плохим. Но уже не таким. Тонким. Неровным. Настоящим. Он вышел из инструмента под его рукой. Маттео перестал дышать. Никколо заметил.

— Ну?

Маттео не ответил. Смотрел на струну. Провёл ещё раз. Чуть ровнее. Звук дрожал. Но был.

Его. Не Витторе. Не Никколо. Не учителя. Его.

Маттео почувствовал, как внутри поднимается что-то огромное. Радость. Страх. Почти боль.

— Ещё.

Теперь он сказал сам. И провёл. В этот момент за спиной раздался голос:

— Что здесь происходит?

Маттео обернулся. Учитель стоял совсем близко. Никколо побледнел. Маттео замер со

скрипкой в руках. Наступила такая тишина, что стало слышно, как где-то далеко капает вода.

Учитель смотрел сначала на Маттео. Потом на инструмент. Потом на Никколо.

— Я спросил.

Никколо открыл рот. Маттео его опередил.

— Это я виноват.

Учитель перевёл взгляд.

— Кто ты?

Маттео не ответил.

— Как тебя зовут?

— Маттео.

— Фамилия?

— Ферри.

— И что ты здесь делаешь, Маттео Ферри?

Маттео посмотрел на колонну. Потом на Никколо. Потом на скрипку. Лгать было бессмысленно.

— Учусь.

Учитель нахмурился.

— У кого?

Маттео сглотнул. И сказал:

— У вас.

Тишина стала ещё глубже.

Глава шестая

Второй ученик

— У вас.

Маттео сам услышал, насколько странно это прозвучало. Свет из высокого окна ложился на

каменный пол бледной полосой и доходил до носков его стоп. В неподвижности маэстро

было больше требования, чем в окрике: он умел смотреть так, что мальчик сам замечал лишнее движение. Маэстро ни-

чего не ответил. Он стоял в нескольких шагах, сложив руки за спиной, и смотрел на мальчика так внимательно, что Маттео вдруг почувствовал каждую неправильность своего положения. Скрипка лежала на плече неловко. Подбородок был поднят

слишком высоко. Пальцы правой руки сжимали смычок совсем не так, как у Никколо. Маттео захотелось немедленно вернуть инструмент. Но он не решался пошевелиться. Никколо

первым нарушил тишину.

— Я ему только дал попробовать.

Маэстро перевёл взгляд.

— Я вижу.

— Он не просил.

Маттео быстро посмотрел на Никколо. Это было неправдой. Но возражать сейчас казалось глупым.

— Значит, ты сам решил раздавать уроки?

Никколо опустил голову.

— Нет.

— А на что это похоже?

— Мне стало интересно.

— Тебе многое становится интересно именно тогда, когда я отворачиваюсь.

Никколо промолчал. Маэстро протянул руку. Маттео сразу понял. Осторожно снял скрипку с

плеча и отдал. Наставник взял инструмент, осмотрел деку, струны, смычок. Так, будто проверял, не успели ли два мальчика за несколько минут причинить непоправимый вред.

— В футляр.

Никколо подчинился. Маттео стоял рядом. Теперь руки казались лишними. Он не знал, куда

их деть. Спрятал за спину. Потом решил, что это выглядит ещё хуже. Опустил. Маэстро снова посмотрел на него.

— И давно ты у меня учишься?

Маттео не понял, шутит он или нет.

— Я не знаю.

— Интересно. Ученик есть, а учитель не знает, сколько длится обучение.

Никколо едва заметно улыбнулся. Маэстро увидел.

— Тебе смешно?

— Нет.

— Хорошо.

Он повернулся к Маттео.

— Сколько раз ты приходил?

Маттео попытался посчитать. Первый раз случайно. Потом после наказания. Потом ещё.

Были дни, когда урока не оказалось. Были короткие посещения.

— Не знаю.

— Опять.

Маттео покраснел.

— Может быть, семь.

Никколо сказал:

— Больше.

Маэстро взглянул на него.

— А ты откуда знаешь?

Никколо понял, что сказал лишнее.

— Видел.

— Сколько?

— Не считал.

Маэстро медленно повернулся к колонне. Той самой. Потом к Маттео.

— Там?

Маттео кивнул.

— Всё время?

— Почти.

Наставник подошёл к колонне. Провёл ладонью по камню. Оглянулся.

— Значит, вот откуда у нас было такое хорошее отражение звука.

Никколо опустил глаза. Маттео вспомнил его вчерашнюю выдумку и чуть не улыбнулся. Маэстро заметил.

— А ты тоже участвовал?

— Нет.

— В чём?

— Не знаю.

— Отлично. Один ничего не делал, другой не знает в чём. Настоящий союз музыкантов.

Он вернулся. Несколько мгновений молчал. Маттео пытался понять, сейчас его выгонят или позже. Наконец спросил:

— Мне уйти?

Маэстро не ответил. Вместо этого сказал:

— Почему ты вообще сюда приходишь?

Маттео посмотрел на Никколо. Потом снова на учителя.

— Слушать.

— Это я понял. Почему?

— Мне нравится.

— Что именно?

Вопрос оказался сложнее, чем казался. Маттео пожал плечами.

— Скрипка.

— Скрипка в лавке тоже скрипка. Можно смотреть на неё сколько угодно.

Маттео насторожился.

— Откуда вы знаете про лавку?

— Не знаю.

Маэстро приподнял бровь.

— Ты сам только что сделал такое лицо, будто я знаю.

Никколо фыркнул.

Маттео бросил на него сердитый взгляд.

— Есть скрипка в лавке, — признался он.

— И?

— Я хочу её купить.

Маэстро посмотрел на одежду Маттео. На потрёпанные башмаки. На рубашку, заштопанную у локтя. Ничего не сказал. Это молчание Маттео не понравилось.

— Я коплю.

— Сколько накопил?

— Четыре монеты.

Никколо повернулся. Он ещё этого не знал. Маэстро спросил:

— А стоит?

Маттео назвал цену. Никколо присвистнул. Учитель строго посмотрел.

— В церкви.

— Извините.

Маттео быстро добавил:

— Я всё равно куплю.

Маэстро снова посмотрел на него. Теперь без насмешки.

— Когда?

Маттео задумался.

— Когда накоплю.

— Это не ответ.

— Тогда не знаю.

— Уроки оплачивать чем будешь?

Вот этот вопрос Маттео ненавидел. Его задавали все. Синьор Витторе. Отец. Теперь маэстро.

Будто музыка существовала только после того, как рядом появлялась цена.

— Не знаю.

— А зачем тогда тебе скрипка?

Маттео стиснул зубы. Он уже слышал и это.

— Чтобы учиться самому.

Маэстро почти улыбнулся.

— Самому.

— Да.

— Ты знаешь, как настроить инструмент?

— Нет.

— Как держать смычок?

Маттео посмотрел на руку.

— Немного.

— Как называется каждая струна?

Маттео промолчал. Никколо начал:

— Соль, ре...

— Я не тебя спрашиваю.

Никколо замолчал. Маэстро продолжал:

— Ноты читаешь?

— Нет.

— Ритм записать можешь?

— Нет.

— Знаешь, что такое интервал?

Маттео не ответил.

— Позиция?

Молчание.

— Аппликатура?

Маттео чувствовал, как щёки горят.

— Нет.

— Тогда чему ты собираешься учиться сам?

Маттео поднял голову.

— Тому, что слышу.

Маэстро остановился. В храме было тихо. Где-то далеко открылась дверь. Прошли шаги. Потом снова тишина.

— Что ты слышишь?

Маттео не понял.

— Когда он играет.

Учитель показал на Никколо.

— Что ты слышишь?

Маттео задумался.

— Когда неправильно.

Никколо сразу нахмурился.

— Не всегда.

— Я не сказал всегда.

— Вчера ошибся.

— Один раз.

— Всё равно.

Маэстро поднял ладонь. Оба замолчали.

— Значит, слышишь ошибки?

Маттео осторожно ответил:

— Иногда.

— Какие?

Он посмотрел на Никколо. Тот скрестил руки. Будто приглашал попробовать. Маттео вспомнил последние уроки.

— Когда он торопится.

Маэстро кивнул.

— Это видно и без слуха.

— Когда нота выше.

— Насколько?

Маттео не знал.

— Просто выше.

— Это тоже мало.

Маттео почувствовал досаду.

— А как надо сказать?

— Пока никак.

Маэстро подошёл к футляру.

— Никколо, скрипку.

Мальчик сразу оживился. Достал инструмент. Учитель
взял.

— Маттео.

— Да?

— Повернись.

— Зачем?

— Если ты задаёшь столько вопросов до начала упражне-
ния, что будет потом?

Маттео повернулся спиной.

— Глаза закрой.

Он закрыл.

— Никколо, следи.

— Я не подсматриваю.

— Я не тебе.

— А.

Маттео услышал, как Никколо встал ближе. Маэстро сыграл одну ноту. Чистую. Длинную.

Звук наполнил пространство и погас.

— Запомнил?

— Да.

Вторая.

— Выше или ниже?

— Выше.

Третья.

— Ниже первой.

Маэстро ничего не сказал. Ещё одна.

— Выше второй.

Небольшая пауза. Потом две подряд.

— Вторая ниже.

Три. Маттео прислушался.

— Первая и третья одинаковые.

Никколо за его спиной перестал шевелиться. Маэстро сыграл четыре ноты. Маттео нахмурился.

— Ещё раз.

— Нет.

— Почему?

— В музыке не всегда повторяют потому, что ты не успел.

Маттео попытался восстановить. Первая. Выше. Потом вниз. Потом снова вверх.

— Вторая была самая высокая.

— Нет.

Маттео сжал губы.

— Третья?

— Нет.

Он почувствовал раздражение.

— Тогда первая?

— Да.

Маттео открыл глаза.

— Я думал...

— Закрой.

Он подчинился. Маэстро сыграл другую последовательность. Теперь Маттео не торопился

отвечать. Подождал, пока звуки словно ещё раз прозвучат внутри.

— Последняя такая же, как вторая.

Тишина.

— Да.

Следующая. Пять нот.

— Четвёртая неправильная.

— Что значит неправильная?

— Не такая, как должна.

Никколо сказал:

— Откуда ты знаешь, какая должна?

Маттео открыл глаза.

— Потому что слышно.

— Ничего там не слышно.

Маэстро повернулся к Никколо.

— Молчи.

Маттео снова закрыл глаза.

— Почему неправильная? — спросил учитель.

Он попытался объяснить.

— До неё всё идёт...

Рука Маттео сама поднялась. Он провёл ею вверх. Потом немного вниз.

— А она как будто падает не туда.

— Куда «не туда»?

— Я не знаю.

Маэстро повторил фразу. Потом изменил одну ноту.

— Так?

Маттео сразу сказал:

— Да.

— Почему?

— Теперь возвращается.

Несколько секунд никто не говорил. Маттео хотел открыть глаза. Не решился. Маэстро сыграл ещё одну короткую мелодию.

— Повтори.

— Голосом?

— Чем ещё ты собираешься?

Маттео пропел. Первая нота получилась ниже. Он сам услышал. Остановился.

— Нет.

Начал заново. Теперь ближе. Маэстро продолжил. Короткие фразы. Две. Три. Пять нот. Потом длиннее. Маттео ошибался. Иногда терял середину. Один раз совсем перепутал окончание. Но почти каждый раз сам слышал, где ошибся. Это постепенно стало раздражать Никколо. Маттео понимал по дыханию за спиной. Наконец маэстро сказал:

— Достаточно.

Маттео открыл глаза.

Первое, что увидел, — лицо Никколо. Тот смотрел совсем иначе, чем раньше. Без усмешки.

Маэстро положил скрипку.

— Теперь ритм.

Он постучал пальцами по деревянной скамье. Коротко. Маттео повторил. Ещё. Сложнее.

Маттео снова. Третий рисунок он сбил.

— Ещё.

Учитель посмотрел на него.

— Я вчера слышал это слово достаточно.

Маттео понял. Повтора не будет. Он попытался восстановить по памяти. Простучал. Последние два удара поменял местами. Маэстро ничего не сказал. Ещё один рисунок. Те-

перь Маттео

закрыл глаза сам. Повторил правильно. Никколо присел на край скамьи. Испытание явно

стало интересно и ему. Учитель ускорил. Маттео начал ошибаться чаще. Потом неожиданно

маэстро перестал стучать.

— Всё.

Маттео ждал.

— Ну?

— Что?

— Я не знаю.

— Хорошо или плохо?

Маэстро усмехнулся.

— А ты привык, что тебе сразу сообщают, хороший ты или плохой?

Маттео задумался. Отец обычно сообщал только когда плохо.

— Нет.

— Вот и продолжай привыкать.

Он подошёл к столу. Маттео почувствовал разочарование. После всего этого хотелось какого-то ответа. Никколо не выдержал:

— Он слышит?

Маэстро не повернулся.

— Ты сам слышал.

— Я не про это.

— А про что?

Никколо помолчал.

— У него слух хороший?

Маэстро взял лист нот. Аккуратно расправил.

— Хороший.

Маттео почувствовал, как внутри всё поднялось. Но учитель сразу продолжил:

— И что?

Радость остановилась. Никколо спросил:

— Как «и что»?

— Хороший слух — это хороший слух.

— Но...

— У тебя быстрые пальцы.

Никколо нахмурился.

— И что?

Маэстро повернулся.

— Именно.

Маттео слушал.

— Один хороший слух не делает музыканта. Быстрые пальцы тоже. Память тоже. Даже желание — не делает.

Маттео спросил:

— А что делает?

— Работа.

Отец сказал бы то же самое. Это неожиданно разозлило.

— Я работаю.

— Где?

— На рынке.

Никколо усмехнулся. Маттео сердито посмотрел. Но маэстро не улыбнулся.

— Это я верю.

— Я могу заниматься.

— На чём?

Маттео замолчал. Опять. Всё снова упиралось в то, чего у него не было. Скрипка. Маэстро увидел.

— Вот теперь мы пришли к главному.

Маттео смотрел в пол.

— У меня будет.

— Когда?

— Я сказал — накоплю.

— А до этого?

Маттео не ответил. Никколо вдруг сказал:

— Он может брать мою.

Маттео резко поднял голову. Маэстро посмотрел на ученика.

— Что?

Сам Никколо будто удивился сказанному. Но отступить не стал.

— Иногда.

— Когда?

— После урока.

— Твой отец разрешит?

Никколо сразу замолчал. Маэстро кивнул.

— Вот именно.

Маттео почувствовал укол разочарования. Но одновременно другое. Никколо предложил.

Сам. Ещё несколько дней назад Маттео считал его избалованным мальчиком, которому всё

досталось просто так. Теперь тот предложил самое ценное, что имел. Никколо сказал это почти небрежно, но футляр держал ближе к себе, чем обычно. Маттео заметил этот жест и потому ещё яснее понял цену предложения: друг отдавал ему на время не вещь, а часть собственной свободы.

— Спасибо, — тихо сказал Маттео.

Никколо пожал плечами.

— Всё равно ты ничего не умеешь.

Благодарность сразу уменьшилась.

— Научусь.

— Сначала перестань визжать смычком.

— Я один раз.

— Три.

— Два.

Маэстро хлопнул ладонью по столу.

— Достаточно.

Оба замолчали. Он посмотрел на Маттео.

— Твой отец знает, что ты здесь?

Маттео опустил глаза.

— Нет.

— Он знает вообще про музыку?

— Знает.

— И?

Маттео помедлил.

— Не хочет.

— Почему?

— Потому что надо работать.

Маэстро кивнул, словно услышал ожидаемый ответ.

— Чем занимается?

— Торгует на рынке.

— Один?

— Я помогаю.

— Мать?

— Дома. И иногда тоже.

— Братья?

— Только сестра.

— Младше?

Маттео кивнул. Маэстро долго молчал. Маттео почувствовал тревогу.

— Вы скажете ему?

— Что?

— Что я сюда хожу.

— А должен?

Маттео быстро ответил:

— Нет.

— Почему?

— Он запретит совсем.

Маэстро посмотрел строго.

— Значит, ты хочешь, чтобы я помогал тебе обманывать отца?

— Нет.

— А что тогда?

Маттео не знал.

— Просто не говорить.

Никколо негромко сказал:

— Это не то же самое.

Маэстро перевёл на него взгляд.

— Спасибо, адвокат.

Никколо пожал плечами. Маттео стоял, сжав пальцы. Наставник прошёл несколько шагов.

Вернулся.

— Сколько времени ты проводишь на рынке?

— С утра.

— До?

— Когда как.

— Каждый день?

— Почти.

— И всё-таки успеваешь сюда.

Маттео почувствовал, что это не похвала.

— Когда отправляют с поручением.

— То есть вместо поручения.

— После.

— С опозданием.

Маттео промолчал. Маэстро вздохнул.

— Музыка не даёт человеку права становиться ненадёжным.

Маттео поднял глаза.

— Я не...

— Даёт?

— Нет.

— Если отец послал тебя сделать дело, сначала делаешь дело.

Эти слова были почти отцовскими. Маттео не ожидал услышать их здесь.

— Но тогда я не успею.

— Значит, не успеешь.

— А урок?

— Это мой урок Никколо, а не твой.

Фраза ударила больно. Маттео отвернулся. Вот и всё. Он снова оказался мальчиком за колонной. Лишним. Маэстро заметил. Голос стал немного мягче.

— Ты хочешь, чтобы я сказал тебе приятную ложь?

Маттео молчал.

— Что талант важнее всего? Что если ты хорошо слы-

— Ты слышишь, остальные обязаны перестроить
свою жизнь вокруг твоего слуха?
Он покачал головой.
— Нет.

Маттео спросил:

— Тогда зачем всё это было?

Маэстро посмотрел прямо.

— Чтобы понять, действительно ли ты слышишь.

— И?

— Действительно.

Сердце Маттео снова забило сильнее.

— Значит, я могу учиться?

— Можешь.

— Здесь?

— Я этого не сказал.

Снова. Маттео начинал ненавидеть эту фразу.

— А где?

— Сначала решим другое.

Маэстро взял скрипку Никколо.

— Подойди.

Маттео не понял. Подошёл.

— Возьми.

Он растерялся.

— Зачем?

— Пока я не передумал.

Маттео взял инструмент. На этот раз осторожнее и увереннее.

— Положи на плечо.

Он сделал. Маэстро поправил. Чуть повернул инструмент. Опустил локоть.

— Не зажимай шей.

Маттео сразу расслабился.

— Но она упадёт.

— Не упадёт, если держишь правильно.

Никколо подошёл ближе.

— Ты ему слишком высоко...

— Я вижу.

Никколо отступил. Маэстро взял правую руку Маттео. Расставил пальцы на смычке.

— Вот.

Маттео старался не двигаться.

— Большой палец мягче.

— Так?

— Ещё.

Он расслабил.

— Не держи смычок так, будто его собираются украсть.

Никколо засмеялся.

— Ты в первый раз тоже держал хуже.

Никколо сразу перестал.

— Неправда.

— Правда.

— Я не помню.

— Я помню.

Маттео улыбнулся. Это неожиданно успокоило. Маэстро поставил смычок на струну.

— Сейчас ничего не изображай.

— В смысле?

— Не играй музыку. Не пытайся понравиться. Не торопись. Один звук.

Маттео кивнул.

— Ровно.

Он повёл смычок. Сначала звук дрогнул. Маттео напряг руку.

— Стоп.

Маэстро положил пальцы ему на предплечье.

— Именно этого не надо.

— Чего?

— Ты услышал, что плохо, и сразу начал бороться.

Маттео замер.

— А что делать?

— Слушать, почему плохо.

Маттео посмотрел на струну. Маэстро вернул смычок.

— Ещё раз.

Теперь Маттео почти улыбнулся этому слову. Он повёл. Медленнее. Звук был тонкий. Не очень красивый. Но ровнее.

— Ещё.

Третий. Никколо стоял рядом и молчал. Четвёртый.

— Не дави.

Маттео ослабил. И вдруг струна ответила совсем иначе. Чисто. Звук получился простой.

Один. Никакой мелодии. Но Маттео почувствовал его всем телом. Маэстро отпустил руку.

— Вот.

Маттео не двигался. Звук уже исчез. Но внутри ещё был. Тот первый в лавке принадлежал

Витторе. Все звуки в храме принадлежали Никколо. Этот был его. Маттео. Пусть один. Пусть

на открытой струне. Но он появился потому, что смычок двигала его рука.

— Ещё можно?

Маэстро посмотрел.

— Один раз.

Маттео поставил смычок. Провёл. Получилось хуже. Никколо улыбнулся. Маттео сердито

посмотрел. Маэстро сказал:

— Хорошо.

— Но было хуже.

— Именно.

Маттео не понял.

— Теперь ты знаешь, что один хороший звук ничего не гарантирует.

Он забрал инструмент.

— На сегодня достаточно.

Маттео ещё чувствовал скрипку на плече. Будто она осталась. Никколо убрал её в футляр.

Маэстро стал собирать бумаги. Маттео всё ещё стоял.

— А завтра?

— Что завтра?

— Мне приходить?

Маэстро взглянул на него.

— У тебя работа?

— Да.

— Сделаешь?

— Да.

— Без опоздания?

Маттео помедлил.

— Постараюсь.

— Нет.

Он ждал.

— Сделаешь?

Маттео понял разницу.

— Сделаю.

— Если окажешься здесь после того, как выполнил поручения, можешь слушать.

Маттео не поверил.

— Из-за колонны?

— Мне всё равно, откуда.

Никколо сказал:

— Пусть здесь.

Маэстро повернулся.

— Я спросил?

— Нет.

— Вот и хорошо.

Маттео попытался скрыть улыбку.

— А играть?

— Я сказал слушать.

— Иногда?

— Маттео.

— Всё.

Он поднял руки.

— Молчу.

Маэстро вдруг улыбнулся. Совсем чуть-чуть. Первый раз Маттео видел у него такую улыбку.

— Это было бы чудом.

Никколо засмеялся. Маттео тоже. Напряжение исчезло. На несколько мгновений они стояли

втроём почти как люди, которым не надо ничего объяснять друг другу. Потом маэстро сказал:

— Беги.

Маттео вспомнил рынок.

— Ой.

Никколо прыснул.

— Второй великий талант.

Маттео уже бежал к выходу.

— Какой?

— Забывать про время!

Маттео хотел ответить, но дверь уже закрылась.

Он действительно опоздал. Не так сильно, как в первый раз. Но достаточно. Джованни стоял

за прилавком. Маттео сразу принялся работать. Не дожидаясь вопросов.

— Где был?

Вот и вопрос.

— Выполнил всё.

— Я не спросил, что ты сделал.

Маттео посмотрел на отца. Сегодня врать не хотелось совсем.

— В церкви.

Джованни закрыл глаза.

— Господи.

Маттео быстро сказал:

— Но сначала отнёс всё. И принёс ответ. И ничего не забыл.

— Поэтому ты считаешь, что всё нормально?

— Не совсем.

Отец неожиданно усмехнулся.

— Уже что-то.

Маттео стал раскладывать товар. Джованни некоторое

время молчал. Потом спросил:

— Играл?

Рука Маттео остановилась.

— Что?

Отец даже не посмотрел.

— Ты всё время туда бегаешь. Не только же смотришь.

Маттео почувствовал, как лицо начинает улыбаться само.

Он не смог остановить.

— Сегодня играл.

Джованни повернулся. Улыбка исчезла.

— На скрипке?

Маттео кивнул.

— Чьей?

— Того мальчика.

Отец смотрел.

— И?

Маттео хотел рассказать всё. Про проверку. Про ноты. Про ритм. Про маэстро. Про один чистый звук. Но понял, что отец, вероятно, не поймёт половины. Поэтому сказал:

— Получилось.

Джованни снова повернулся к товару.

— С первого раза?

Маттео удивился вопросу.

— Нет.

— Вот.

— Что «вот»?

— Ничего сразу не получается.

Он взял испорченную луковицу и бросил в корзину. Маттео посмотрел на него. Это были почти слова Витторе. Почти слова маэстро. Почему взрослые, совершенно разные, всё время

говорили одно и то же?

— Папа.

— Что?

— А ты когда учился торговать, у тебя сразу получалось? Джованни рассмеялся.

— Торговать?

— Да.

— Я до сих пор не уверен, что научился.

Маттео тоже улыбнулся.

— Дедушка тебя учил?

Улыбка отца стала меньше.

— Немного.

— А потом?

— Потом жизнь.

Маттео хотел спросить ещё. Но подошла покупательница. Разговор оборвался.

Вечером он пошёл к Витторе. Не потому, что было поручение. Просто хотел рассказать. Мастер работал. Маттео вошёл.

— Сегодня я играл.

Витторе даже не поднял головы.

— Соболезную слушателям.

— Правда.

— Верю.

— На настоящей скрипке.

— Обычно на ненастоящих не играют.

Маттео подошёл.

— Маэстро меня проверял.

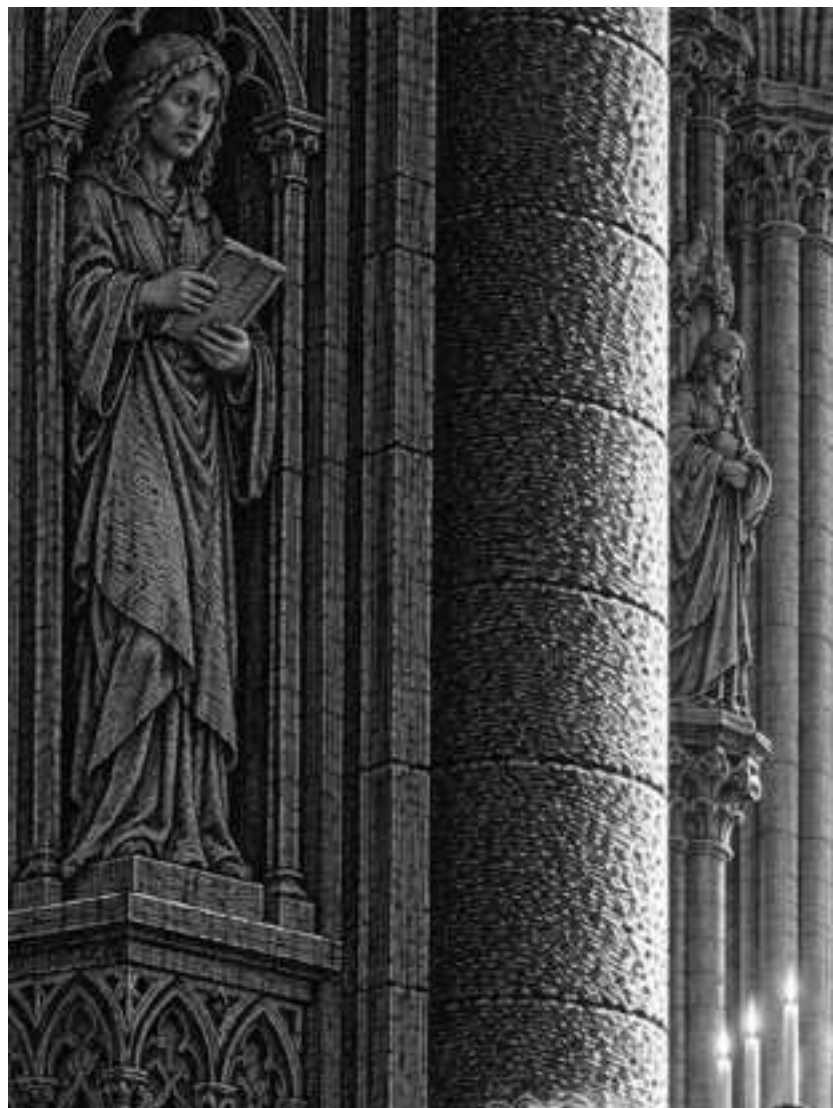
Теперь Витторе посмотрел.

— Какой маэстро?

Маттео рассказал. Сначала быстро. Потом подробнее. Как заставили отвернуться. Как играли

ноты. Как он угадывал. Как ошибся. Как повторял ритм. Как потом ему дали скрипку. Витторе слушал молча. Это было необычно. Он редко позволял Маттео говорить так долго без на-смешек.

— И что сказал учитель?

— Что слух хороший.

— Это я тебе уже говорил.

— Но он настоящий маэстро.

Витторе прищурился. Маттео понял.

— Ты тоже настоящий.

— Поздно.

— Я не это имел в виду.

Мастер усмехнулся.

— Знаю.

Он отложил нож.

— Как зовут?

— Учителя?

— Нет, Папу Римского.

— Я не знаю.

Маттео вдруг понял, что за всё это время действительно ни разу не спрашивал. Витторе покачал головой.

— Ты учишься у человека, имени которого не знаешь.

— Я же не специально.

— А мальчик?

— Никколо.

— Фамилия?

Маттео задумался.

— Не знаю.

Витторе рассмеялся.

— Удивительное образование.

Маттео надулся.

— Завтра спрошу.

— Сначала выясни имя учителя.

— Хорошо.

Витторе снова взял инструмент.

— Покажи руку.

— Зачем?

— Как держал смычок.

Маттео попытался. Мастер сразу поправил пальцы.

— Не так.

— Маэстро поставил вот здесь.

— Тогда ставь там.

— А ты откуда знаешь?

— Я много лет смотрю, как люди мучают инструменты.

Маттео улыбнулся. Витторе протянул ему знакомую деревяшку.

— Работай.

Маттео взял шкурку. Через несколько минут сказал:

— Сегодня маэстро сказал, что одного слуха мало.

— Правильно сказал.

— Все говорят, что всего мало.

— Потому что так и есть.

— Тогда что достаточно?

Витторе задумался.

— Жизни.

Маттео остановился.

— Что?

— Иногда целой жизни не хватает, чтобы сделать одну вещь по-настоящему хорошо.

— Скрипку?

— Всё что угодно.

Он показал на заготовку.

— Продолжай.

Маттео снова начал. Ровно. Медленно. Движение за движением. После сегодняшнего урока

дерево ощущалось иначе. Он прислушивался даже к шороху шкурки. К тому, как звук меняется, когда поверхность становится ровнее. Через некоторое время Витторе спросил:

— Что?

Маттео остановился.

— Ничего.

— Ты слушаешь.

— Да.

— Что?

Маттео провёл шкуркой ещё раз.

— Когда здесь неровно, звук другой.

Мастер подошёл. Взял заготовку. Провёл пальцем. Потом снова дал.

— Ещё раз.

Маттео сделал.

— Слышишь?

— Да.

Витторе ничего не сказал. Но долго смотрел на него. Потом вернулся за стол. Маттео продолжил работать. И впервые подумал, что, возможно, слушать можно не только музыку.

Можно слушать работу. Дерево. Руки. Даже ошибку.

На следующий день он пришёл в храм ровно тогда, когда Никколо настраивал скрипку. Маэстро увидел Маттео. Ничего не сказал. Только показал глазами на скамью у дальней колонны. Не за неё. Рядом. Маттео остановился. Это было новое место. Открытое. Его было видно.

Он медленно сел. Никколо посмотрел. Улыбнулся. Маттео ответил. Урок начался.

Первые минуты было непривычно. Теперь не нужно было прятаться. Маттео мог видеть

руки. Смычок. Пальцы. Положение локтя. Как меняется кисть. Он вдруг понял, сколько раньше упускал. Маэстро остановил Никколо.

— Почему?

Мальчик ответил:

— Смычок.

— Что смычок?

— Ушёл.

— Куда?

— К грифу.

— Значит, исправь.

Никколо повторил. Маттео следил. Теперь слова наставника обретали форму. Не просто звук.

Движение. Причина. Следствие.

Урок длился почти час. Маэстро ни разу не обратился к Маттео. Он уже начал думать, что

вчера́шнее испытание ничего не изменило. В конце Никколо убрал скрипку. Маэстро собрал

ноты. Потом сказал:

— Маттео.

Он сразу встал.

— Завтра, если придёшь, принеси кусок угля.

— Зачем?

— Писать.

— Что писать?

Маэстро посмотрел. Маттео понял.

— Не спрашиваю.

— Хорошо.

Никколо улыбнулся. Маэстро добавил:

— И любую бумагу.

Маттео кивнул. Сердце заби́лось быстрее.

— Мы будем учить ноты?

— Может быть.

— А скрипка?

— Маттео.

— Всё.

Он замолчал. Но улыбка не уходила. Маэстро покачал головой.

— И обязательно сначала сделай то, что поручил отец. Улыбка стала чуть меньше.

— Сделаю.

— Не «постараюсь».

Маттео вспомнил.

— Сделаю.

Он вышел из храма. На площади остановился. Вчера он был мальчиком, который тайком стоял за колонной. Сегодня ему указали место на скамье. Завтра велели принести уголь и бумагу.

Это были мелочи. Обычные вещи. Но для Маттео они означали почти невероятное. У него

всё ещё не было скрипки. Не было денег на уроки. Не было разрешения отца. Даже учеником

своим маэстро пока его не называл. Но впервые путь к музыке перестал казаться стеной. В

ней появилась маленькая дверь. И Маттео Ферри уже знал себя достаточно хорошо, чтобы

понять: если дверь приоткрылась хотя бы на палец, он найдёт способ, чтобы через неё пройти.

Глава седьмая

Чёрные знаки

Утром Маттео первым делом стал искать бумагу. У бумаги был сухой, почти пыльный запах, а у использованных листов — ещё и след чужой жизни: жирные пальцы, продавленный счёт, случайная клякса. Для Маттео чистое место на обороте казалось не пустотой, а редкой возможностью. Это оказалось труднее, чем он думал. В доме ничего не выбрасывали без причины, а бумага вообще была редкостью. Счета отец складывал отдельно. Записки от поставщиков хранил, пока они не становились ненужными. Даже обрывки иногда использовались повторно. Маттео проверил ящик возле стола. Пусто. Заглянул на полку. Ничего. Мать заметила.

— Что ищешь?

— Бумагу.

— Зачем?

Маттео замер. Врать не хотелось. Говорить правду — опасно.

— Надо.

— Это я поняла.

Она продолжала месить тесто.

— Для чего?

— Писать.

Мать посмотрела на него.

— Ты вдруг решил стать нотариусом?

Маттео усмехнулся.

— Нет.

— Тогда?

Он поколебался.

— Мне сказали принести.

— Кто?

Маттео опустил глаза. Мать поняла.

— В церкви?

Он кивнул. Она вздохнула.

— Отец узнает.

— Не обязательно.

— Маттео.

— Я ничего плохого не делаю.

— Ты уже несколько раз говорил это перед тем, как сделать что-нибудь, из-за чего потом весь дом не спит.

Он насупился. Мать смягчилась.

— Сколько нужно?

— Немного.

Она вытерла руки о передник. Подошла к сундуку. Достала старый сложенный лист. На одной стороне был выцветший счёт. Другая оставалась чистой.

— Вот.

Маттео оживился.

— Можно?

— Если отец спросит, скажешь, что дала я.

— Спасибо.

— И уголь зачем?

Он снова замер.

— Тоже писать.

— Углём?

— Да.

Мать посмотрела на него долго.

— Это хотя бы бесплатно.

Она вынула маленький обгоревший кусочек из очага.

Маттео завернул его в ткань. Бумагу

сложил пополам. Потом ещё раз.

— Не мни сильно, — сказала мать.

— Почему?

— Потому что потом сам будешь жаловаться.

Маттео аккуратно расправил. Бьянка уже проснулась и на-блюдала.

— Что это?

— Ничего.

— Опять ничего.

Маттео посмотрел на неё.

— Ты с папой одинаково говоришь.

— А что будешь рисовать?

— Не рисовать.

— А что?

— Ноты.

Бьянка задумалась.

— Это птицы?

Маттео рассмеялся.

— Нет.

— Тогда почему называются ноты?

— Не знаю.

— А ты уже умеешь?

— Сегодня научусь.

Она сразу протянула руку.

— Покажи потом.

— Если получится.

— Получится.

— Откуда знаешь?

Бьянка пожала плечами.

— У тебя всё время получается то, за что потом ругают.

Маттео засмеялся так громко, что мать тоже не удержалась.

На рынке отец был занят. Это помогло. День выдался удачный. Покупатели шли с самого

утра. Джованни почти не смотрел по сторонам. Маттео успел выполнить всё быстрее обычного. К полудню отец отправил его с запиской. Маттео сразу сказал:

— Сделаю и вернусь.

Джованни посмотрел.

— Хорошо.

Маттео помедлил.

— Может, чуть позже.

— Что?

Он понял, что сказал лишнее.

— Ничего.

Отец нахмурился.

— Только не начинай.

— Я всё сделаю.

— Вот и делай.

Маттео побежал. Поручение заняло немного времени. Он вернулся к нужной улице. Повернул к храму. На этот раз шёл без страха. Не совсем. Но уже иначе. Он не собирался прятаться. У него было место. Скамья. Маэстро уже был внутри. Никколо настраивал скрипку. Маттео вошёл. Учитель посмотрел.

— Принёс?

Маттео быстро достал бумагу. Показал уголь.

— Да.

Маэстро взял лист. Развернул. Увидел старый счёт.

— Хорошо.

Маттео удивился.

— Правда?

— Для нот не обязательно ждать чистый пергамент.

Он положил бумагу на стол.

— Садись.

Маттео сел. Никколо смотрел с любопытством. Маэстро взял уголь. Провёл пять линий. Маттео сразу спросил:

— Зачем пять?

— Потому что четыре было бы слишком мало, шесть — слишком много.

Никколо засмеялся. Маттео понял, что его поддели.

— Серьёзно.

— Серьёзно потом.

Маэстро снова провёл линии.

— Это нотный стан.

Маттео повторил:

— Стан.

— На нём записывают высоту звука.

— Как?

— Вот так.

Он поставил знак. Маттео наклонился.

— Это нота?

— Это знак ноты.

— А как узнать, какая?

— По месту.

Он поставил ещё одну. Чуть выше.

— Вот эта выше.

Маттео сразу понял.

— Потому что выше на линии.

— Не всегда так просто, но да.

Он добавил ещё. Маттео следил. Чёрные точки и короткие палочки неожиданно начинали

превращаться в музыку. Пока ещё только потому, что маэстро объяснял. Но сам принцип поразил.

— Значит, можно записать всё?

— Почти.

— Любую мелодию?

— Да.

— А если очень быструю?

— Да.

— А если длинную?

— Да.

— А если...

Маэстро поднял руку.

— Дыши.

Никколо усмехнулся. Маттео замолчал. Учитель показал основные ноты. Не все сразу. Только несколько.

— Запомни.

Маттео смотрел.

— Вот эта?

Он ткнул пальцем.

— Нет.

— А эта?

— Да.

— А здесь?

— Нет.

Маттео нахмурился.

— Почему они всё время похожи?

— Чтобы тебе было труднее.

Никколо снова рассмеялся.

— Маэстро.

— Хорошо.

Он объяснил ещё раз. Теперь медленнее. Маттео начал понимать. Потом Никколо сыграл одну ноту. Маэстро указал на знак.

— Это она.

Маттео посмотрел. Никколо сыграл другую. Учитель показал следующую. Маттео начал со-поставлять. Звук. Знак. Положение. Рука Никколо. Через несколько минут ему казалось, что в

голове открывается ещё одна дверь. До сих пор музыка существовала только в воздухе. Она

появлялась. Жила. Исчезала. Оставалась в памяти. Теперь выяснялось, что её можно удержать. Не только внутри. На бумаге. Маттео провёл пальцем по чёрной точке.

— Значит, если человек умер...

Маэстро посмотрел.

— Что?

— Если он придумал музыку и записал, другой потом сможет сыграть?

— Да.

Маттео замолчал. Эта мысль потрясла сильнее, чем всё остальное. Музыка могла пережить человека. Никколо, похоже, не понимал, почему он так смотрит на бумагу.

— Ты чего?

Маттео не ответил. Маэстро заметил.

— Теперь понимаешь, зачем учить ноты?

Он кивнул.

— Да.

— Хорошо.

Никколо снова взял скрипку.

Урок продолжился. Но теперь маэстро время от времени обращался и к Маттео.

— Какая нота?

Маттео отвечал. Иногда правильно. Иногда нет.

— Где ошибка?

Маттео слушал.

— Тут.

— Почему?

— Выше.

— Насколько?

— Не знаю.

— Учись узнавать.

Маэстро постучал ритм. Маттео повторил. Потом заставил его нарисовать простую длительность. Чёрный круг. Палочка. Ещё одна. Маттео рисовал слишком крупно.

— Меньше.

Он уменьшал. Слишком криво.

— Ровнее.

Маттео попробовал снова. Уголь пачкал пальцы. На бумаге появлялись серые пятна. Никколо смотрел.

— Ты пишешь как курица.

— А ты с первого раза лучше?

— Намного.

Маэстро поднял глаза.

— Неправда.

Никколо сразу замолчал. Маттео улыбнулся.

— Вот.

— Молчи.

— Ты первый начал.

— Я сказал — молчи.

Маэстро покачал головой.

— Великие музыканты.

Оба притихли. Через полчаса Маттео уже различал несколько нот. Неуверенно. Но различал.

Маэстро показал простой рисунок.

— Это сыграет Никколо.

Мальчик сыграл.

— Теперь ещё раз.

Сыграл.

— Маттео, смотри на запись.

Он смотрел. Каждая нота вдруг стала не просто знаком. Он видел, где она звучит. Словно бумага начала разговари-

вать.

— Теперь отвернись.

Маттео подчинился. Никколо сыграл снова.

— Покажи на бумаге, где он сейчас.

Маттео повернулся. Провёл пальцем. Ошибся на одну.

— Нет.

Попробовал.

— Тут.

— Да.

Никколо удивился.

— Быстро.

Маэстро сказал:

— Он запоминает звук быстрее, чем знак.

Маттео не понял, хорошо это или плохо.

— А надо наоборот?

— Надо вместе.

Урок закончился неожиданно. Маттео посмотрел на лист.

Он был весь исписан. Кривые ноты. Линии. Пятна. Замечания.

— Можно взять?

Маэстро кивнул. Маттео осторожно свернул.

— Не потеряй.

— Не потеряю.

— И повтори дома.

Он сразу насторожился.

— Как?

— Смотри. Называй. Вспоминай звук.

— Без скрипки?

— У тебя есть уши.

Никколо усмехнулся.

— И ложка.

Маттео резко повернулся.

— Откуда ты знаешь?

— Что?

Он понял, что Никколо не знает. Просто пошутил. Маттео выдохнул.

— Ничего.

Маэстро посмотрел на него внимательно.

— Что за ложка?

Маттео покраснел.

— Ничего.

Никколо засмеялся.

— Теперь мне интересно.

— Неважно.

— Скажи.

— Я дома иногда...

Он замолчал.

— Что?

Маттео стиснул зубы.

— Держу ложку как скрипку.

Никколо согнулся от смеха. Маэстро тоже улыбнулся. Маттео разозлился.

— А что мне делать, если скрипки нет?

Смех исчез. Никколо выпрямился.

— Я не...

Маттео взял бумагу.

— Всё.

Маэстро сказал спокойно:

— Не стыдись.

Маттео посмотрел.

— Это не смешно?

— Нет.

— Он смеётся.

— Он много над чем смеётся.

Никколо нахмурился. Маэстро продолжил:

— Если человек хочет научиться, он использует то, что есть.

Маттео немного успокоился.

— Только не пытайся учить настоящую постановку ложкой.

— Почему?

— Потому что потом придётся исправлять.

— Хорошо.

Никколо тихо сказал:

— Я не хотел.

Маттео посмотрел.

— Что?

— Смеяться.

Это было почти извинение. Маттео кивнул.

— Ладно.

И они вышли вместе. До площади. Там дороги расходились. Никколо спросил:

— Ты правда копишь?

— Да.

— Сколько теперь?

— Четыре.

— Всё ещё?

— А откуда ещё?

Никколо пожал плечами.

— Можно заработать.

Маттео посмотрел на него.

— Где?

— Не знаю.

— Тогда зачем говоришь?

Никколо задумался.

— Я иногда играю за деньги.

Маттео остановился.

— Где?

— Когда отец говорит.

— И тебе платят?

— Иногда ему.

— А тебе?

— Иногда мне.

Маттео почувствовал укол. Даже его умение можно было превращать в монеты. У Маттео пока не было даже инструмента.

— Сколько?

Никколо назвал сумму. Маттео округлил глаза.

— За один раз?

— Иногда.

— Это много.

— Не всегда.

Маттео сразу начал считать. Если бы он мог так... Но тут же понял абсурд. Чтобы заработать на скрипку игрой, сначала нужна скрипка.

— Повезло тебе.

Никколо посмотрел странно.

— Ты опять.

— Что?

— Думаешь, всё легко.

Маттео хотел возразить. Но вспомнил их прошлый разговор.

— Ладно.

— Что «ладно»?

— Не буду.

Никколо кивнул.

— Завтра придёшь?

— Если смогу.

— Принеси бумагу.

Маттео показал свёрнутый лист.

— У меня один.

— Можно с другой стороны.

— Там счёт.

— Тогда между.

Маттео усмехнулся.

— Там уже всё чёрное.

Никколо пожал плечами.

— Значит, запоминай.

Они разошлись. На рынке отец сразу заметил уголь на пальцах.

— Что это?

Маттео спрятал руки.

Поздно.

— Уголь.

— Вижу. Зачем?

— Писал.

Джованни прищурился.

— Что?

Маттео достал лист. Показал. Отец взял. Развернул. Долго смотрел. Маттео наблюдал. Джованни перевернул. Увидел старый счёт. Снова лицевую сторону.

— Что это?

— Ноты.

— Это?

— Да.

— Похоже на мух.

Маттео обиделся.

— Это потому что уголь плохой.

— Конечно.

Отец снова смотрел.

— Кто тебя этому учит?

Маттео молчал.

— Тот человек в церкви?

Он кивнул.

— Бесплатно?

Маттео насторожился.

— Да.

— Почему?

— Не знаю.

— Никто ничего не делает бесплатно.

— Он делает.

Джованни сложил лист.

— Сколько просил?

— Ничего.

— Пока.

Маттео почувствовал раздражение.

— Почему ты думаешь, что все хотят денег?

Отец усмехнулся.

— Потому что почти все хотят.

— Не все.

— Хорошо.

Он отдал лист.

— Посмотрим.

Маттео не понял, хорошо это или плохо.

— Ты не сердишься?

Джованни занялся товаром.

— За бумагу?

— За уроки.

— Я не говорил, что разрешаю.

— Но...

— И не говорил, что сейчас запрещаю.

Маттео замер. Это было неожиданно.

— Почему?

Отец посмотрел.

— Потому что ты сегодня всё сделал вовремя.

Маттео почувствовал радость.

— Значит, если всегда буду вовремя...

— Не торгуйся.

Улыбка исчезла. Но не совсем. Джованни добавил:

— И не трать на это деньги.

— У меня нет.

— Вот и хорошо.

Маттео спрятал лист за пазуху. Вечером он разложил его на столе. Бьянка сразу прибежала.

— Это птицы?

— Нет.

— Похоже.

— Это ноты.

Маттео показал.

— Вот эта выше.

— Почему?

— Потому что выше нарисована.

— А эта?

Он задумался.

— Тоже выше.

— Тогда зачем разные?

Маттео нахмурился.

— Не мешай.

Бьянка засмеялась.

— Ты не знаешь.

— Знаю.

— Не знаешь.

— Сейчас вспомню.

Он попытался восстановить урок. Вот линия. Вот знак.

Вот звук. Закрыв глаза.

Вспомнил, как Никколо играл. Потом назвал.

— Вот.

Бьянка ничего не поняла. Но кивнула.

— Красиво?

Маттео посмотрел на лист.

— Пока нет.

— А когда будет?

— Когда сыграю.

— На ложке?

Он сердито посмотрел. Бьянка убежала, смеясь. Маттео снова сел. Пальцем вёл по нотам.

Шептал названия. Пытался петь. Не всегда попадал. Исправлял. Снова. Именно в этот момент вошёл отец. Маттео не заметил. Джованни некоторое время стоял у двери. Смотрел.

Мальчик сидел над старым счётом. Губы двигались. Палец шёл по чёрным точкам. Иногда

Маттео тихо напевал. Потом сам себя останавливал. Возвращался. Начинал снова. Джованни

ничего не сказал. Развернулся. Ушёл. Через некоторое время мать вошла к нему. Он чинил

ремень. Позже, чиня ремень, Джованни двигал пальцами медленнее обычного. Перед глазами

у него, должно быть, всё ещё стоял мальчик над старым счётом — маленький в слабом домашнем свете и неожиданно взрослый в своей сосредоточенности.

— Видел?

— Видел.

— Ну?

Джованни потянул кожу.

— Что «ну»?

— Это не проходит.

Он молчал.

— Я думала, пройдёт.

— Я тоже.

Мать села.

— Он серьёзно.

Джованни раздражённо бросил ремень.

— Серьёзно можно хотеть и невозможного.

— А если не невозможного?

Он посмотрел на неё.

— На что ты намекаешь?

— Ни на что.

— Тогда не начинай.

Она замолчала. Через минуту сказала:

— Ты в его возрасте что хотел?

Джованни нахмурился.

— Не помню.

— Врёшь.

— Я был нормальным ребёнком.

— Это не ответ.

Он не говорил. Мать ждала. Наконец Джованни тихо сказал:

— В море.

— Что?

— Хотел в море.

Она удивилась.

— Ты никогда не говорил.

— Потому что не пошёл.

— Почему?

— Отец не разрешил.

Мать смотрела. Джованни сразу пожалел, что сказал.

— И что?

— Ничего.

— Совсем?

— Совсем.

Он снова взял ремень.

— Видишь. Не умер.

Мать посмотрела в сторону комнаты Маттео.

— Не умер.

Джованни услышал интонацию.

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего.

Он усмехнулся.

— Сегодня у всех любимое слово.

Она улыбнулась. Но Джованни уже не улыбался. Он продолжил чинить ремень. Только теперь медленнее.

На следующий день Маттео пришёл с новым кусочком бумаги. Мать снова нашла. Ещё

меньше. Маэстро ничего не сказал. Только провёл пять линий.

— Сегодня ритм.

Маттео сел. Никколо недовольно спросил:

— А играть?

— Будешь.

— Когда?

— Когда я решу.

— Я уже разогрелся.

— Тогда не остывай.

Маттео улыбнулся. Маэстро постучал.

— Слушай.

Короткий. Длинный. Два быстрых. Пауза. Маттео повторил.

— Теперь запиши.

Он замер.

— Как?

— Я вчера показывал.

— Это другое.

— Именно поэтому сегодня учим.

Маэстро объяснил длительности. Маттео путался. Особенно там, где знаки становились похожими. Но ритм он чувствовал. Когда видел запись, не всегда понимал. Когда слышал —

почти сразу. Маэстро заметил.

— Не угадывай.

— Я не угадываю.

— Ты слышишь внутри и подгоняешь знак.

— А как надо?

— Читать знак без подсказки слуха.

— Зачем, если можно услышать?

— Потому что не всегда рядом будет Никколо.

Маттео посмотрел на него. Никколо сделал важное лицо.

— Жаль.

Маттео усмехнулся. Маэстро продолжил.

— Музыкант должен читать музыку так же, как текст.

— Но я и текст читаю медленно.

— Тогда у тебя две проблемы.

Никколо опять засмеялся. Маттео тоже. Урок шёл легче. Через час он уже мог прочитать совсем короткий рисунок. Медленно. Ошибаясь. Но мог. Маэстро в конце сказал:

— Завтра повторим.

Маттео радостно кивнул.

— Хорошо.

— И выучи названия струн.

— Я знаю.

— Все?

Маттео уверенно перечислил. Никколо удивился.

— Когда успел?

— Вчера.

— Я думал, ты не знаешь.

— Вчера не знал.

Маэстро посмотрел на Маттео.

— Вот это полезная привычка.

— Какая?

— Сегодня знать больше, чем вчера.

Маттео запомнил. После урока Никколо вышел вместе с ним.

— У тебя отец правда не против?

— Не совсем.

— Что значит?

— Если всё делаю.

— Тогда нормально.

Маттео покачал головой.

— Ты не знаешь его.

— А ты моего.

— Правда.

Они прошли до площади. Никколо вдруг спросил:

— А если отец совсем запретит?

Маттео остановился.

— Всё равно буду.

— Тайком?

— Да.

Никколо задумался.

— Меня бы убили.

— Меня, может, тоже.

Они посмотрели друг на друга. Потом оба засмеялись. Но Маттео внутри стало не смешно.

Потому что он понимал: это не шутка. Отец пока терпит. Пока Маттео работает. Пока уроки

ничего не стоят. Пока музыка не требует слишком многого. Но однажды обязательно потребует. Времени. Денег. Скрипки. И тогда Джованни придётся выбирать. А вместе с ним — и

Маттео.

Вечером отец сам позвал его.

— Покажи.

Маттео не понял.

— Что?

— Эти твои знаки.

Он насторожился.

— Зачем?

— Посмотреть.

Маттео принёс лист. Джованни сел.

— Объясняй.

Мальчик растерялся.

— Что?

— Вот это.

Он показал. Маттео начал.

— Это нотный стан.

— Почему пять линий?

Маттео улыбнулся.

— Потому что четыре мало, а шесть много.

Отец посмотрел. Маттео рассмеялся.

— Мне тоже так сказали.

— Очень умно.

— На самом деле на них пишут ноты.

Он объяснил. Как мог. Высоко. Низко. Какая нота где.

Джованни слушал. Не всё понимал.

Маттео видел. Но отец не перебивал. Потом спросил:

— И ты можешь посмотреть на это и услышать?

— Пока не совсем.

— Тогда зачем?

— Научусь.

— А он может?

— Никколо?

— Тот мальчик.

— Конечно.

— Хорошо играет?

Маттео задумался.

— Очень.

— Лучше тебя?

Вопрос был настолько нелепый, что Маттео рассмеялся.

— Папа.

— Что?

— Я вообще не умею.

— Но слышишь лучше.

Маттео удивлённо посмотрел.

— Откуда ты знаешь?

Джованни сразу понял, что сказал лишнее.

— Ты рассказывал.

Маттео не помнил. Но спорить не стал.

— Иногда.

— А тот человек что говорит?

— Что слух хороший.

Отец кивнул.

— И всё?

— Что одного слуха мало.

— Умный человек.

Маттео закатил глаза.

— Конечно. Потому что говорит как ты.

Джованни усмехнулся.

— Значит, вдвойне умный.

Они оба улыбнулись. Потом отец стал серьёзным.

— Маттео.

— Что?

— Ты понимаешь, что скрипку я тебе купить не смогу?

Улыбка исчезла.

— Да.

— Не сейчас.

Маттео почувствовал слабую надежду.

— А потом?

Джованни долго молчал.

— Не знаю.

Это было честнее, чем «нет». Маттео это почувствовал.

— Я сам куплю.

— Четырьмя монетами?

— Будет больше.

Отец посмотрел.

— Может быть.

Маттео ожидал насмешки. Не было. Джованни вернул лист.

— Только одно.

— Что?

— Не превращай это в оправдание.

— Для чего?

— Для лени.

Маттео вспыхнул.

— Я не ленивый.

— Тогда доказывать не придётся.

Он встал. Разговор закончился. Маттео ещё долго сидел. Лист лежал перед ним. Пять линий.

Чёрные точки. Кривые палочки. Если смотреть со стороны — почти ничего. Но для него это уже было больше. Тайный язык. Ещё вчера недоступный. Сегодня — немного понятный. Он

провёл пальцем по первой ноте. Закрыв глаза. Попытался услышать. И услышал. Слабо. Неуверенно. Но услышал. Маттео улыбнулся. За стеной отец снова чинил ремень. Мать укла-дывала Бьянку. На улице кричал торговец. Вдалеке ударил колокол. Обычный вечер. Но теперь между всеми этими звуками существовали ещё и чёрные знаки. И Маттео впервые понял: музыку можно не только услышать. Её можно сохранить. А если можно сохранить звук

— значит, однажды можно сохранить и то, что человек чувствовал, когда этот звук появился.

Глава восьмая

Цена ошибки

Через несколько дней Маттео перестал замечать уголь на пальцах. Уголь въедался в кожу тонкой серой пылью, и обычное умывание не сразу стирало его из складок пальцев. Эти следы были почти незаметны для постороннего, но Маттео видел в них доказательство своей второй, тайной жизни. Раньше он вытирал руки о штаны ещё на выходе из церкви, боясь, что

отец спросит. Теперь чёрные следы оставались под ногтями, на ладонях, иногда даже на

щеке, если он задумывался и проводил рукой по лицу. Отец замечал. Но больше не спрашивал каждый раз. Это было непривычно. Маттео даже несколько раз ловил себя на том, что

ждёт замечания. Ничего. Джованни мог только посмотреть на пальцы, потом на сына и снова

заняться товаром. От этого становилось тревожнее. Когда взрослый сердится — всё понятно.

Когда молчит — нет.

В то утро рынок шумел особенно сильно. Пришло несколько кораблей, и город будто сразу

стал теснее. Матросы, грузчики, торговцы, носильщики, мальчишки с корзинами — все двигались одновременно, кричали, ругались, торговались. Джованни был доволен. Хороший

день означал деньги. А хорошие дни выпадали не так часто, чтобы относиться к ним спокойно.

— Маттео!

— Здесь!

— Две меры каштанов.

— Уже.

— И следи за оливками.

— Слежу.

— Вчера тоже следил.

— Вчера никто ничего не взял.

— Потому что я заметил.

Маттео усмехнулся. Отец сделал вид, что не заметил. Работа шла быстро. Маттео действительно стал полезнее. Он уже знал постоянных покупателей. Знал, кому можно немного

уступить. Кому нельзя. Кто обязательно попытается взять лишнее. Кто платит сразу. Кто

обещает завтра. Отец всё чаще доверял ему считать деньги. Раньше Маттео радовался этому.

Теперь иногда раздражался. Каждая новая обязанность означала меньше времени. Но спорить не хотел. Не сейчас. Он понял одну простую вещь: чем лучше работает, тем меньше

отец мешает его занятиям. Это было почти соглашение. Никто его не произносил. Но оба соблюдали. После полудня покупателей стало меньше. Джованни посмотрел на солнце. Потом

на сына.

— Отнеси деньги Бартоломео.

Маттео быстро взял небольшой мешочек.

— И расписку принеси.

— Хорошо.

— Не потеряй.

— Не потеряю.

— И...

Маттео замер. Отец смотрел на него.

— Что?

— Ничего. Иди.

Маттео побежал. Поручение выполнил быстро. Получил расписку. Проверил дважды. Потом, уже на улице, посмотрел в сторону храма. До урока оставалось немного времени. Он побежал.

Джованни ещё несколько минут стоял за прилавком. Потом позвал соседа.

— Посмотришь?

Торговец сыром поднял голову.

— Куда собрался?

— Недалеко.

— Когда ты говоришь «недалеко», потом возвращаешься через час.

— Пять минут.

— Значит, полчаса.

Джованни бросил на него взгляд.

— Если кто-то возьмёт товар...

— Запишу на твой счёт.

— На твой.

— Тогда сам стой.

Джованни уже отходил.

— Полчаса.

— Я запомнил.

Он пошёл по улице. Не спеша. Сам не знал, зачем. Точнее, знал. Но не хотел признавать. Несколько дней его мучило любопытство. Что именно делает Маттео в той церкви? Он видел

листы. Слышал объяснения. Один раз даже слушал, как сын напевает какие-то звуки и сам

себя поправляет. Но всё это происходило дома. Вне контекста. Отдельными кусками. Джованни представлял церковь иначе. Мальчишки прячутся. Хихикают. Кто-то играет. Маттео

стоит рядом. Потом возвращается и рассказывает про музыку. Возможно, так оно и было. Но

тогда почему он каждый вечер сидит над этими чёрными знаками? Почему повторяет? Почему помнит? Почему вместо игры с мальчишками стучит по деревянной миске и слушает

звук? Джованни не понимал. А когда чего-то не понимал, это раздражало.

Он дошёл до площади. Храм стоял открытый. Джованни остановился. Можно было развернуться. Он почти так и сделал. Потом услышал скрипку. Один короткий отрывок. Пауза.

Снова. Он вошёл. Внутри прохладно. Глазам понадоби-

лось время. Джованни снял шапку.

Прошёл несколько шагов. Сначала увидел мужчину. Потом мальчика со скрипкой. И только потом Маттео.

Сын сидел на скамье. Не прятался. Перед ним лежал лист. В руке уголь. Он смотрел на музыканта так внимательно, что не заметил отца. Джованни остановился у дальней колонны. Невольно усмехнулся. Теперь за колонной стоял он. Маэстро сказал:

— Ещё раз.

Мальчик со скрипкой начал. Джованни не знал, хорошо тот играет или плохо. Для него звучало одинаково. Красиво. Иногда слишком резко. Иногда приятно. Но он сразу заметил другое. Маттео не просто слушал. Он следил. Губы шевелились. Палец шёл по бумаге. Скрипка остановилась. Маэстро повернулся к Маттео.

— Где?

Тот показал.

— Здесь.

— Почему?

— Рано.

— Что рано?

— Он ускорился перед концом.

Мальчик со скрипкой сразу возразил:

— Не ускорился.

Маэстро сказал:

— Ускорился.

Никколо нахмурился. Маттео улыбнулся.

— Не радуйся, — сказал учитель. — Теперь ты.

Он постучал по скамье. Маттео слушал. Потом повторил. Ошибся.

— Нет.

Снова. Теперь правильно. Джованни смотрел. Ему стало не по себе. Не потому, что происходило что-то плохое. Наоборот. Слишком серьёзное. Маттео сидел совершенно иначе, чем

дома. И даже иначе, чем на рынке. Там он постоянно двигался. Отвлекался. Смотрел по сторонам. Иногда забывал. Здесь не забывал ничего. Маэстро сказал:

— Читай.

Маттео посмотрел на лист. Медленно начал называть знаки. Джованни не понимал ни слова.

Но видел усилие. Сын ошибся. Сам остановился. Вернулся. Исправил. Никто ему не подсказал.

Джованни

неожиданно вспомнил, как отец учил его считать товар. Сколько мешков. Сколько монет.

Сколько осталось. Он тоже ошибался. Отец бил его по затылку. «Считай заново». Джованни

ненавидел считать. А Маттео сейчас ошибался и начинал снова сам.

— Лучше, — сказал маэстро.

Маттео улыбнулся. Совсем немного. Но Джованни увидел. И вдруг почувствовал что-то неприятное. Он редко видел эту улыбку на рынке. Не потому, что сын был несчастен. Маттео

смеялся. Шутил. Иногда даже слишком много. Но это было другое. Здесь он радовался тому, что сделал правильно. И Джованни понял: сын не играет. Он работает. Просто работа странная. Непонятная. Не приносит денег. Но работа. Маэстро снова поднял руку.

— Никколо.

Мальчик сыграл несколько нот.

— Маттео?

— Вторая ниже.

— Ещё.

Снова.

— Последняя та же, что первая.

— Хорошо.

Джованни сжал шапку в руке. Ему стало неловко. Будто он подглядывал за чем-то личным.

Он уже собирался уйти. Но услышал:

— Теперь возьми скрипку.

Джованни остановился. Маттео резко поднял голову.

— Я?

— Нет, колонна.

Никколо засмеялся. Маттео подошёл. Взял инструмент. Осторожно. Джованни сразу заметил

это. Сын держал скрипку так, как дома держал хлеб, если тот был последним. Маэстро поправил плечо. Локоть. Руку. Маттео провёл смычком. Звук был плохой. Джованни даже поморщился. Никколо тоже улыбнулся. Но Маттео не засмеялся. Сразу повторил. Хуже. Третий раз. Лучше.

Маэстро сказал:

— Не торопись.

Маттео снова. Джованни стоял неподвижно. В какой-то момент сын получил чистый звук.

Самый обычный. Один. Но лицо Маттео изменилось так резко, что отец почувствовал укол в груди. Джованни не знал почему. Он вспомнил: «Получилось».

Маттео сказал это на рынке несколько дней назад. Тогда Джованни не понял. Теперь понял.

Он тихо вышел. Никто не заметил.

На рынок Джованни вернулся через сорок минут. Торговец сыром посмотрел.

— Пять минут.

— Молчи.

— Я ничего.

— Всё продал?

— Тебе?

— Мой товар.

— Почти.

Джованни встал за прилавок. Несколько минут перекладывал оливки. Потом переставил корзину. Потом снова вернулся. Сосед наблюдал.

— Что?

— Ничего.

— Чего смотришь?

— Любуюсь.

— На что?

— Как ты перекладываешь одну и ту же корзину.

Джованни перестал.

— Делать нечего?

— Тебе, похоже, тоже.

Он отвернулся.

Маттео вернулся вскоре. Бежал. Как обычно.

— Я всё принёс.

Протянул расписку. Джованни взял. Прочитал.

— Хорошо.

Маттео сразу начал помогать. Отец смотрел. Сын ничего не рассказывал. Это удивило.

Обычно после удачного урока его было трудно остановить. Сегодня молчал. Джованни сам

спросил:

— Как скрипка?

Маттео поднял голову.

— Что?

— Играл?

— Немного.

— Получилось?

Маттео улыбнулся.

— Один раз очень хорошо.

— Один звук?

Он замер.

— Откуда ты знаешь?

Джованни понял ошибку.

— Ты говорил раньше.

Маттео смотрел подозрительно.

— Не говорил.

— Значит, угадал.

— Папа.

— Что?

Маттео прищурился.

— Ты был там?

Джованни отвернулся к товару.

— Где?

Теперь сын точно понял.

— Ты был!

— Не кричи.

— Ты приходил в церковь?

— Был рядом.

— И смотрел?

— Немного.

Лицо Маттео стало таким, будто произошло нечто невероятное.

— Зачем?

— Хотел посмотреть.

— На меня?

— На церковь.

— Папа.

Джованни вздохнул.

— Да. На тебя.

Маттео молчал. Сосед торговец сыром сразу стал очень занят своим товаром. Джованни заметил.

— И не подслушивай.

— Я вообще глухой.

Маттео не сводил глаз с отца.

— Ну?

— Что?

— Как?

Джованни не понял.

— Что как?

— Я.

— Ты сидел.

Маттео разочарованно нахмурился.

— Я видел.

— И?

Отец пытался подобрать слова. Это было непривычно. На рынке слова обычно были просты-ми. Дорого. Дёшево. Бери. Не бери. Плати. Здесь всё было сложнее.

— Ты работал.

Маттео удивился.

— Конечно.

— Я думал, вы там...

Джованни махнул рукой.

— Что?

— Неважно.

— Нет, скажи.

— Я думал, ты просто стоишь и слушаешь.

Маттео замолчал. Потом тихо:

— Я сначала так и делал.

— Я знаю.

— А теперь...

— Теперь вижу.

Этого оказалось достаточно. Маттео отвернулся, но улыбку спрятать не смог. Джованни заметил. И почему-то сразу рассердился на себя.

— Только ничего не меняется.

Улыбка уменьшилась.

— Я знаю.

— Рынок сначала.

— Знаю.

— Поручения.

— Знаю.

— Дом.

— Папа.

— Что?

— Я всё знаю.

Джованни кивнул.

— Хорошо.

Но после паузы добавил:

— Тот человек не дурак.

Маттео просиял.

— Маэстро?

— Наверное.

— Он очень хороший.

— Посмотрим.

— Ты даже его не знаешь.

— Вот и посмотрим.

Маттео хотел ещё что-то спросить. Подошёл покупатель. Разговор закончился. Но весь остаток дня Маттео работал особенно быстро.

Вечером он пошёл к Витторе. Настроение было таким хорошим, что даже четыре монеты в

кармане казались уже не четырьмя, а началом состояния. Мастер работал над той самой

скрипкой. Теперь корпус почти сложился. Маттео остановился у стола.

— Отец приходил в церковь.

Витторе не поднял головы.

— Соболезную маэстро.

— Он ничего не сказал.

— Это ещё хуже.

— Нет.

Маттео улыбался.

— Он видел, как я занимаюсь.

Теперь Витторе посмотрел.

— И?

— Сказал, что я работаю.

Мастер понял, почему мальчик так счастлив.

— Значит, хороший день.

— Очень.

Витторе кивнул.

— Тогда испортим.

Маттео насторожился.

— Что?

— Настроение.

Он достал маленький рубанок. Положил на стол. Маттео сразу перестал улыбаться.

— Мне?

— Пока не радуйся.

— Настоящий?

— Нет, игрушечный. Конечно настоящий.

Маттео подошёл.

— Что делать?

Витторе принёс кусок древесины. Не ту деку. Другой. Но явно не мусор.

— Видишь линию?

— Да.

— Снять совсем немного.

— Сколько?

— Пока поверхность не станет ровной.

— Как раньше шкуркой?

— Только теперь ошибка будет быстрее.

Маттео сглотнул. Мастер показал.

— Держишь так.

Поставил руки.

— Не дави.

— Я знаю.

— Именно когда человек говорит «я знаю», надо повторить ещё раз: не дави.

Маттео кивнул.

— Движение ровное.

Витторе провёл один раз. Тонкая стружка свернулась.

— Красиво.

— Это не должно быть красиво. Это должно быть правильно.

Маттео взял инструмент. Он был лёгкий. Но острый. Сразу чувствовалось.

— Давай.

Маттео провёл. Рубанок почти не снял дерево.

— Слишком боишься.

— Ты сказал не давить.

— Не давить — не значит гладить.

Маттео попробовал снова. Теперь стружка появилась. Он улыбнулся.

— Вот.

— Ещё.

Движение. Ещё. Витторе наблюдал.

— Не спеши.

Маттео замедлился. Через несколько минут стало получаться. Рука почувствовала движение.

Рубанок шёл всё увереннее. Маттео начал получать удовольствие. Стружка выходила длиннее. Чище.

— Хорошо, — сказал Витторе.

Маттео расправил плечи. Ещё движение. Ещё.

— Стоп.

Но он уже начал следующее. Рубанок зацепился. Рука дёрнулась. С дерева ушёл тонкий кусок. Слишком глубокий. Маттео замер. Витторе ничего не сказал. Это было хуже всего.

Мальчик посмотрел. В поверхности появилась заметная впадина. Совсем маленькая. Но заметная.

— Я...

Мастер взял заготовку. Провёл пальцем. Маттео чувствовал, как всё внутри холодеет.

— Я исправлю.

— Как?

— Ещё сниму рядом.

— И сделаешь всё тоньше?

Маттео молчал.

— Можно зашлифовать.

— Тогда будет ещё хуже.

— А что делать?

Витторе положил кусок на стол.

— Ничего.

— Совсем?

— Совсем.

Маттео не понимал.

— Но можно же...

— Нельзя вернуть дерево назад.

Эти слова прозвучали просто. Маттео посмотрел на впадину.

— Это было для скрипки?

Витторе молчал.

— Синьор Витторе.

— Было.

У Маттео сжалось горло.

— Я испортил?

— Да.

Никакого утешения. Никакого «ничего страшного». Просто да. Маттео опустил голову.

— Сколько стоит?

— Неважно.

— Я заплачу.

— Чем?

Он сразу вспомнил четыре монеты. Достал. Положил на

стол. Витторе посмотрел.

— Убери.

— Но я испортил.

— Убери.

— Ты сам сказал...

— Я сказал, что ты испортил. Не сказал, что продаю тебе ошибку.

Маттео не двигался.

— Я могу работать.

— Ты и будешь.

— Сколько?

— Пока не научишься останавливаться, когда тебе говорят «стоп».

Маттео покраснел. Это было большее. Потому что правда.

— Я услышал поздно.

— Нет.

Витторе посмотрел прямо.

— Ты услышал.

Маттео замер.

— Но решил сделать ещё одно движение.

Он не мог возразить. Так и было. Получалось хорошо. Хотелось ещё. Ещё одну длинную стружку. Ещё один ровный проход.

— Почему?

Маттео пожал плечами.

— Не знаю.

— Знаешь.

Он молчал.

— Потому что получилось.

Маттео поднял глаза. Витторе кивнул.

— Самый опасный момент — не когда не умеешь.

Он показал на заготовку.

— А когда только что что-то получилось и тебе кажется, что теперь умеешь.

Маттео снова посмотрел на впадину.

— Её совсем нельзя использовать?

— Может быть, использую для чего-то другого.

— Для скрипки?

— Нет.

Слово резануло. Маттео взял монеты. Медленно убрал.

— Я не хотел.

— Конечно.

— Ты сердишься?

— Да.

Маттео ожидал.

— Очень?

— Достаточно.

Он опустил голову. Витторе продолжил:

— И на себя тоже.

Маттео удивился.

— Почему?

— Потому что дал тебе заготовку раньше времени.

— Я сам виноват.

— И я.

— Но ты сказал остановиться.

— А до этого позволил.

Маттео задумался. Витторе убрал рубанок.

— На сегодня всё.

— Я могу шкуркой.

— Нет.

— Подмести.

— Если хочешь.

Маттео взял метлу. Молча начал собирать стружку. Раньше она казалась красивой. Теперь

смотрел на неё иначе. Каждая стружка была тем, чего уже нельзя вернуть. Он неожиданно

понял, сколько дерева уходит на одну скрипку. Не просто материала. Решений. Каждый проход. Каждый срез. Если снять мало — можно ещё. Если слишком много — всё. Он подмёл.

Поставил метлу. В светлых завитках на полу ещё сохранялся запах свежего среза. Некоторые

стружки были тонкими, почти прозрачными, другие — толще, и Маттео впервые видел в

этой красивой россыпи не украшение мастерской, а след необратимых решений.

— Я завтра могу прийти?

Витторе посмотрел удивлённо.

— Ты думал, я тебя выгнал?

— Не знаю.

— Если бы выгнал, сказал бы.

Маттео выдохнул.

— Тогда приду.

— Придёшь.

— А рубанок?

— Не скоро.

Маттео кивнул. На этот раз не спорил. У двери остановился.

— Синьор Витторе.

— Что?

— А у тебя бывало?

— Что?

— Так испортить.

Мастер засмеялся.

— Мальчик.

Он снял очки.

— Если бы я хранил всё, что испортил, мне пришлось бы снять соседний дом.

Маттео не ожидал.

— Правда?

— Конечно.

— И что ты делал?

— Злился.

— А потом?

— Учился.

Маттео кивнул.

— Хорошо.

— Ничего хорошего.

— Я про то, что не только я.

— Все.

Маттео подумал.

— Даже хорошие мастера?

— Особенно прежде чем стать хорошими.

Он вышел.

Дома отец сразу заметил настроение.

— Что случилось?

Маттео снял куртку.

— Ничего.

Джованни посмотрел.

— Опять это слово.

Маттео сел. Несколько секунд молчал. Потом сказал:

— Я дерево испортил.

— Какое дерево?

— В мастерской.

— В какой ещё мастерской?

Маттео понял, что почти ничего не рассказывал про Витторе.

— Там, где скрипка в витрине.

Джованни медленно повернулся.

— Ты ещё и там работаешь?

— Не работаю.

— А что делаешь?

— Учусь немного.

— Чему?

— Делать скрипки.

Тишина. Мать подняла голову. Бьянка тоже. Джованни смотрел так, словно услышал что-то совершенно новое.

— Делать?

— Пока нет. Просто дерево.

— Подожди.

Отец сел.

— Ты хочешь играть или делать скрипки?

Маттео растерялся.

— Играть.

— А там зачем?

— Интересно.

— Это две разные вещи.

— Я знаю.

Хотя до конца не был уверен.

— Кто этот человек?

— Синьор Витторе.

— Платит тебе?

— Нет.

— Ты ему?

— Нет.

Джованни нахмурился.

— Опять бесплатно.

— Он разрешает смотреть.

— И портить дерево.

Маттео опустил голову.

— Один раз.

— Что произошло?

Он рассказал. Про рубанок. Про «стоп». Про лишнее дви-

жение. Про впадину. Отец слушал.

Когда Маттео закончил, Джованни спросил:

— Он ударил?

— Нет.

— Кричал?

— Нет.

— Выгнал?

— Нет.

— Тогда что?

— Сказал, что дерево нельзя вернуть.

Джованни кивнул.

— Правильно.

Маттео уже ожидал.

— Все сегодня правы.

— Кто ещё?

— Никто.

Отец усмехнулся.

— Ты злишься?

— На себя.

Джованни посмотрел внимательно.

— Хорошо.

Маттео поднял голову.

— Что хорошего?

— Значит, понял.

— Что?

— Если ошибся и злишься на инструмент, дерево, чело-

века рядом — ничему не научишься.

Маттео задумался.

— А если на себя?

— Тоже долго нельзя.

— Почему?

— Потому что работа стоит.

Отец взял ремень. Показал место, где недавно сделал неправильный прокол.

— Видишь?

Маттео кивнул.

— Я вчера испортил.

— И что?

— Сделал другой.

— А этот?

— Оставлю для телеги.

Маттео вспомнил слова Витторе. «Может быть, использую для чего-то другого».

— То же самое.

— Что?

— Витторе сказал почти так.

Джованни вздохнул.

— У тебя слишком много учителей.

Маттео улыбнулся.

— Ты тоже.

— Я?

— Да.

— Не вздумай рассказывать всем, что я учу тебя портить ремни.

Они засмеялись. Потом Маттео стал серьёзным.

— Папа.

— Что?

— Ты правда сегодня приходил только посмотреть?

Джованни некоторое время молчал.

— Да.

— И всё?

— А что ещё?

Маттео пожал плечами.

— Не знаю.

Отец вернулся к ремню.

— Хотел понять.

— Что?

Джованни посмотрел на него. Ответил не сразу.

— Почему ты всё время туда бегаешь.

Маттео замер.

— Понял?

Отец снова занялся ремнём.

— Немного.

Это было больше, чем Маттео ожидал. Он улыбнулся.

— Я могу тебе когда-нибудь сыграть.

Джованни хмыкнул.

— Сначала научись.

— Научусь.

— Тогда сыграешь.

Маттео кивнул. Будто они только что заключили договор.

На следующий день в мастерской Витторе рубанок лежал далеко. Маттео даже не смотрел в его сторону. Мастер заметил.

— Боишься?

— Нет.

— Врёшь.

— Немного.

— Хорошо.

Маттео удивился.

— Вчера ты говорил, что плохо.

— Бояться инструмента плохо.

Витторе положил перед ним кусок дерева.

— Бояться собственной самоуверенности полезно.

Маттео провёл пальцем по поверхности.

— Что делать?

— Сегодня только смотреть.

Он расстроился. Но промолчал. Витторе работал. Маттео следил. Каждое движение теперь

видел иначе. Мастер иногда останавливался. Проводил пальцем. Слушал дерево. Снова снимал. Иногда совсем чуть-чуть. Маттео заметил: Витторе очень часто ничего не делал. Просто

смотрел.

— Почему ты остановился?

— Думаю.

— О чём?

— Снимать или нет.

— И?

— Пока нет.

Маттео запомнил. Через несколько минут мастер спросил:

— Что важнее: снять или не снять?

Маттео задумался.

— Не знаю.

— Правильный ответ.

— А какой?

— Зависит.

Он снова провёл рубанком.

— Мастерство не в том, чтобы всё время что-то делать.

Маттео смотрел.

— Иногда главное — вовремя остановиться.

Теперь фраза была понятна. Очень.

В храме урок шёл хуже обычного. Никколо нервничал, ошибался, спорил. Маэстро несколько раз заставлял начинать заново. С каждым повтором движение смычка становилось резче, а упрямство на лице мальчика — заметнее. Наконец Никколо раздражённо бросил:

— Я и так знаю!

Маттео невольно вздрогнул. Витторе утром сказал почти об этом. Маэстро спокойно ответил:

— Если бы знал, сделал бы.

Никколо резко поднял смычок. Сыграл. Слишком быстро. Ошибка. Он остановился сам.

Маттео смотрел. Никколо заметил.

— Что?

— Ничего.

— Говори.

Маттео помедлил.

— Ты сегодня как я вчера.

— Что?

— Ничего.

Маэстро повернулся.

— Нет уж. Теперь мне тоже интересно.

Маттео покраснел.

— Я дерево испортил.

Никколо не понял.

— Какое дерево?

— В мастерской.

Маттео коротко рассказал. Никколо усмехнулся.

— И при чём тут я?

Маттео пожал плечами.

— Тебе сказали остановиться. Ты всё равно сыграл.

Тишина. Маэстро посмотрел на Никколо. Потом на Маттео. Никколо нахмурился.

— Это другое.

— Почему?

— Потому что я умею.

Маттео сразу понял, что надо сказать.

— Вот и я так подумал.

Маэстро отвернулся, скрывая улыбку. Никколо увидел.

— Вы тоже?

Учитель повернулся.

— Что?

— Смеётесь.

— Нет.

— Смеётесь.

Маэстро взял ноты.

— Ещё раз.

Никколо раздражённо поставил скрипку. Маттео тихо сказал:

— Только не слишком глубоко.

Никколо посмотрел. Секунду. Потом не выдержал и засмеялся. Маэстро тоже. Через мгновение смеялся уже Маттео. Напряжение исчезло.

— Всё, — сказал учитель. — Теперь действительно ещё раз.

Никколо начал. Медленно. Ровно. Не пытаясь ничего доказать. И сыграл лучше всего за весь

урок. В конце маэстро сказал:

— Вот теперь достаточно.

Никколо опустил смычок. Маттео вспомнил рубанок. Остановку. Впадину. И неожиданно понял: иногда вовремя остановиться — тоже часть музыки.

Вечером Джованни долго сидел у окна. Маттео уже спал. Мать складывала одежду.

— Ты ходил?

Она спросила тихо.

— Куда?

— Не притворяйся.

Джованни молчал.

— Ну?

— Видел.

— И?

Он долго не отвечал.

— Он другой там.

Мать села напротив.

— Какой?

Джованни посмотрел в сторону тюфяка сына.

— Не знаю.

— Ты всё время сегодня «не знаешь».

— Потому что не знаю.

Он потер лицо.

— Я думал, дети хотят чего-то потому, что увидели. Красивую вещь. Игрушку. Чужую жизнь.

Потом забывают. Мать слушала.

— А он не забывает.

— Нет.

— Вот это и плохо.

Она удивилась.

— Почему?

— Потому что если не забудет, придётся что-то делать.

— Что?

Джованни посмотрел на неё.

— Вот именно.

Они замолчали. С улицы доносились голоса. Где-то закрывали ставни. Кто-то смеялся. Ударил колокол. Джованни слушал. Раньше это был просто колокол. Сегодня он впервые поймал

себя на странной мысли: Маттео, наверное, услышал бы в нём что-то ещё. Он тихо сказал:

— Я не смогу купить ему скрипку.

Мать ответила:

— Я знаю.

— И уроки не смогу.

— Знаю.

— Тогда зачем смотреть?

Она долго молчала.

Потом:

— Чтобы хотя бы понимать, что именно ты ему запрещаешь.

Джованни ничего не ответил. Этой ночью он спал плохо. А утром, ещё до того как Маттео

проснулся, Джованни увидел на столе исписанный лист. Пять линий. Чёрные точки. Кривые

знаки. Он взял его. Долго смотрел. Ничего не понял. Положил обратно. Точно на то же место.

И впервые подумал не о том, как заставить сына отказаться от музыки. А о другом. Сколько вообще стоит самая дешёвая скрипка?

Глава девятая

Сколько стоит скрипка

Джованни три дня не заходил в музыкальную лавку. Утро было ясным и ветреным; между домами вдруг открывались короткие полосы голубого неба, а с гавани долетал сухой стук снастей о мачты. Джованни шёл быстрее обычного,

будто скорость могла избавить его

от решения, которое уже созрело. В первый день он решил, что делать этого не будет. Во второй — что зайдёт как-нибудь потом. На третий утром специально выбрал дорогу через другую улицу, чтобы не проходить мимо. А после обеда оказался перед витриной. Сам не понял

как. Скрипка лежала там. Та самая. По крайней мере Джованни был почти уверен. Он никогда не рассматривал её внимательно и вообще плохо понимал, чем одна скрипка отличается

от другой. Для него музыкальный инструмент оставался дорогой деревянной вещью, которая

по непонятным причинам могла стоять больше хорошей телеги. Но теперь он смотрел. Небольшая. Тёмная. Блестящая. Очень хрупкая на вид. Джованни сложил руки на груди. Цена.

Вот что его интересовало. Только цена. Никаких обещаний. Никаких покупок. Он просто хотел знать. Человек имеет право спросить цену вещи, даже если никогда её не купит.

Так Джованни объяснил самому себе, зачем толкнул дверь. Колокольчик звякнул. Из глубины донёсся голос:

— Если пришёл Маттео, сегодня ничего острого в руки не дам.

Джованни остановился.

— Не Маттео.

В мастерской стало тихо. Через несколько секунд появился невысокий седой человек в кожаном переднике. Они посмотрели друг на друга. Витторе понял первым.

— А.

Джованни не понравилось это «а».

— Что «а»?

— Ничего.

— Вы синьор Витторе?

— Иногда.

— Что значит «иногда»?

— Когда не должен денег.

Джованни не улыбнулся. Витторе снял очки.

— А вы отец.

Это тоже прозвучало не вопросом.

— Джованни Ферри.

— Я знаю.

— Откуда?

— Ваш сын говорит.

Джованни сразу насторожился.

— Много?

— Очень.

Теперь Витторе улыбнулся. Джованни понял, что его под-

девают.

— Я пришёл не шутить.

— Это заметно.

— Мне нужно спросить.

— Спрашивайте.

Джованни посмотрел на витрину. Витторе проследил взгляд.

— Вот оно что.

— Что?

— Ничего.

Джованни начинал раздражаться.

— Сколько стоит та скрипка?

Витторе назвал цену. Джованни знал её от Маттео. Но когда услышал от продавца, сумма показалась ещё больше.

— За эту?

— За эту.

— Почему столько?

— Потому что она стоит столько.

— Очень содержательно.

— Вы торгуете?

— Да.

— Почему ваш товар стоит столько, сколько вы за него просите?

— Потому что я знаю, сколько он мне обошёлся.

— Вот и я знаю.

Джованни подошёл к витрине.

— Есть дешевле?

— Есть.

— Насколько?

Витторе посмотрел внимательнее.

— Вы хотите купить сыну скрипку?

— Я этого не сказал.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Хочу знать.

— Хорошо.

Мастер назвал другую сумму. Всё равно слишком много. Джованни нахмурился.

— Ещё дешевле?

— Бывают.

— Насколько?

— Если инструмент плохой — довольно сильно.

— А ему какая разница?

Витторе не ответил.

— Он только начинает, — продолжил Джованни. — Разве новичку нужна хорошая?

Мастер прислонился к столу.

— А вы сыну дали бы телегу с кривым колесом?

— Если учится возить — почему нет?

— Потому что он решит, что телега всегда идёт криво.

Джованни усмехнулся.

— Скрипка не телега.

— Наконец-то мы в чём-то согласны.

Джованни снова посмотрел в витрину.

— Я не говорю про совсем плохую. Просто дешёвую.

— Можно найти.

— Сколько?

Витторе назвал третью цену. Теперь сумма уже не выглядела совершенно невозможной.

Только почти невозможной. Джованни начал считать. Не

монеты. Недели. Сколько можно

отложить, если хорошо идёт торговля. Что придётся не купить. Какие долги подождут. Он тут же рассердился на себя.

— Нет.

Витторе поднял бровь.

— Что нет?

— Ничего.

— Кажется, сегодня это семейное слово.

Джованни посмотрел резко.

— Маттео тоже так говорит?

— Постоянно.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом оба неожиданно улыбнулись. Совсем

немного. Напряжение ослабло. Джованни спросил:

— Он часто сюда приходит?

— Когда может.

— Что делает?

— Мешает.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Витторе вернулся за рабочий стол. На нём лежала почти законченная дека.

— Сначала смотрел.

— Потом?

— Спрашивал.

— Это я представляю.

— Потом стал слушать.

Джованни нахмурился.

— Что слушать? Вы здесь тоже играете?

— Иногда дерево.

Отец посмотрел так же, как когда-то Маттео.

— Дерево.

— Да.

— И вы его этому учите?

— Пока я учу его не совать руки куда не надо.

— Получается?

— Плохо.

Джованни усмехнулся.

— Значит, точно мой сын.

Витторе взял небольшой кусок ели. Постучал костяшкой.

Короткий ясный тон. Потом другой

кусок. Звук оказался ниже. Джованни услышал разницу.

Не мог не услышать.

— И что?

— Ничего.

— Они звучат по-разному.

— Вот.

— Любой услышит.

— Не любой обратит внимание.

Джованни понял, куда клонит мастер.

— Вы хотите сказать, что Маттео особенный.

— Я этого не сказал.

Отец удивился. Он ожидал именно этого.

— Тогда что?

— У мальчика хороший слух.

— Мне уже говорили.

— Хорошая память на звук.

— Хорошо.

— Хорошие руки могут появиться, если научиться ими пользоваться.

— А сейчас?

— Сейчас они у него слишком быстрые.

Джованни вспомнил испорченную заготовку.

— Знаю.

— Рассказал?

— Да.

— Это хорошо.

— Что испортил?

— Что рассказал.

Джованни замолчал. Витторе положил дерево.

— Но если вы пришли за тем, чтобы я сказал, что ваш сын великий талант и ради него надо продать дом, этого не будет. Джованни посмотрел удивлённо.

— Я и не просил.

— Пока нет.

— И не попрошу.

— Хорошо.

Мастер снова надел очки.

— Потому что никто сейчас не знает, кем он станет.

— Вот именно.

— Может, через год ему надоест.

Джованни хотел сказать: «Не надоест». И сам испугался этой уверенности.

— Может.

— Может оказаться, что слух есть, а терпения нет.

— Это вполне возможно.

— Может хорошо играть и никогда не стать музыкантом.

Джованни кивнул. Этот человек нравился ему всё больше. Не потому, что говорил приятное.

Наоборот. Потому что не пытался продавать надежду вместе со скрипкой.

— А может стать?

Вопрос вырвался неожиданно. Витторе поднял голову.

— Музыкантом?

— Да.

Мастер пожал плечами.

— Может.

— Хорошим?

— Может.

— Насколько хорошим?

Витторе усмехнулся.

— Вы хотите, чтобы я сейчас предсказал будущее?

— Нет.

— Хотите.

Джованни раздражённо вздохнул.

— Я хочу понять, стоит ли всё это того.

— Чего «того»?

— Времени.

Он показал рукой вокруг.

— Вот этого.

— Уроков?

— Уроков. Бумаги. Его беготни. Разговоров. Теперь ещё мастерская.

Витторе снял очки.

— А если я скажу, что не стоит?

Джованни замер.

— Что?

— Запретите?

— Не знаю.

— Значит, всё уже не так просто.

Отец отвернулся к витрине. Скрипка лежала спокойно. Ей было всё равно. Она не знала про долги. Про хлеб. Про рынок. Про то, сколько стоит день работы. Джованни тихо сказал:

— У нас денег нет.

— Я понял.

— Нет, вы не поняли.

В голосе появилась жёсткость. Витторе не перебивал.

— Для вас скрипка — вещь. Сделали. Продали. Купили дерево. Снова сделали.

Он говорил всё быстрее.

— А у меня если сегодня плохо продал — завтра меньше еды. Если заболел — денег нет.

Если телега сломалась — выбирай, чинить телегу или платить хозяину. Вы понимаете?

Витторе спокойно ответил:

— Да.

— Нет.

— Я тоже не родился за этим столом.

Джованни замолчал. Мастер показал на стул.

— Сядьте.

— Я постою.

— Как хотите.

Витторе взял небольшой рубанок. Провёл по дереву.

— Мой отец делал мебель.

Джованни слушал.

— Хорошую. Крепкую. Нужную людям. Он хотел, чтобы я делал то же самое.

— И?

— Я хотел инструменты.

— Разрешил?

Витторе улыбнулся.

— Нет.

— Тогда как?

— Сначала делал мебель.

— Долго?

— Достаточно.

— И что изменилось?

Мастер посмотрел на деку.

— Ничего.

— Как ничего?

— Отец не передумал. Денег больше не стало. Работа не исчезла.

Он провёл пальцем по краю.

— Изменился я.

Джованни молчал.

— Начал делать по ночам.

— Скрипки?

— То, что считал скрипками.

— Плохие?

— Ужасные.

Они оба усмехнулись.

— Потом?

— Потом одну купили.

— Хорошую?

— Нет.

— Зачем купили?

— Дёшево.

Джованни засмеялся. Первый раз по-настоящему.

— Вот видите.

— Вижу.

Витторе тоже улыбался.

— Потом сделал лучше.

— И отец?

— Сказал, что я занимаюсь глупостью.

— До конца?

Улыбка мастера исчезла.

— Почти.

Джованни понял, что дальше спрашивать не надо. Они некоторое время молчали. Потом отец

Маттео сказал:

— Значит, вы думаете, я такой же.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы пришли спросить цену.

Джованни хотел возразить. Не нашёл чем. Витторе продолжил работу.

— Человек, который уже всё решил, не спрашивает.

— Я ничего не обещал.

— И правильно.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Джованни подошёл ближе.

— Вы бы купили ему сейчас?

— Скрипку?

— Да.

— Нет.

Ответ был настолько быстрым, что Джованни удивился.

— Почему?

— Потому что он пока больше любит представление о скрипке, чем умеет с ней обращаться.

— Но он учится.

— Учится.

— Тогда?

Витторе показал на витрину.

— Если вы сейчас отдадите ему эту вещь, он будет счастлив.

— Это плохо?

— Нет.

— Тогда почему?

— Потому что через три дня поймёт, что само обладание скрипкой не делает музыку легче.

Джованни задумался.

— И что?

— Вот тогда мы увидим, любит ли он музыку или только мечту о ней.

Отец посмотрел на мастера.

— Как это проверить без скрипки?

— Он уже проверяет.

— Как?

— Приходит сюда.

Витторе загнул один палец.

— Ходит в церковь.

Второй.

— Учится читать ноты на старых счетах.

Третий.

— Слушает одну и ту же фразу двадцать раз.

Четвёртый.

— После того как испортил дерево, пришёл на следующий день.

Витторе опустил руку.

— Пока неплохо.

Джованни неожиданно почувствовал гордость. Сразу спрятал её.

— Он упрямый.

— Это может быть достоинством.

— Может быть бедой.

— Тоже.

— Значит, опять ничего не понятно.

— Наконец вы начинаете понимать музыку.

Джованни покачал головой.

— Вы все одинаковые.

— Кто?

— Эти ваши люди искусства.

— Я ремесленник.

— Ещё хуже.

Они снова усмехнулись. Потом Джованни спросил:

— А самая дешёвая, на которой можно нормально учиться?

Витторе посмотрел. На этот раз без шутки. Подошёл к дальней стене. Снял инструмент. Он

был светлее скрипки из витрины. Лак местами потёрт. На деке виднелась тонкая царапина.

— Эта.

Джованни взял её не сразу.

— Можно?

— Я для этого и принёс.

Он осторожно взял. Маттео держал скрипку именно так. Джованни вспомнил это. Инструмент оказался удивительно лёгким. Он ожидал большего веса.

— Старая?

— Да.

— Плохая?

— Нет.

— Тогда почему дешевле?

— Чинили.

Витторе показал место.

— Здесь трещина была.

Джованни вгляделся. Почти не видно.

— Ваша работа?

— Да.

— Хорошо сделали.

— Спасибо.

Отец повернул инструмент.

— Она звучит хуже той?

Он кивнул на витрину. Витторе подумал.

— Иначе.

— Это не ответ.

— Другого нет.

— Для ученика?

— Подойдёт.

Джованни спросил цену. Мастер назвал. Ещё меньше. Но всё равно много.

— А в рассрочку?

Слово вылетело прежде, чем Джованни успел остановиться. Они оба замерли. Витторе медленно посмотрел. Джованни сразу сказал:

— Я просто спросил.

— Конечно.

— Не надо улыбаться.

— Я не улыбаюсь.

Он улыбался.

— Можно?

Витторе стал серьёзным.

— Можно.

— Сколько сначала?

Мастер назвал сумму. Джованни начал считать. Замолчал.

— Нет.

— Я ничего не предлагаю.

— Нет.

Он вернул скрипку. Слишком быстро. Витторе принял.

— Хорошо.

— Я не могу.

— Я понял.

— Даже так.

— Я ничего не сказал.

Джованни раздражённо посмотрел.

— Вы умеете молчать так, что хуже разговора.

— Это от профессии.

Мастер вернул скрипку на стену. Джованни ещё несколько секунд смотрел. Потом спросил:

— А если он будет работать здесь?

Витторе обернулся.

— Что?

— Помогать.

— Зачем?

— За деньги.

— Мне не нужен работник.

— Он уже приходит.

— Приходит учиться.

— Пусть подметает. Носит. Что-то делает.

Витторе покачал головой.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы хотите превратить его обучение в долг. Джованни нахмурился.

— Я хочу, чтобы он заработал.

— Это другое.

— Чем?

— Если я дам ему работу, потому что она мне нужна, — зарабатывает.

Он показал на мастерскую.

— Если придумаю работу только для того, чтобы он мог купить у меня скрипку, это не заработок.

— Какая ему разница?

— Сейчас никакой.

— Тогда?

— Потом будет.

Джованни не согласился. Но спорить не стал.

— Вы странный торговец.

— Поэтому я беднее вас.

— Сомневаюсь.

Витторе улыбнулся. Джованни направился к двери. Уже взялся за ручку.

— Синьор Ферри.

Он обернулся.

— Что?

— Не говорите ему про эту скрипку.

Мастер показал на старый инструмент.

— Я и не собирался.

— Хорошо.

— А вы?

— Что я?

— Не скажете, что я спрашивал.

Витторе посмотрел на него с лёгкой усмешкой.

— Я умею хранить некоторые тайны.

Джованни вспомнил сына за колонной.

— Надеюсь.

Он вышел. Колокольчик звякнул.

Маттео появился в лавке меньше чем через час. Если бы пришёл раньше, столкнулся бы с

отцом в дверях. Но об этом он не знал.

— Синьор Витторе!

— Я слышу.

Маттео подошёл к столу.

— Сегодня можно работать?

— Смотря что ты называешь работой.

— Хоть что-нибудь.

Витторе посмотрел на него. Теперь, после разговора с Джованни, мальчик казался немного

другим. Не внешне. Те же волосы. Та же старая рубашка. Те же быстрые глаза, которые замечали всё сразу. Витторе задержал взгляд на руках мальчика: под ногтями темнел уголь, на

пальце белела свежая царапина, рукав был потёрт у локтя. Перед ним стоял всё тот же ребёнок — и всё же уже не тот, что когда-то боялся коснуться стекла витрины.

— Что?

Маттео насторожился.

— Почему смотришь?

— Проверяю, вырос ли ты.

Он выпрямился.

— И?

— Нет.

— Я вырос.

— С утра?

— Вообще.

— Незаметно.

Маттео фыркнул. Витторе дал ему знакомую деревяшку.

— Проверишь край.

Маттео провёл пальцем.

— Здесь неровно.

— Где?

Он показал.

— Хорошо.

— Можно исправить?

— Чем?

— Шкуркой.

— Давай.

Маттео сел. Начал работать. Через несколько движений остановился сам. Провёл пальцем.

Продолжил. Снова остановился. Витторе наблюдал.

— Почему остановился?

— Проверяю.

— Раньше не проверял.

Маттео пожал плечами.

— Раньше испортил.

Мастер кивнул.

— Значит, не зря.

Маттео посмотрел.

— Что не зря?

— Испортил.

— Лучше бы не портил.

— Конечно.

— Тогда почему не зря?

— Потому что некоторые уроки стоят куска дерева.

Маттео продолжил. Через некоторое время заметил старую скрипку на стене. Раньше она висела выше или он просто не обращал внимания.

— А это чья?

Витторе даже не посмотрел.

— Ничья.

— Как?

— Продаётся.

Маттео сразу встал.

— Можно посмотреть?

— Сиди.

— Я только...

— Маттео.

Он сел. Но взгляд не отрывал.

— Она дешевле той?

Витторе почувствовал, насколько опасен вопрос.

— Да.

Маттео замер.

— Насколько?

Мастер назвал цену.

Глаза мальчика расширились.

— Правда?

— Правда.

Теперь сумма всё равно была огромной. Но по сравнению с прежней — почти достижимой.

Маттео полез в карман. Витторе вздохнул.

— Не надо.

Четыре монеты легли на стол.

— Вот.

— Я вижу.

— Уже начало.

— Очень маленькое.

— Всё равно.

Маттео смотрел на старую скрипку.

— Она хорошая?

— Для начала хорошая.

— Почему такая дешёвая?

— Была сломана.

Лицо Маттео изменилось.

— Сломана?

— Починена.

— Где?

Витторе снял инструмент. Показал трещину. Маттео рассматривал. Пальцем не касался. Научился.

— Почти не видно.

— И не должно.

— А звук?

— Есть.

— Можно?

Витторе подумал. Взял смычок. Настроил. Провёл по струне. Маттео замер. Звук был другой, чем у скрипки из витрины. Он сразу услышал. Тёплый. Немного глуше. Не такой ясный в

верхних нотах. Но живой.

— Ещё.

Витторе сыграл. Маттео улыбнулся.

— Хорошая.

— Я это уже сказал.

— Нет. Правда хорошая.

Он смотрел на неё почти так же, как когда-то на первую. Но всё-таки не совсем. Витторе заметил.

— Что?

Маттео задумался.

— Та красивее.

— Конечно.

— Но эта...

Он искал слово.

— Что?

— Не знаю.

— Попробуй.

Маттео слушал, как последний звук исчезает.

— Как будто уже что-то знает.

Витторе замер.

— Почему?

— Не знаю.

Он показал на потёртый лак.

— На ней играли.

— Да.

— Много?

— Думаю, достаточно.

Маттео смотрел.

— Кто?

— Не знаю.

— Как можно не знать?

— Скрипки иногда живут дольше людей, которые помнят их владельцев.

Маттео задумался. Ему понравилась эта мысль. И немного напугала.

— Значит, она была чья-то.

— Все вещи когда-то чьи-то.

— А потом?

— Потом становятся чужими.

Маттео протянул руку. Остановился.

— Можно?

Витторе дал. Мальчик взял. Осторожно. Осмотрел место ремонта.

— Она сломалась и всё равно играет.

— Да.

— Значит, не всё испорченное надо выбрасывать.

Витторе посмотрел на него.

— Запоминаешь.

— Да.

Маттео вернул инструмент. Потом снова посмотрел на четыре монеты.

— Если её никто не купит...

— Нет.

— Что «нет»?

— Я не буду обещать держать её для тебя.

Маттео расстроился.

— Почему?

— Потому что мы уже это обсуждали.

— Но эту дешевле.

— Именно поэтому её могут купить быстрее.

Он нахмурился. Витторе ожидал спора. Но Маттео просто

собрал монеты.

— Тогда надо быстрее заработать.

Мастер чуть улыбнулся.

— Возможно.

— Ты знаешь где?

— Нет.

— Все говорят заработать, а потом никто не знает где.

— Это и есть взрослая жизнь.

Маттео вздохнул. Вернулся к работе. Витторе смотрел. И впервые подумал, что не знает, кого

именно жаль больше. Мальчика, который пока не понимает цену денег. Или отца, который слишком хорошо её понимает.

Вечером Джованни ничего не сказал о лавке. Маттео тоже. Они ели суп. Бьянка рассказывала, что соседский кот украл рыбу. Мать смеялась. Обычный вечер. Потом Маттео достал ноты. Джованни чинил ящик. Оба работали. Некоторое время молча. Вдруг Маттео сказал:

— Папа.

— Что?

— Сколько можно заработать за день?

Джованни насторожился.

— Где?

— Вообще.

— Очень хороший вопрос. Когда найдёшь ответ, скажи.

— Я серьёзно.

— И я.

Маттео отложил уголь.

— Если ребёнку.

— А.

Теперь отец понял.

— Зачем?

— Хочу заработать.

— На что, можно не спрашивать.

— На скрипку.

Джованни продолжил работу.

— На рынке ты и так работаешь.

— Но ты мне не платишь.

— Я тебя кормлю.

— Это другое.

— Правда?

Маттео почувствовал ловушку.

— Ну...

— Сколько стоит твоя еда?

— Не знаю.

— Жильё?

— Не знаю.

— Одежда?

— Папа.

Джованни усмехнулся.

— Хорошо.

Маттео ждал.

— Ты хочешь свои деньги?

— Да.

— Почему раньше не хотел?

— Раньше мне не надо было.

Отец задумался.

— А если я начну платить тебе за часть работы, ты решишь, что остальную можно не делать бесплатно.

Маттео нахмурился.

— Нет.

— Решишь.

— Не решу.

— Все решают.

— Я нет.

Джованни смотрел.

— Хорошо.

Маттео оживился.

— Что хорошо?

— Будем считать.

— Что?

— Дополнительную работу.

— Какую?

— Найдём.

— И ты заплатишь?

— Немного.

Маттео просиял.

— Сколько?

— Вот теперь ты точно мой сын.

Мать засмеялась. Маттео тоже.

— Ну сколько?

— Посмотрим.

— Это нечестно.

— Это торговля.

— А я могу торговаться?

Джованни задумался.

— Можешь.

— Тогда больше.

— Нет.

— Ты ещё цену не сказал.

— Всё равно нет.

Маттео рассмеялся. Отец тоже. Мать смотрела на них обоим. И вдруг поняла то, чего они

сами пока не замечали. Скрипка, которая ещё недавно стояла между отцом и сыном как стена, понемногу становилась тем, о чём они могли говорить. Не спокойно. Не всегда. Но говорить.

На следующий день Джованни выделил для Маттео отдельную работу. После рынка нужно

было перебрать два мешка каштанов, убрать испорченные, рассортировать хорошие по размеру и подготовить их

к утру.

— Обычно это делаю я, — сказал отец.

— Сколько?

— Сначала сделай.

— Так нечестно.

— Тогда не делай.

Маттео сразу сел. Работал почти два часа. Спина устала. Пальцы почернели. Несколько раз хотелось бросить. Но он видел перед собой старую скрипку. Не ту роскошную за стеклом.

Другую. С трещиной. Потёртым лаком. С голосом, который уже что-то знал. Когда закончил, позвал отца. Джованни проверил.

— Эти почему здесь?

— Они большие.

— Они плохие.

Маттео посмотрел. Два действительно были испорчены внутри. Отец расколол один.

— Видишь?

— Да.

— Переделай.

Маттео раздражённо вздохнул.

— Я два часа делал.

— А покупателю что сказать? Извини, мой сын два часа устал?

Он ничего не ответил. Перебрал снова. Нашёл ещё четыре. Позвал. На этот раз Джованни кивнул. Достал монету. Положил на стол. Маттео посмотрел.

— Одну?

— Одну.

— За два часа?

— За плохую работу и исправление.

— Но я исправил.

— Поэтому одна. Иначе ничего.

Маттео хотел спорить. Посмотрел на монету. Взял. Теперь их было пять. Пятая ощущалась

иначе. Первые пришли случайно. Нашёл. Подарили. Эта была заработана. Он переворачивал её пальцами. Джованни заметил.

— Завтра сделаешь без ошибок — получишь больше.

Маттео поднял глаза.

— Две?

— Не наглей.

— Тогда сколько?

— Посмотрим.

Маттео улыбнулся.

— Я уже понял твоё «посмотрим».

— И что значит?

— Что ты сам ещё не решил.

Джованни засмеялся.

— Иди отсюда.

Маттео побежал к матери. Показал монету. Потом Бьянке. Потом зачем-то снова пересчитал

все пять. Положил в маленький тканевый мешочек. Спрятал. В тот вечер он впервые почувствовал не просто надежду. Путь. Очень длинный. Почти невозможный. Но состоящий из

понятных шагов. Одна монета. Потом ещё одна. Потом ещё. Так же, как урок. Одна нота. Потом следующая. Как работа Витторе. Одна стружка. Проверить. Ещё одна. Остановиться.

Маттео ещё не понимал, что взросление часто именно так и начинается. Не с большого решения. Не с обещания. Не с внезапного чуда. А с момента, когда недостижимая мечта впервые распадается на маленькие действия, которые можно совершить сегодня. На другом конце

комнаты Джованни смотрел на сына. Тот пересчитывал пять монет. Отец знал цену старой

скрипки. Знал, сколько таких монет понадобится. И понимал, что Маттео будет собирать их

слишком долго. Очень долго. Он также знал другое. В кармане его собственной куртки лежали две монеты, которые сегодня он не потратил на табак. Маттео об этом не знал. И пока не

должен был знать.

Глава десятая

Свои деньги

Шестую монету Маттео заработал совершенно случайно. Рынок вокруг жил своей шумной

жизнью: звенели гири, шуршали корзины, спорили торговцы, пахло луком, сырой мешкови-

ной и морской водой. На этом фоне одна маленькая монета казалась почти смешной — и всё-таки меняла для Маттео устройство мира. Именно поэтому потом долго считал её самой

важной. В тот день отец не дал ему никакой дополнительной работы.

— Почему? — спросил Маттео.

— Потому что нет.

— Я могу перебрать что-нибудь.

— Всё уже перебрано.

— Починить ящик.

— Ты его сломаешь.

— Я умею.

— Вот этого я и боюсь.

Маттео насупился. После вчерашней монеты ему казалось, что теперь каждый день должен

заканчиваться прибавлением к его маленькому состоянию. Оказалось — нет. Джованни это

даже забавляло.

— Деньги не растут каждый вечер.

— Я знаю.

— По лицу не видно.

Маттео пересчитал пять монет. Потом ещё раз. Количество не изменилось. Бьянка сидела рядом.

— Дай посмотреть.

— Ты уже видела.

— Хочу ещё.

Маттео накрыл деньги ладонью.

— Не трогай.

— Я не возьму.

— В прошлый раз сказала то же самое.

— Я только одну взяла.

— Вот именно.

— Потом вернула.

— После того как купила яблоко.

— Я не знала, что это твоя.

— Они лежали в моём мешочке.

Бьянка подумала.

— Тогда знала.

Маттео спрятал деньги.

— Всё.

— Жадный.

— Это на скрипку.

— А мне яблоко.

— Скрипка важнее.

Бьянка немедленно возмутилась:

— Нет.

— Для меня — да.

— А для меня нет.

Маттео вздохнул.

— Вот когда будешь копить на яблоко, тогда и решишь.

Она показала ему язык. Мать, слышавшая разговор, сказала:

— Оба прекратили.

Маттео лёг. Но долго не спал. Пять монет. Это уже было больше четырёх. И всё равно почти

ничего. Он попытался представить всю сумму за старую скрипку Витторе в виде маленьких

медных кругляшей. Не смог. Потом подумал о Никколо. Тот говорил, что иногда получает

деньги за игру. Можно выйти со скрипкой. Сыграть. Люди бросят монеты. Просто. Маттео

тут же разозлился на это слово. «Просто». Ничего не было просто. Чтобы заработать скрипкой на скрипку, сначала нужна скрипка. Получался какой-то дурной круг.

Утром он спросил отца:

— А дети могут работать не у родителей?

Джованни даже не удивился.

— Конечно.

— Где?

— Везде, где взрослые хотят платить детям меньше.

Маттео нахмурился.

— Я серьёзно.

— И я.

— А мне можно?

Отец посмотрел внимательно.

— Зачем?

— Заработать.

— У тебя есть работа.

— За неё ты мне не всегда платишь.

— Какая несправедливость.

— Папа.

Джованни вздохнул.

— После рынка можешь искать хоть короля, который за-
платит тебе за стояние на голове. Но
свою работу сначала сделаешь.

— Хорошо.

— И никаких доков ночью.

— Я не собирался.

— Никаких кораблей.

— Зачем мне корабли?

— Никаких грузчиков, если груз тяжелее тебя.

— Я не маленький.

Отец посмотрел сверху вниз.

— Очень большой.

— Мне девять.

— Именно.

Маттео понял, что спор бесполезен. На рынке он начал смотреть на людей иначе. Раньше видел покупателей. Теперь — возможную работу. Старухе Лукреции нужно таскать мешки. Но

она беднее их самих. Торговец сыром мог бы платить за уборку. Но его сын был старше Маттео и делал всё сам. Рыбники? Нет. Отец запретил бы только из-за запаха. Маттео наблюдал.

Никто не ходил по рынку с табличкой: «Плачу мальчикам за работу». Это осложняло дело.

До обеда ничего не произошло. Потом рядом остановился мужчина с ручной тележкой. На

ней стояли два ящика. Один был плохо перевязан. Верёвка соскользнула. Ящик накренился.

Маттео сразу подскочил и подхватил край.

— Держи!

Мужчина схватил с другой стороны. Вместе поставили ровно.

— Спасибо.

Маттео кивнул. Уже хотел вернуться. Потом посмотрел на тележку.

— Далеко везёте?

— Что?

— Ящики.

— На соседнюю площадь.

Маттео сделал вид, что просто спрашивает.

— Тяжёлые?

Мужчина прищурился.

— Хочешь помочь?

Маттео сразу оживился.

— За деньги?

Мужчина засмеялся.

— А ты деловой.

Маттео покраснел.

— Я просто...

— Сколько хочешь?

Он не знал. Это был новый вид торговли. Когда покупали лук, цена уже существовала. А

сколько стоит помощь мальчика?

— Монету.

Мужчина посмотрел на расстояние до площади.

— Половину.

— Половины монеты не бывает.

— Значит, зря спросил.

Маттео задумался.

— Тогда одну, но я помогу разгрузить.

Мужчина снова рассмеялся.

— Ты чей?

Маттео показал на прилавок Джованни.

— Ферри.

Мужчина посмотрел на отца. Тот всё видел.

— Спроси.

Маттео подошёл.

— Папа.

— Слышал.

— Можно?

Джованни посмотрел на мужчину.

— Куда?

Тот назвал площадь.

— Вернёшь?

— Верну.

Отец перевёл взгляд на сына.

— Сделал всё?

— Да.

— Тогда иди.

Маттео едва не подпрыгнул.

— И не надорвись.

— Не надорвусь.

— Именно это говорят перед тем, как надорваться.

Мужчина фыркнул. Маттео встал сзади тележки.

— Толкай.

Он толкнул. Тележка оказалась тяжелее, чем выглядела.

Колёса застревали между камнями.

Мужчина тянул впереди. Маттео упирался всем телом. Через несколько минут уже пожалел, что согласился за одну монету. Но отступать было поздно. Особенно после торга.

— Тяжело? — спросил мужчина.

— Нет.

— Конечно.

Маттео толкнул сильнее. На подъёме стало совсем плохо. Он чувствовал ноги. Плечи. Спину.

В какой-то момент тележка остановилась.

— Давай.

Мужчина потянул. Маттео упёрся. Колесо перескочило камень. Тележка поехала. Маттео чуть не упал.

— Вот.

Через четверть часа они добрались. Нужно было ещё разгрузить. Ящики оказались наполне-ны металлическими деталями. Первый Маттео поднял с трудом.

— Не геройствуй.

Мужчина взял одну сторону. Вместе внесли. Потом второй. Работа закончилась. Маттео стоял, пытаясь не показывать, как устал. Мужчина достал монету. Положил на ладонь.

— Держи.

Маттео посмотрел. Шестая. Своя. Полностью своя. Не найденная. Не подаренная. Не выдан-ная отцом.

— Спасибо.

— Ещё работа нужна?

Маттео сразу поднял голову.

— Есть?

— Иногда.

— Где вас искать?

Мужчина назвал мастерскую недалеко от порта.

— Но сначала спроси отца.

— Хорошо.

— И не думай, что каждый раз будет монета.

— А сколько?

Мужчина засмеялся.

— Ты не исправим.

Маттео вернулся на рынок почти бегом. Несмотря на усталость. Отец увидел его издалека.

— Ну?

Маттео раскрыл ладонь. Монета. Джованни посмотрел.

— Заработал?

— Да.

— Сам?

— Да.

Отец кивнул.

— Хорошо.

Маттео ожидал большего.

— И всё?

— А что?

— Ничего.

Он спрятал монету. Но внутри был немного разочарован. Через минуту Джованни сказал:

— Не трать.

Маттео сразу улыбнулся.

— Не буду.

Отец заметил. Тоже улыбнулся.

В

храм Маттео пришёл позже обычного. Никколо уже играл.

Маэстро посмотрел на мальчика.

— Опоздал.

Маттео сразу сказал:

— Работал.

— На рынке?

— Не совсем.

Он сел.

— Тогда после расскажешь.

Урок продолжился. Сегодня Маттео хуже концентрировался. Руки устали после тележки.

Плечо ныло. Когда маэстро дал ему скрипку, он поднял её и сразу почувствовал.

— Что?

— Ничего.

Учитель посмотрел.

— Опять.

Маттео вздохнул.

— Рука устала.

— Почему?

— Тележку толкал.

Никколо повернулся.

— Какую тележку?

— Потом.

Маэстро забрал инструмент.

— Сегодня без смычка.

Маттео расстроился.

— Я могу.

— Я не спросил.

— Но...

— Если рука устала, ты начнёшь зажиматься. Потом будем неделю исправлять то, что ты сегодня решил потерпеть.

Маттео вспомнил Витторе. Ошибка. Лишнее движение.

— Хорошо.

Он сел. Никколо продолжил занятие. После урока сразу подошёл.

— Что за тележка?

Маттео показал монету.

— Заработал.

Никколо посмотрел.

— Одну?

— Одну.

— За тележку?

— Да.

— Долго?

— Не очень.

Никколо пожал плечами.

— Мало.

Маттео почувствовал раздражение.

— Для тебя.

— Я просто говорю.

— Потому что тебе за несколько минут игры дают больше.

Никколо сразу понял.

— Опять начинаешь.

— Я не начинаю.

— Начинаешь.

Маттео спрятал монету.

— Тебе легко говорить «мало».

Никколо нахмурился.

— Я тоже работаю.

— Играть — не то же самое.

Слова прозвучали раньше, чем Маттео подумал. Никколо замер.

— Что?

Маттео почувствовал, что зашёл слишком далеко. Но отступать уже не хотел.

— Ничего.

— Нет. Ты сказал.

— Я имел в виду...

— Что я не работаю?

— Я не это.

— Это.

Никколо взял футляр.

— Ты всё время думаешь, что мне всё дают.

— Тебе дали скрипку.

— Да.

— Учителя.

— Да.

— И деньги за то, что ты играешь.

— Иногда.

— Вот.

Никколо смотрел сердито.

— А ты думаешь, я хочу каждый раз играть там, где отец говорит?

Маттео промолчал.

— Думаешь, мне нравится, когда он ставит меня перед людьми и говорит: «Играй»?

— Но ты умеешь.

— И что?

— Я бы хотел.

— Потому что тебя не заставляют.

Маттео почувствовал знакомую неприятную правду. Но злость была сильнее.

— Всё равно ты получаешь деньги.

Никколо резко сказал:

— Иногда я их даже не вижу.

Маттео остановился.

— Что?

— Отец забирает.

— Все?

— Почти.

Это изменило разговор.

— Почему?

— Потому что он купил скрипку. Платит за уроки. Еду. Всё.

Маттео вспомнил слова своего отца. Еда. Жильё. Одежда.

Никколо продолжил:

— Один раз я спрятал монету.

— И?

— Нашёл.

— Что сделал?

— Ничего хорошего.

Они оба замолчали. Маттео сунул руку в карман. Его монета оставалась при нём. Отец не забрал. Ни вчерашнюю. Ни сегодняшнюю. Внезапно это показалось важным.

— Извини, — сказал Маттео.

Никколо всё ещё был сердит.

— За что?

— Я не знал.

— Ты вообще много чего не знаешь.

— Ты тоже.

Никколо посмотрел. Маттео пожал плечами.

— Про меня.

Несколько секунд. Потом Никколо усмехнулся.

— Верно.

Напряжение немного ушло.

— Где ты работаешь?

— На рынке.

— Я знаю.

— Нет. В смысле каждый день.

— Я тоже знаю.

— Ты не видел.

— И что?

Маттео вдруг сказал:

— Приходи.

Никколо удивился.

— Куда?

— На рынок.

— Зачем?

— Посмотришь.

— На лук?

— На работу.

Никколо засмеялся.

— Очень интересно.

Маттео пожал плечами.

— Тогда не приходи.

— Я не сказал, что не приду.

На следующий день Никколо не пришёл. Маттео ожидал.

Хотя делал вид, что нет. Каждый

раз, когда кто-то появлялся между рядами, он поднимал голову. Отец заметил.

— Кого ждёшь?

— Никого.

— Значит, опять кого-то.

— Просто смотрю.

— Работай.

Маттео работал. К полудню решил, что Никколо забыл.

Это было даже лучше. Нечего ему
здесь делать. Потом услышал:
— Маттео!

Он сразу обернулся. Никколо стоял у края рынка. Один.
Без скрипки. В хорошей одежде.

Слишком хорошей для этих рядов. На него уже смотрели.
Маттео почувствовал неловкость.

— Ты пришёл.

— Ты сказал прийти.

— Я не думал, что придёшь.

— Тогда зачем сказал?

Маттео не нашёл ответа. Джованни посмотрел на мальчика.

— Это кто?

Маттео замер.

— Никколо.

Отец сразу понял.

— Тот самый?

— Да.

Никколо подошёл. Маттео тихо сказал:

— Это мой отец.

— Я догадался.

Джованни протянул руку.

— Джованни Ферри.

Никколо немного растерялся. Потом пожал.

— Никколо.

— Просто Никколо?

Мальчик понял.

— Паганини.

Маттео услышал фамилию впервые.

— Паганини?

— Да.

— Почему ты раньше не сказал?

Никколо пожал плечами.

— Не спрашивал.

Джованни посмотрел на обоих.

— Прекрасно знаете друг друга.

Маттео усмехнулся.

— Почти.

Отец вернулся к товару.

— Раз пришёл, не стой посреди прохода.

Никколо отступил. Несколько минут смотрел. Маттео взвешивал каштаны. Подавал лук.

Считал деньги. Бегал к телеге. Никколо стоял. Потом спросил:

— И так весь день?

— Почти.

— Скучно.

Маттео сразу:

— Видишь?

— Что?

— Ты говорил, что я жалуюсь.

— Я не говорил.

— Говорил почти.

Никколо посмотрел на товар.

— А что мне делать?

— Ничего.

— Я не хочу просто стоять.

Маттео усмехнулся.

— Тогда помогай.

Никколо посмотрел на него так, словно это шутка. Джованни услышал.

— Почему нет?

Никколо повернулся. Отец Маттео указал на корзину.

— Переложил хорошие каштаны сюда. Плохие — сюда.

Никколо посмотрел на свои руки. Потом на одежду. Маттео ждал. Никколо снял куртку. Сложил.

— Какие плохие?

Джованни показал.

— Эти.

— А этот?

— Хороший.

— Этот?

— Плохой.

Никколо сел. Начал. Первые пять минут было смешно. Он всё время спрашивал. Потом стал

понимать. Через четверть часа руки испачкались. На рукаве появилось пятно. Никколо нахмурился. Маттео улыбнулся. На Никколо плохо держалась роль рыночного работника: чистая прежде рубашка была в пыли, на пальцах тем-

нели следы овощей и грязной верёвки. Сам

он смотрел на это с оскорблённым достоинством, и потому Маттео едва сдерживал смех.

— Что?

— Ничего.

— Опять.

Через полчаса Никколо устал.

— И сколько ещё?

Маттео рассмеялся.

— Весь день.

— Нет.

— Вот.

— Что «вот»?

— Ничего.

Джованни слушал и едва сдерживал улыбку. Подошла покупательница. Маттео занялся торговлей. Никколо наблюдал. Женщина долго торговалась. Снизил цену. Потом снова начала

выбирать. Никколо тихо спросил:

— Почему он не скажет ей уходить?

Маттео прошептал:

— Потому что тогда ничего не купит.

— Она уже десять минут.

— Бывает дольше.

— Я бы не выдержал.

— А играть гаммы час выдержишь.

Никколо посмотрел. Маттео улыбнулся.

— Видишь?

На этот раз Никколо тоже улыбнулся. Через некоторое время Джованни дал обоим корзину.

— Отнесите к Лукреции.

Маттео взял одну ручку. Никколо вторую. Они пошли. Корзина была тяжелее, чем Никколо

ожидал. Через несколько шагов он сказал:

— Ты это каждый день носишь?

— И тяжелее.

— Зачем?

— Потому что надо.

Никколо промолчал. До Лукреции дошли. Вернулись. Маттео заметил, что Никколо смотрит

на него иначе. Без жалости. Это было важно. Маттео ненавидел бы жалость. Скорее с новым

пониманием. Когда стало пора уходить на урок, Никколо спросил:

— Ты идёшь?

Маттео посмотрел на отца. Джованни кивнул.

— Всё сделал.

— Правда?

— Пока не передумал.

Маттео быстро вытер руки. Никколо взял куртку. Джованни сказал:

— Подожди.

Он достал две монеты. Одну протянул Маттео. Вторую — Никколо. Оба замерли.

— За работу.

Маттео сразу взял. Седьмая. Никколо не брал.

— Мне не надо.

Джованни посмотрел.

— Работал?

— Да.

— Значит, бери.

— Но я просто...

— Просто работа тоже работа.

Никколо медленно взял монету. Смотрел на неё. Маттео заметил.

— Первая?

Никколо сразу:

— Нет.

Потом помолчал.

— Которую сам заработал не скрипкой — первая.

Это прозвучало иначе. Маттео понял.

— Не отдавай.

Никколо посмотрел.

— Кому?

Маттео не сказал «отцу». Не хотел. Но Никколо понял. Сжал монету.

— Не отдам.

Они ушли.

По дороге в церковь Никколо долго молчал. Потом сказал:

— Твой отец нормальный.

Маттео рассмеялся.

— Что?

— Нормальный.

— Обычно ты называешь людей иначе?

— Иногда.

Маттео посмотрел.

— Он тебя заставил работать.

— И заплатил.

— Одну монету.

— Всё равно.

Никколо перекатывал её пальцами.

— Я её оставлю.

— На что?

— Не знаю.

— Копи на скрипку.

Никколо посмотрел на него. Оба засмеялись. Через минуту Никколо сказал:

— Теперь я понимаю.

— Что?

— Почему ты всё время считаешь монеты.

Маттео кивнул.

— А я теперь понимаю, почему ты злишься, когда говорю, что тебе легко.

Никколо ничего не ответил. Это было почти примирение. В храм они пришли вместе. Маэстро посмотрел на их грязные руки.

— Что случилось?

Никколо ответил:

— Я работал.

Учитель поднял брови.

— Даже боюсь спрашивать.

Маттео улыбнулся.

— На рынке.

Маэстро посмотрел на Никколо. Потом на руки.

— И как?

Никколо задумался.

— Лучше скрипка.

Все засмеялись.

— Хорошо, — сказал маэстро. — Тогда сегодня докажешь.

Урок начался. Никколо играл неожиданно собранно. Маттео слушал. В середине учитель дал

ему скрипку. Плечо уже не болело. Рука была свободнее. Один звук. Потом второй. Маэстро

показал, как поставить первый палец. Маттео сделал. Звук дрогнул.

— Ближе.

Он поправил. Снова. Чище. Маттео улыбнулся.

— Не смотри на меня, — сказал учитель. — Слушай.

Маттео закрыл глаза. Провёл смычком. Первый звук с пальцем. Не открытая струна. Его рука

теперь меняла высоту. Он почувствовал это физически. Сдвинул палец совсем чуть-чуть.

Звук изменился.

— Назад, — сказал маэстро.

Маттео вернул.

— Вот.

Никколо наблюдал.

— Высоко.

Маттео сам слышал. Поправил.

— Теперь.

Маэстро кивнул.

— Хорошо.

Маттео сыграл ещё раз. В голове вдруг всплыло: одна монета. Ещё одна. Один звук. Ещё

один. Стружка. Ещё стружка. Всё почему-то строилось одинаково. Медленно. Почти незаметно. Но строилось.

Вечером Маттео пересчитал деньги. Семь. Разложил в ряд. Бьянка смотрела.

— Уже много.

— Нет.

— Больше пяти.

— Да.

— Значит, много.

Маттео не спорил. Для неё семь было много. Для него — мало. Но сегодня монеты выглядели иначе. Две последние были заработаны. Он знал, сколько весит тележка. Сколько времени

нужно перебирать каштаны. Сколько болит спина. Цена начала становиться не просто числом. Она превращалась в работу. Отец вошёл.

Увидел ряд монет.

— Богач.

Маттео улыбнулся.

— Уже семь.

— Вижу.

— Если каждый день по одной...

— Не каждый.

— Я знаю.

Джованни сел. Маттео собрал деньги.

— А Никколо хорошо работал?

Отец усмехнулся.

— Плохо.

Маттео засмеялся.

— Я ему скажу.

— Но не убежал.

— Он упрямый.

— Я заметил.

— Как я?

Джованни посмотрел.

— Не дай Бог.

Они оба улыбнулись. Маттео спрятал мешочек. Отец тоже сунул руку в карман. Там лежали

уже пять монет. Отдельно. Он мог бы добавить их к семи Маттео. Не сделал. Пока нет. Сын

должен был знать цену собственного труда. И Джованни вдруг понял, что именно этого хотел. Не лишить его мечты. И не подарить её. А сделать так, чтобы однажды, взяв скрипку в

руки, Маттео знал: она не возникла из воздуха. В неё вошли дни. Усталость. Отказ от мело-

чей. Работа. Монеты. И выбор. Джованни не знал, пра-

вильно ли это. Но впервые ему казалось, что он хотя бы движется не против сына, а рядом. Пусть и на некотором расстоянии.

Поздно вечером Маттео снова достал нотный лист. Бьянка уже спала. Мать шила. Отец считал расходы. Маттео тихо напевал, останавливался, исправлял себя и начинал снова. Джованни поднял голову.

— Выше.

Маттео замер.

— Что?

Отец сам удивился.

— Ты второй раз спел выше.

Маттео смотрел.

— Ты слышал?

Джованни пожал плечами.

— Наверное.

Маттео просиял.

— Папа, у тебя слух!

— Не начинай.

Мать рассмеялась.

— Поздно. Теперь он тебя в оркестр отдаст.

Джованни поднял руки.

— Нет.

Маттео засмеялся. Через минуту снова начал. На этот раз специально спел выше. Отец сразу сказал:

— Вот опять.

Маттео захохотал.

— Я специально!

— Тогда вообще не умеешь петь.

— Умею.

— Не слышно.

Они спорили ещё несколько минут. И впервые музыка вошла в их дом не как причина ссоры.

А как часть обычного вечера. Никто этого не заметил. Но именно такие перемены чаще всего и происходят незаметно.

Глава одиннадцатая

Монета за звук

Первым человеком, который заплатил Маттео за его слух, оказался музыкант, игравший

фальшиво. Уличный музыкант выделялся не одеждой и не позой, а звуком, который цеплялся

за общий рыночный гул, как неровный гвоздь за рукав. Вокруг него пахло рыбой, мокрой ве-рёвкой и пылью, поднятой колёсами телег. Маттео заметил его ещё утром. На краю рынка, недалеко от рыбных рядов, стоял человек лет сорока с небольшой скрипкой. Рядом лежала

потрёпанная шляпа, в которой поблёскивали несколько монет. Лицо у музыканта было усталым, небритым, но играл он с подчеркнутой важностью, словно выступал не меж-

ду корзинами и бочками, а на городской сцене.

Играл он громко. Именно громко. Сначала Маттео слышал музыку, потом увидел исполнителя. Мелодия была знакомая — одну из таких часто играли на улицах, свадьбах и праздниках. Маттео слышал её раньше много раз и никогда особенно не замечал. Но сегодня что-то

мешало. Он тащил корзину и вдруг остановился. Одна нота. Потом снова. Маттео нахмурился. Музыкант продолжал. Та же неприятность. Будто в гладкой доске торчал маленький

гвоздь. Не настолько большой, чтобы всё испортить. Но каждый раз цеплял.

— Маттео!

Он очнулся. Отец показывал на корзину.

— Куда понёс?

Маттео посмотрел. Действительно не туда.

— Извини.

Поставил на нужное место. Но продолжал слушать. Музыкант закончил мелодию. Несколько

прохожих бросили деньги. Начал другую. Маттео снова слышал. Теперь уже точно. Одна

струна звучала не так. Он ещё не мог определить словами, насколько. Не знал, как назвать

интервал. Но чувствовал. Чуть ниже, чем надо. Каждый раз, когда музыкант попадал на

определённые звуки, Маттео внутренне морщился.

— Ты опять где-то не здесь, — сказал отец.

— Он плохо настроен.

Джованни посмотрел в сторону музыканта.

— Кто?

— Скрипка.

— Ты отсюда слышишь?

— Да.

Отец прислушался.

— Нормально играет.

Маттео покачал головой.

— Нет.

— Ты теперь всех исправлять будешь?

— Я просто сказал.

— Вот и просто работай.

Маттео подчинился. Но через час музыкант всё ещё был там. И скрипка всё ещё раздражала.

Особенно одна струна. Маттео пытался не слушать. Не получалось. Чем больше он узнавал о

музыке, тем труднее становилось не замечать неправильное. Иногда это было даже неприятно. Раньше он мог просто услышать песню. Теперь сразу замечал: где торопятся, где не по-падают, где звук слишком высокий, где голос человека и инструмент расходятся.

Мир становился интереснее. Но одновременно менее спокойным. Ближе к полудню отец отправил его отнести мешок старухе Лукреции.

Дорога проходила рядом с музыкантом. Маттео сделал вид, что не смотрит. Прошёл. Вернулся. Музыкант опять начал ту же мелодию. Та же нота. Маттео остановился.

«Не твоё дело».

Он сделал ещё шаг. Снова остановился. Повернулся. Подошёл. Мужчина играл и не заметил.

Маттео дождался окончания. В шляпу упали две монеты. Музыкант наклонился подобрать одну, выкатившуюся на камни.

Маттео сказал:

— У вас струна ниже.

Мужчина выпрямился.

— Что?

Маттео сразу пожалел.

— Ничего.

— Нет. Что сказал?

— Струна.

Он показал на скрипку.

— Одна ниже.

Музыкант посмотрел так, словно рядом заговорила телега.

— Какая?

Вот теперь стало труднее. Маттео уже знал названия струн. Но издалека не был уверен.

— Можно услышать отдельно?

— А ты кто?

— Маттео.

— Я спросил не имя.

— Я учусь.

— Где?

Маттео замялся.

— В церкви.

— Приходским звонарём?

Несколько людей рядом засмеялись. Маттео почувствовал, как краснеет.

— На скрипке.

— Где скрипка?

Смех стал громче. Он сжал губы.

— У меня нет.

Музыкант улыбнулся.

— Значит, скрипки нет, а мою настраивать умеешь.

Маттео уже хотел уйти. Но мужчина вдруг сыграл одну открытую струну.

— Эта?

Маттео прислушался.

— Нет.

Следующую.

— Нет.

Третью.

Маттео сразу поднял голову.

— Вот.

Музыкант перестал улыбаться. Сыграл ещё раз. Потом соседнюю. Снова третью. Нахмурился. Подкрутил колок. Проверил. Маттео слушал.

— Ещё чуть.

Мужчина посмотрел. Подкрутил снова.

— Теперь?

Маттео закрыл глаза.

— Чуть выше.

— Да ты издеваешься.

Он сам прислушался. Настроил ещё немного.

Маттео сразу:

— Вот.

Музыкант сыграл несколько нот. Потом знакомую мелодию. Она изменилась. Совсем немно-

го. Большинство людей вокруг наверняка не заметили бы. Маттео заметил сразу. Раздражающий гвоздь исчез. Мужчина остановился. Посмотрел на мальчика.

— Кто тебя учит?

— Маэстро.

— Какой?

Маттео открыл рот. И снова понял, что до сих пор толком не знает, как его зовут. Он уже собирался спросить несколько раз и каждый раз забывал.

— Не знаю.

Музыкант рассмеялся.

— Отличная школа.

Маттео надулся.

— Я знаю, где он.

— Это уже многое.

Мужчина сыграл ещё несколько звуков.

— А теперь?

— Хорошо.

— Точно?

— Да.

Он посмотрел на Маттео внимательнее. Потом достал из шляпы монету. Протянул. Маттео не

сразу понял.

— Мне?

— Тебе.

— За что?

— За настройку.

— Я не настраивал.

— Ты сказал куда.

Маттео смотрел на монету.

— Бери, пока я не передумал.

Он взял. Медь легла в ладонь. Восьмая. Но эта была совсем другой.

— Спасибо.

— В следующий раз сначала спрашивай, нужны ли человеку советы.

Маттео кивнул.

— Хорошо.

— А если точно слышишь — спрашивай настойчиво.

Маттео улыбнулся.

— Хорошо.

Музыкант снова начал играть. Теперь чисто. Маттео отошёл. Через несколько шагов остановился. Послушал. Улыбнулся. И побежал к отцу.

— Папа!

Джованни сразу нахмурился.

— Что случилось?

Маттео раскрыл ладонь.

— Ещё одна.

— За что?

— За слух.

Отец не понял. Маттео рассказал. Джованни слушал. Потом посмотрел на музыканта. Тот играл дальше.

— То есть ты подошёл к взрослому человеку и сказал, что он играет неправильно?

— Скрипка была неправильно настроена.

— Это очень меняет дело.

Маттео почувствовал насмешку.

— Я был прав.

— И тебе повезло, что он оказался спокойным.

— Он заплатил.

— Вижу.

Отец взял монету. Осмотрел. Вернул.

— Значит, первая музыкальная прибыль.

Маттео просиял.

— Да.

Джованни улыбнулся.

— Не становись слишком богатым. А то уйдёшь от нас.

— Я куплю скрипку.

— Конечно.

Маттео спрятал монету отдельно от остальных. Отец заметил.

— Почему отдельно?

— Эта за музыку.

Джованни хотел сказать, что деньги не знают, за что их заработали. Но промолчал. Для Маттео знали. В храм он пришёл радостный. Никколо уже был там. Но сегодня с ним не ходился

ещё один мужчина. Маттео увидел незнакомца раньше, чем подошёл к скамье. Невысокий.

Крепкий. Лицо резкое. Движения быстрые. Он стоял рядом с маэстро и говорил вполголоса.

Никколо молча настраивал скрипку. Маттео замедлил шаг. Что-то в его лице было непривыч-

но. Обычно перед уроком Никколо мог шутить. Показывать Маттео новую мелодию. Жаловаться. Сегодня смотрел только на струны. Незнакомый мужчина заметил Маттео.

— Это кто?

Маэстро ответил:

— Мальчик, который иногда слушает.

Маттео сразу понял: лучше молчать. Никколо поднял глаза. Совсем коротко. Мужчина

осмотрел Маттео с головы до ног. Особенно задержался на одежде.

— Слушает бесплатно?

Вопрос прозвучал неприятно. Маэстро спокойно сказал:

— У него хорошие уши.

— За хорошие уши обычно не платят.

Маттео почувствовал, как внутри что-то сжалось. Маэстро ничего не ответил. Мужчина повернулся к Никколо.

— Начинай.

Никколо поднял скрипку. Маттео сел. Тихо спросил у слушателя, проходившего рядом:

— Кто это?

Старик посмотрел.

— Отец.

Маттео сразу понял. Антонио Паганини. Никколо никогда не называл его по имени. Просто

отец. Так же, как Маттео говорил о Джованни. Он снова посмотрел. Теперь внимательнее.

Маэстро дал знак. Никколо начал. Первые несколько тактов сыграл хорошо. Маттео слышал.

Потом рука будто стала жёстче. Ошибка. Маэстро поднял ладонь. Но Антонио сказал раньше:

— Заново.

Никколо сжал губы. Начал. Снова ошибка.

— Ты это умеешь.

Никколо молчал.

— Умеешь?

— Да.

— Тогда почему не играешь?

Маэстро спокойно вмешался:

— Он играет.

— Я слышу.

Антонио шагнул ближе.

— Ещё раз.

Маттео смотрел. Слово было знакомым. Но звучало иначе. У маэстро «ещё раз» означало попробовать понять. У Витторе — исправить работу. У Джованни — переделать плохо отсорти-

рованные каштаны. У этого человека оно прозвучало как приказ. Никколо начал. На этот раз

получилось. Маттео почувствовал облегчение. Но Антонио не улыбнулся.

— Быстрее.

Маэстро сказал:

— Пока не надо.

— Он может.

— Я знаю.

— Тогда пусть играет.

Маэстро посмотрел на него.

— Он учится не скорости.

— Скорость ему понадобится.

— Когда будет что ускорять.

Несколько секунд взрослые молча смотрели друг на друга. Никколо стоял между ними. Маттео впервые видел своего учителя таким твёрдым. Антонио отступил.

— Хорошо.

Но слово означало совсем не «хорошо». Урок продолжился. Маттео почти не занимался. Сегодня маэстро полностью сосредоточился на Никколо. Антонио не отходил. Слушал. Иногда

стучал пальцем по спинке скамьи. Иногда качал головой. Один раз Никколо сбился. Отец

тихо сказал:

— Вчера дома получалось.

Никколо не ответил.

— Получалось?

— Да.

— Значит, можешь.

Маттео вспомнил свой разговор. «Тебе легко». Теперь ему стало стыдно. Когда Никколо говорил, что играет утром, днём, вечером, Маттео представлял почти счастье. Скрипка в руках

когда захочешь. Возможность заниматься. Отец, который вкладывает деньги. Теперь увидел

другую сторону. Играть, когда не хочешь. Играть, когда устал. Играть перед человеком, который слушает не музыку, а результат.

Через полчаса у Никколо на виске появилась капля пота. В храме было прохладно. Маттео заметил. Антонио тоже.

— Не зажимайся.

Никколо опустил плечо. Начал снова. Маэстро остановил.

— Достаточно.

Антонио сказал:

— Нет.

Учитель повернулся.

— На сегодня достаточно.

— Он может ещё.

— Может.

— Тогда пусть.

Маэстро спокойно положил руку на ноты.

— Нет.

Тишина. Маттео почувствовал, что сейчас произойдёт что-то плохое. Но Антонио только

усмехнулся.

— Вы его жалеете.

— Я его учу.

— Он должен работать.

Маэстро ответил:

— Именно поэтому я остановил.

Антонио взял футляр.

— Дома продолжит.

Лицо Никколо едва заметно изменилось. Маттео увидел. Маэстро тоже.

— Сегодня лучше не надо.

— Я решу.

— Конечно.

Учитель больше не спорил. Никколо убирал скрипку. Пальцы двигались быстро. Слишком

быстро. Один замок футляра не закрылся с первого раза. Он дёрнул сильнее.

— Осторожно, — сказал отец.

Никколо сразу остановился.

— Да.

Маттео сидел неподвижно. Антонио снова посмотрел на него.

— А ты почему здесь?

Маттео встал.

— Учусь.

— На чём?

— Пока слушаю.

— Без инструмента?

— Да.

— Бесполезно.

Слово ударило. Маттео сжал пальцы. Маэстро хотел что-то сказать. Но Маттео опередил:

— Нет.

Антонио прищурился.

— Что?

— Не бесполезно.

Никколо резко посмотрел на друга. Маттео испугался. Но отступать было поздно.

— Я ноты учу.

— И что?

— Ритм.

— И?

— Слышу ошибки.

Антонио усмехнулся.

— Чужие?

Маттео понял насмешку.

— И свои.

Это заставило мужчину задержать взгляд.

— Скрипка есть?

— Нет.

— Деньги?

Маттео покраснел.

— Коплю.

Антонио хмыкнул.

— Сколько?

Маттео хотел сказать «не ваше дело». Не решился.

— Восемь монет.

Никколо удивлённо повернулся. Он не знал про сегодняшнюю. Антонио рассмеялся. Не

громко. Но Маттео почувствовал себя маленьким. Очень маленьким.

— Тогда скоро станешь виртуозом.

Маэстро сказал резко:

— Достаточно.

Антонио посмотрел.

— Что?

— Он ребёнок.

— Именно поэтому пусть раньше узнает, что музыка стоит денег.

Маттео поднял голову.

— Я знаю.

Мужчина усмехнулся.

— Правда?

Маттео достал сегодняшнюю монету.

— Эту заработал музыкой.

Теперь даже маэстро удивился.

— Как?

Маттео рассказал коротко. Про уличного скрипача. Про струну. Про настройку. Антонио перестал улыбаться.

— Определил на слух?

— Да.

— Какую струну?

Маттео назвал.

— Насколько ушла?

Он не умел сказать.

— Просто была ниже.

Антонио посмотрел на маэстро.

— Вы проверяли его?

— Проверял.

— И?

— Слух действительно редкий.

Маттео почувствовал сильнейшее желание улыбнуться. Сдержался. Антонио снова посмотрел. Теперь иначе. Не добрее. Скорее оценивающе.

Как на товар. Маттео знал этот взгляд с рынка.

— Тогда тем более нужен инструмент.

— Я знаю.

— Отец не покупает?

Маттео молчал. Вопрос показался почти оскорбительным.

— Не может, — сказал Никколо.

Все повернулись. Антонио посмотрел на сына.

— Я тебя спрашивал?

Никколо опустил глаза.

— Нет.

— Тогда молчи.

Маттео почувствовал злость. Не на Никколо. На его отца. Он хотел сказать: «Мой так тоже говорит». Но сегодня это выглядело иначе. Джованни мог кричать. Один раз ударил. Запрещал. Но за рынком, долгами и раздражением Маттео всегда чувствовал что-то ещё. Сейчас он

вдруг понял название. Страх. Отец боялся за семью. Боялся бедности. Боялся, что сын выберет дорогу, которая не сможет его прокормить. В Антонио Маттео видел не страх. По край-

ней мере сейчас. Он видел требование. Будто талант Никколо принадлежал не самому Никколо. А всей семье.

— Идём, — сказал Антонио.

Никколо взял футляр. Маттео хотел попрощаться. Не успел. Отец уже повёл сына к выходу. У

двери Никколо обернулся. Маттео поднял руку. Совсем чуть-чуть. Никколо тоже. И исчез. В

храме стало тихо. Маэстро долго смотрел на дверь. Потом сел. Маттео не решался говорить.

Дверь закрылась, и последние шаги ещё несколько секунд отзывались под сводами. Маэстро

остался сидеть, чуть опустив голову; его лицо было спокойным, но ладонь на колене сжалась

сильнее обычного. Наконец спросил:

— Он всегда такой?

Маэстро посмотрел.

— Кто?

— Его отец.

— Это не твоё дело.

Маттео опустил глаза.

— Я просто...

Учитель вздохнул.

— У каждого дома своя жизнь.

— Никколо говорил, что много занимается.

— Занимается.

— Очень много?

Маэстро не ответил прямо.

— Никколо одарён.

Маттео ждал.

— Очень.

— Лучше меня?

Вопрос вырвался. Учитель посмотрел строго.

— Никогда не задавай мне такого вопроса.

Маттео удивился.

— Почему?

— Потому что талант не измеряется так.

— Но кто-то же лучше.

— Сегодня — в чём?

Он не понял.

— В музыке.

— Музыка — не одна вещь.

Маэстро наклонился ближе.

— У Никколо необычные пальцы. Быстрота. Смелость.

Он ищет то, что другим даже не приходит в голову искать.

Маттео слушал.

— У тебя другой слух. Ты цепляешься за звук и долго его помнишь.

— Значит...

— Ничего не значит.

Маттео нахмурился.

— Опять.

Маэстро чуть улыбнулся.

— Опять.

Он встал.

— Не превращай чужой дар в мерку для своего.

Маттео медленно кивнул. Смысл был ещё не совсем ясен.

Но фраза осталась.

— А его отец хочет, чтобы он стал великим?

Маэстро посмотрел в сторону двери.

— Его отец хочет, чтобы талант сына не пропал.

— Это же хорошо.

— Иногда.

Маттео ждал. Учитель не продолжил.

— Можно сегодня заниматься?

— Ты ещё хочешь?

— Конечно.

Маэстро посмотрел на него.

— Хорошо.

Он взял лист. Провёл пять линий.

— Тогда сегодня без скрипки.

Маттео немного расстроился. Но сел.

— Напиши то, что услышишь.

— Я ещё не умею.

— Поэтому и будешь писать.

Маэстро постучал ритм. Маттео слушал. После увиден-

ного ему почему-то стало легче принимать свои медленные уроки. Никто не требовал играть быстрее. Никто не стоял над плечом. Никто не спрашивал, почему вчера получалось лучше. Он мог ошибиться. И начать снова. Впервые Маттео подумал: возможно, отсутствие собственной скрипки — не самая большая беда на свете.

Никколо не пришёл на следующий день. И через день тоже. Маттео стал тревожиться.

— Он заболел?

Маэстро ответил:

— Нет.

— Тогда где?

— Занимается дома.

— Почему?

— Отец решил, что сейчас полезнее так.

Маттео понимал: это означает, что приходить в церковь Никколо пока не разрешают.

— Надолго?

— Не знаю.

Маттео сел. Урок всё равно состоялся. Теперь маэстро занимался только с ним. Это должно

было радовать. Не радовало. Скамья Никколо пустовала. Футляра не было. Не было ворчания. Никто не спорил. Маэстро говорил:

— Ещё раз.

И Маттео впервые скучал даже по тому, как Никколо раздражённо вздыхал после этих слов.

После урока он пошёл к Витторе. Мастер сразу заметил.

— Что такое?

— Ничего.

— Понятно.

Маттео сел.

— Никколо не приходит.

— Заболел?

— Нет.

Он рассказал про отца. Не всё. Только что видел. Витторе продолжал работать.

— И?

— Не знаю.

— Что тебя беспокоит?

Маттео пожал плечами.

— Он хотел играть. У него есть скрипка. Учитель. Всё.

— И?

— Я думал, это значит...

Он замолчал.

— Что?

Маттео искал.

— Что если всё это есть, то человек счастлив.

Витторе поднял голову.

— С чего ты взял?

— Не знаю.

— Вот.

Мастер взял заготовку. Провёл пальцем.

— Ты смотришь на готовую вещь и не видишь, что было до неё.

Маттео сразу подумал о скрипках.

— Это про Никколо?

— Это про всё.

Он постучал по дереву.

— Скрипка красивая. Ты не видишь дерево, которое выбросили. Ошибки. Трещины. Стружку.

Маттео слушал.

— Чужая жизнь тоже снаружи выглядит готовой.

Фраза была слишком взрослой. Маттео понял не всё. Но главное понял.

— Значит, не надо завидовать?

Витторе усмехнулся.

— Если научишься совсем не завидовать — приходи, будешь учить меня.

Маттео улыбнулся.

— Тогда что?

— Хотя бы знай, что видишь не всё.

Маттео кивнул. Мастер положил перед ним два куска дерева.

— А теперь хватит философии.

— Что делать?

— Слушай.

Маттео постучал. Первый. Второй. Снова первый.

— Этот.

— Что этот?

— Лучше.

— Почему?

Маттео прислушался.

— Дольше.

— Ещё.

— Звук ровнее.

— Ещё.

Он закрыл глаза. В голове появилась сегодняшняя уличная скрипка. Расстроенная струна.

Потом исправленная.

— В первом как будто есть один звук. Во втором несколько спорят.

Витторе замер.

— Повтори.

Маттео постучал.

— Вот. Здесь чисто. А здесь внутри что-то мешает.

Мастер взял оба куса. Послушал. Потом снова посмотрел на мальчика.

— Интересно.

— Что?

— Ничего.

Маттео нахмурился.

— Все специально так говорят?

Витторе рассмеялся.

— Наверное.

Он отложил один кусок.

— Первый действительно лучше.

Маттео почувствовал гордость.

— Значит, я могу выбирать дерево?

— Нет.

— Почему?

— Потому что один раз угадал.

— Не угадал.

— Тем более.

Маттео хотел спорить. Но вспомнил испорченную заготовку. Остановился. Витторе заметил.

— Хорошо.

— Что?

— Ничего.

Маттео закатил глаза.

На третий день Никколо появился. Маттео увидел его ещё у входа. Сразу встал.

— Где ты был?

Никколо поставил футляр.

— Дома.

— Я знаю.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Занимался?

Никколо посмотрел.

— Да.

— Много?

— Очень.

Маттео не стал спрашивать дальше. На лице Никколо было достаточно. Под глазами тени. Он

выглядел уставшим. Но глаза оставались живыми.

— Я заработал ещё одну, — сказал Маттео.

Никколо сразу понял.

— Монету?

— Да.

— Где?

Маттео рассказал про музыканта. Никколо рассмеялся.

— Ты подошёл и сказал, что он расстроен?

— Скрипка расстроена.

— Всё равно.

— Я был прав.

— Я бы хотел видеть его лицо.

— Сначала хотел меня прогнать.

— Конечно.

Потом Никколо стал серьёзным.

— Восемь?

— Да.

— Много.

Маттео удивился.

— Ты раньше говорил, что одна — мало.

— Одна мало.

— А восемь много?

Никколо пожал плечами.

— Если сам собрал — наверное.

Маттео улыбнулся. Это было признание. Маэстро вошёл. Урок начался. Никколо играл хорошо. Слишком хорошо. Маттео почувствовал почти сразу. Технически всё было чисто.

Быстро. Точно. Но что-то изменилось. Он не мог понять.

Через несколько минут маэстро

остановил.

— Нет.

Антонио здесь не было. Никколо нахмурился.

— Где?

— Везде.

— Я не ошибся.

— Я знаю.

— Тогда что?

Учитель смотрел.

— Ты сегодня играешь так, будто боишься ошибиться.

Никколо молчал. Маттео понял. Вот оно. Маэстро сказал:

— Ошибка — не самое страшное.

Никколо тихо ответил:

— Для вас.

Учитель услышал. Не рассердился.

— Да.

Пауза.

— Для меня.

Никколо смотрел в пол. Маэстро взял скрипку. Сыграл тот же фрагмент. Один раз. Не быстро. Не безупречно эффектно. Но Маттео сразу почувствовал разницу. Музыка дышала. Он не

знал другого слова. Маэстро вернул инструмент.

— Сыграй не мне.

Никколо поднял глаза.

— А кому?

Учитель пожал плечами.

— Никому.

— Как это?

— Просто сыграй.

Никколо посмотрел на Маттео. Потом закрыл глаза. Начал. Первые ноты были осторожные.

Потом постепенно рука расслабилась. Один звук чуть задел соседний. Маттео слышал.

Никколо тоже. Но не остановился. И дальше стало лучше. Когда закончил, в храме несколько

секунд стояла тишина. Маэстро сказал:

— Вот теперь.

Никколо выдохнул. Маттео улыбнулся.

— Ошибся один раз.

Никколо сразу посмотрел сердито.

— Я знаю.

— Но было лучше.

Он замер.

— Правда?

— Да.

Маэстро кивнул.

— Правда.

Никколо посмотрел на скрипку. И впервые за сегодняш-

ний день улыбнулся. Совсем немного.

После урока они сидели на ступенях храма. Никколо держал футляр между коленями. Маттео вертел в пальцах свою восьмую монету.

— Можно?

Никколо протянул руку. Маттео дал. Тот рассмотрел.

— Обычная.

— Конечно.

— А ты её отдельно держишь?

— Да.

— Почему?

— За музыку.

Никколо вернул.

— Когда купишь скрипку, вспомнишь?

— Всё вспомню.

— Даже каштаны?

— Особенно каштаны.

Они засмеялись. Потом Маттео спросил:

— Ты свою первую помнишь?

Никколо посмотрел на футляр.

— Это не первая.

— А первая где?

— Не знаю.

— Как можно не знать?

Никколо пожал плечами.

— Маленькая была. Потом другая.

Маттео не мог представить, как можно потерять из памяти скрипку. Для него каждая была событием.

— Ты не помнишь?

— Немного.

Он задумался.

— Помню запах.

— Какой?

— Лака.

Маттео сразу понял. Витторе. Мастерская. Стружка. Тёплый острый запах.

— А звук?

Никколо покачал головой.

— Нет.

Маттео сказал:

— Я помню первый звук.

— Какой?

— В лавке.

Он рассказал. О витрине. О Витторе. Об одной длинной ноте. Никколо слушал.

— И всё из-за этого?

— Наверное.

— Одной ноты?

Маттео кивнул. Никколо задумался.

— Странно.

— Почему?

— Я не помню, когда впервые услышал скрипку.

Маттео посмотрел на него. И снова понял, насколько разными могут быть одинаковые вещи.

Для одного скрипка была чудом, возникшим за стеклом. Для другого — предметом, который существовал почти столько же, сколько он себя помнил.

Маттео тихо сказал:

— Может, поэтому ты иногда злишься на неё.

— Я не злюсь.

— Злишься.

— Иногда.

Никколо провёл пальцем по футляру.

— А ты бы никогда?

Маттео хотел сказать «никогда». Уже открыл рот. Но вспомнил рубанок. Как хорошо получалось. Как хотелось ещё. Вспомнил маэстро: «Один хороший звук ничего не гарантирует».

— Не знаю.

Никколо посмотрел удивлённо.

— Раньше ты бы сказал «нет».

— Раньше я много чего говорил.

— Ты и сейчас.

Маттео толкнул его плечом. Никколо толкнул в ответ. Они засмеялись. Через несколько минут разошлись.

Вечером Маттео положил восьмую монету рядом с остальными. Потом передумал. Отделил.

Семь в мешочек. Одну завернул в маленький клочок ткани. Мать заметила.

— Почему?

— Эта первая за музыку.

— Думаешь, остальные хуже?

— Нет.

— Тогда?

Маттео пожал плечами.

— Просто хочу помнить.

Мать улыбнулась.

— Хорошо.

Отец сидел рядом. Ничего не сказал. Но позднее, когда Маттео уже спал, достал из кармана

свои монеты. Их было семь. Ровно столько, сколько лежало в основном мешочке сына. Джованни пересчитал. Мать смотрела.

— Когда отдашь?

— Не знаю.

— Чего ждёшь?

Он помолчал.

— Чтобы не подумал, что всё можно получить, если достаточно долго просить.

— Он уже не просит.

Джованни посмотрел в сторону тюфяка. Это было прав-

дой. Маттео больше почти не говорил отцу: «Купи». Он говорил: «Заработаю». Это почему-то делало всё труднее. Джованни убрал деньги обратно.

— Ещё рано.

Мать не спорила. Но спросила:

— А когда будет не рано?

Он не знал. На следующий день Маттео снова услышал уличного скрипача. Инструмент был настроен хорошо. Мужчина заметил мальчика. Кивнул. Маттео кивнул в ответ. Не подошёл.

Не надо было. Он шёл дальше и впервые почувствовал странную вещь. Его слух переставал быть только его тайным даром. Вчера он принёс пользу другому человеку. Совсем маленькую. Но настоящую. И кто-то заплатил именно за то, что Маттео услышал. Не за сильные

руки. Не за корзину. Не за сортировку товара. За звук. Монета в ткани лежала у него в кармане. Маттео чувствовал её при каждом шаге. Она весила не больше остальных. Но ему казалось — намного больше.

Глава двенадцатая

Чужая скрипка

Маттео понял, что случилось что-то плохое, ещё до того, как вошёл в лавку. На мокром после

утренней уборки стекле витрины оставались светлые разводы. Хорошая ткань мужского

плаща, чистые башмаки девочки и спокойная уверенность, с которой они разглядывали инструменты, сразу отделяли их от Маттео сильнее, чем само стекло. У витрины стояли двое.

Мужчина в хорошем тёмном плаще и девочка примерно возраста Маттео, может быть, чуть

младше. Мужчина что-то говорил, показывая внутрь. Девочка смотрела на скрипки. Маттео

замедлил шаг. Ничего необычного. Люди приходили в лавку синьора Витторе постоянно. Покупали струны. Приносили инструменты в ремонт. Иногда долго торговались. Иногда уходили ни с чем. Маттео уже привык. Но сегодня девочка смотрела не на скрипку за стеклом. Она

смотрела глубже. На стену. Туда, где висела старая скрипка. Та самая. Маттео остановился.

Мужчина открыл дверь. Девочка вошла следом. Колокольчик звякнул. Маттео остался снаружи. Несколько секунд убеждал себя, что ничего не значит. В лавке много инструментов. Может быть, они пришли за другим. Может быть, просто смотрят. Может быть... Он подошёл ближе к стеклу.

Витторе снял со стены старую скрипку. Маттео почувствовал холод. Мужчина взял инструмент. Осмотрел. Повер-

нул. Показал что-то девочке. Та улыбнулась.

Маттео толкнул дверь. Колокольчик звякнул слишком громко. Витторе поднял глаза. На

мгновение выражение его лица изменилось. Совсем чуть-чуть. Маттео заметил.

— Добрый день, — сказал он.

— Добрый, — ответил мастер.

Мужчина только мельком посмотрел на мальчика. Девочка продолжала разглядывать скрипку.

— Можно попробовать? — спросил покупатель.

— Конечно.

Витторе достал смычок. Маттео стоял у двери. Никто не приглашал пройти. Он всё равно подошёл ближе. Мужчина передал скрипку девочке. Она взяла её неумело. Маттео сразу заметил. Слишком зажала плечом. Локоть низко. Смычок держит жёстко. Он чуть не сказал.

Остановился. Не его дело. Девочка провела по струне. Звук вышел резкий. Маттео невольно поморщился. Мужчина этого не заметил.

— Хорошо?

Вопрос был обращён к девочке. Она кивнула.

— Нравится.

Маттео сжал пальцы. «Нравится».

Только это?

Она даже не услышала, как плохо взяла звук. Витторе поправил ей руку.

— Мягче.

Девочка попробовала снова. Немного лучше. Мужчина спросил:

— Для первых занятий подойдёт?

— Подойдёт.

— Она не слишком старая?

— Возраст для инструмента сам по себе не недостаток.

— Здесь ремонт?

— Да.

Витторе показал трещину. Маттео знал это место наизусть. Он знал, где лак чуть светлее. Где

линия ремонта почти исчезает. Знал голос этой скрипки. Знал цену. Знал даже, как она пахнет, когда подносишь близко. Девочка не знала ничего. И всё равно могла уйти с ней сегодня.

Эта мысль была настолько несправедливой, что Маттео почувствовал почти физическую

боль. Мужчина спросил цену. Витторе назвал.

— Уступите?

Маттео резко посмотрел на мастера. Тот спокойно ответил:

— Немного.

И назвал новую сумму. Маттео не верил. Ему Витторе цену не снижал. Ни разу. Мужчина

задумался. Девочка тихо сказала:

— Папа.

Одно слово. Почти шёпотом. Маттео услышал в нём просьбу. Слишком знакомую. Мужчину

посмотрел на дочь. Потом снова на инструмент.

— Хорошо.

Маттео почувствовал, будто его ударили. «Хорошо». Вот так просто. Хорошо. Он полез в

карман. Восемь монет. Семь обычных и одна, завернутая отдельно. Он сжал их через ткань.

— Подождите.

Все повернулись. Витторе нахмурился.

— Маттео.

Но он уже подошёл.

— Я тоже её покупаю.

Тишина. Мужчина посмотрел на него с недоумением. Девочка — с любопытством. Витторе

закрыв глаза.

— Маттео.

— Я коплю.

Он достал мешочек. Положил на стол. Монеты звякнули. Потом отдельно достал восьмую.

Развернул ткань. Положил рядом. Восемь. На большом столе они выглядели жалко. Совсем

иначе, чем дома. Там это было состояние. Здесь —

несколько медных точек. Мужчина в плаще усмехнулся. Не зло. Это было ещё хуже.

— Молодой человек, боюсь, этого недостаточно.

— Я знаю.

— Тогда...

— Но я буду платить.

Маттео смотрел на Витторе.

— Ты знаешь.

Мастер молчал.

— Я работаю.

— Знаю.

— Я буду приносить.

— Маттео...

— Каждый день.

— Послушай.

— Ты сам сказал, что она подходит для обучения.

— Подходит.

— Значит, мне тоже.

Девочка смотрела уже не на скрипку. На Маттео. Он почувствовал это и разозлился ещё

сильнее.

— Я первый её увидел.

Слова вылетели. Сразу стало ясно, насколько они глупые.

Мужчина поднял брови. Витторе

сказал:

— Это ничего не меняет.

— Почему?

— Потому что она продаётся.

— Я знаю!

— Не кричи.

Маттео снизил голос.

— Но я коплю.

— Знаю.

— Ты знаешь, зачем.

— Знаю.

— Тогда почему продаёшь?

Вот теперь в лавке стало совсем тихо. Витторе смотрел на него. Не сердито. Это раздражало ещё больше. Маттео хотел, чтобы мастер рассердился. Тогда можно было рассердиться в ответ.

— Потому что это моя работа.

— А я?

— Что ты?

— Я каждый день сюда прихожу.

— И?

— Помогаю.

— Учишься.

— Всё равно.

Витторе снял очки.

— Мы никогда не договаривались, что эта скрипка твоя.

Маттео почувствовал, как горло сжалось. Это было прав-

дой. Хуже всего — правдой. Мастер говорил ему именно это. Не один раз. Маттео сам каждый раз надеялся, что почему-то всё

будет иначе. Мужчина в плаще неловко кашлянул.

— Возможно, мы зайдём позже.

Витторе повернулся.

— Не нужно.

— Я не хотел...

— Всё в порядке.

Маттео резко сказал:

— Покупайте. Девочка вздрогнула. Теперь ему стало стыдно. Не за неё. Она ничего плохого

не сделала. Но отступить было поздно. Мужчина посмотрел на Витторе.

— Я всё-таки зайду завтра. С деньгами.

Мастер кивнул.

— Хорошо.

— Вы не продадите до завтра?

Маттео задержал дыхание. Витторе ответил:

— До завтра — нет.

Мужчина поблагодарил. Девочка ещё раз посмотрела на скрипку. Потом на Маттео. И они ушли. Колокольчик звякнул. Дверь закрылась. Маттео и Витторе остались вдвоём. Монеты лежали между ними. Мастер надел очки. Собрал деньги рукой. Подвинул обратно.

— Забирай.

Маттео не двигался.

— Не хочу.

— Это твои деньги.

— Они ничего не стоят.

— Не говори глупости.

— Восемь.

Маттео показал на дверь.

— Он завтра принесёт всё сразу.

— Возможно.

— Конечно принесёт.

— Возможно.

— Ты обещал не продавать до завтра.

— Да.

Маттео поднял глаза.

— А мне никогда не обещал.

Витторе вздохнул.

— Потому что завтра и несколько лет — разные вещи.

— Не несколько.

— Сколько?

Маттео не ответил. Он не считал. Не хотел.

— Вот.

— Я заработаю быстрее.

— Возможно.

— Опять «возможно».

— А что ты хочешь услышать?

Маттео сжал кулаки.

— Что ты подождёшь.

— Я не могу.

— Почему?

— Потому что у меня тоже есть расходы.

— Все только об этом и говорят!

Витторе нахмурился.

— О чём?

— Деньги.

Маттео уже не мог остановиться.

— Отец — деньги. Ты — деньги. Его отец — деньги. Все!

Он ткнул пальцем в сторону двери.

— У неё есть деньги — значит, скрипка её.

— Не у неё.

— Какая разница?

— Большая.

— Для скрипки — нет!

Витторе посмотрел внимательно. Маттео тяжело дышал.

— Ты уверен?

Вопрос был неожиданным.

— Что?

— Что для скрипки нет разницы?

Он не понял. Мастер подошёл к стене. Снял инструмент.

Положил на стол.

— Вот она.

Маттео отвернулся.

— Не хочу.

— Смотри.

— Зачем?

— Потому что сейчас ты злишься не на меня.

— На тебя.

— Нет.

— Ты продаёшь.

— Я продавец.

— Ты мастер.

— И продавец тоже.

Маттео молчал. Витторе провёл рукой по старому лаку.

— Ты решил, что эта скрипка ждёт тебя.

Маттео ничего не сказал.

— Так?

Тишина.

— Маттео.

— Да.

— Почему?

Ответа не было. Потому что она была дешёвая. Потому что Витторе дал её подержать. Потому что она была сломана и починена. Потому что ему нравился звук. Потому что он уже ты-сячу раз представлял, как принесёт её домой. Разве этого мало?

— Потому что я хочу её.

Витторе кивнул.

— Честно.

— И что?

— Ничего.

— Опять.

— Теперь послушай.

Мастер сел.

— Ты не первый человек, который хочет эту скрипку.

Маттео посмотрел на дверь.

— Она даже играть не умеет.

— Ты тоже.

Удар точно попал.

— Я хотя бы слышу.

— Возможно, она тоже.

— Не слышит.

— Ты познакомился с ней за пять минут.

Маттео замолчал.

— Может быть, её отец копил на этот инструмент два года.

Он не подумал.

— Может быть, девочка просыпается по утрам и думает о скрипке так же, как ты.

— Тогда почему держит смычок неправильно?

Витторе усмехнулся.

— Потому что учится.

Маттео почувствовал стыд.

— Я не знаю.

— Именно.

Мастер подтолкнул к нему монеты.

— Ты не знаешь её жизнь.

Маттео вспомнил слова про Никколо. Чужая жизнь снаружи выглядит готовой. Он ненавидел, когда уроки начинали повторяться в разных местах. Особенно если смысл был против него.

— Всё равно обидно.

— Конечно.

— Очень.

— Верю.

— И ты всё равно продашь?

Витторе посмотрел на скрипку.

— Если человек придёт завтра с деньгами — да.

Маттео почувствовал, что сейчас заплачет. Он ненавидел плакать перед взрослыми. Быстро собрал монеты. Одна упала на пол. Покатилась. Витторе

хотел поднять.

— Не надо.

Маттео сам полез под стол. Нашёл. Встал.

— Я пойду.

— Сегодня работать не будешь?

— Нет.

— Хорошо.

Это тоже обидело. Он ожидал: «Останься». Витторе не сказал. Маттео открыл дверь.

— Маттео.

Он остановился.

— Что?

— Не путай две вещи.

— Какие?

— То, что ты не можешь купить эту скрипку, и то, можешь ли ты стать музыкантом.

Маттео смотрел.

— Это не одно и то же.

— Сейчас одно.

— Сейчас тебе так кажется.

Маттео вышел. Колокольчик звякнул.

На урок он не пошёл. Впервые сознательно. Церковь была всего через две улицы. Он даже

услышал колокол. Но свернул в другую сторону. Шёл без цели. Генуя вокруг жила как всегда.

Люди торговались. Матросы ругались. Женщина вытряхивала коврик из окна. Кто-то смеялся. Никому не было дела до того, что завтра старую скрипку купят. Маттео злился и на это.

Как может мир оставаться обычным? Он дошёл до гавани. Сел на камень. Достал восемь монет. Разложил. Вот первая найденная. Вот Паоло. Вот работа с каштанами. Тележка. Монета

за настройку. Некоторые он уже путал. Значит, надо было запоминать лучше. Восемь. Маттео

попробовал представить, сколько не хватает. Не стал. Собрал. Бросил мешочек рядом. По-

смотрел на воду. Корабль медленно отходил от причала. Люди на палубе казались маленькими. Маттео вспомнил, что отец когда-то хотел уйти в море. Мать рассказала? Нет. Отец сам

сказал. Однажды. И не пошёл. «Не умер». Так сказал Джованни. Маттео вдруг подумал: а

если с ним будет так же? Не купит скрипку. Потом вырастет. Будет торговать. Иногда проходить мимо музыкантов. Рассказывать своему сыну: «Когда-то я хотел играть». От одной мысли стало страшно. Он схватил мешочек. Нет. Пусть не эта. Пусть другая. Пусть через год. Но

будет. Он встал. И только теперь заметил уличного музыканта. Того самого. Мужчина стоял

неподалёку. Сегодня не играл. Ел хлеб. Увидел Маттео.

— Настройщик.

Маттео подошёл.

— Почему не играете?

— Люди сегодня жадные.

— Это когда?

— Что?

— Когда люди жадные?

Музыкант засмеялся.

— Когда не дают мне денег.

Маттео не улыбнулся. Мужчина заметил.

— Что случилось?

— Ничего.

— Я знаю это лицо.

— Какое?

— Когда вещь стоит дороже, чем у тебя есть.

Маттео посмотрел.

— Откуда?

— Я тоже когда-то был мальчиком.

— Хотели скрипку?

Музыкант поднял свой инструмент.

— Очевидно.

— Вам купили?

— Нет.

Маттео заинтересовался.

— А как?

— Украл.

Он широко раскрыл глаза. Мужчина рассмеялся.

— Шучу.

— Это не смешно.

— Тогда ты сегодня совсем плох.

Он отломил кусок хлеба. Протянул. Маттео взял.

— Заработал.

— Как?

— На свадьбе. Дали немного денег. Потом ещё. Купил старую развалину.

— И?

— Играл.

— Хорошо?

— Ужасно.

Маттео сел рядом.

— А потом?

— Лучше.

— Учитель?

— Немного.

Мужчина пожал плечами.

— В основном люди бросали в меня взгляды. Иногда овощи.

Маттео улыбнулся.

— Правда?

— Один раз помидор.

— За что?

— Наверное, за искусство.

Они засмеялись. Музыкант посмотрел на него.

— Так что случилось?

Маттео рассказал. Коротко. Без Витторе. Просто: есть скрипка, он копит, завтра её могут купить. Мужчина кивнул.

— Бывает.

— И всё?

— А что сказать?

— Не знаю.

— Хочешь, скажу, что та скрипка волшебная и должна принадлежать именно тебе?

Маттео сразу вспомнил Витторе.

— Нет.

— Хорошо.

Музыкант откусил хлеб.

— Скрипок много.

— Та хорошая.

— Ещё будут.

— Но я её знаю.

— Узнаешь другую.

Маттео молчал.

— Главное — не влюбляйся в дерево сильнее, чем в музыку.

Фраза показалась почти обидной.

— Скрипка тоже музыка.

— Нет.

Мужчина поднял инструмент.

— Вот это дерево, струны, лак.

Потом постучал себе по груди.

— А музыка начинается раньше.

Маттео посмотрел.

— Где?

— Если бы знал, был бы богаче.

Он усмехнулся. Маттео тоже. Впервые за день стало немного легче.

На рынок он вернулся поздно. Джованни сразу увидел.

— Где был?

Маттео положил корзину.

— Нигде.

— Не начинай.

Отец посмотрел внимательнее.

— Что случилось?

Маттео не хотел рассказывать. Потом понял: всё равно узнает.

— Скрипку купят.

Джованни замер.

— Какую?

— Старую.

— У Витторе?

Маттео не заметил слишком быстрого вопроса.

— Да.

Отец медленно положил лук.

— Кто?

— Мужчина. Для девочки.

— Уже купил?

— Завтра.

— Почему завтра?

— Принесёт деньги.

Джованни молчал. Маттео ждал какой-нибудь фразы. «Я же говорил». «Не привязывайся».

«Есть дела поважнее». Отец ничего такого не сказал.

— Жаль.

Всего одно слово. Маттео поднял глаза.

— Да.

Джованни продолжил раскладывать товар.

— Ты поэтому опоздал?

— Я не пошёл на урок.

Отец снова остановился.

— Почему?

— Не хотел.

— Из-за скрипки?

— Да.

Джованни посмотрел строго.

— Глупо.

Маттео вспыхнул.

— Почему?

— Потому что скрипку купит другой человек, а урок ты потерял сам.

Он не ожидал.

— Мне не хотелось.

— Работа не спрашивает.

— Музыка — не работа.

— Ты последние недели доказывал обратное.

Маттео замолчал. Отец попал точно.

— Завтра пойдёшь?

Он пожал плечами.

— Маттео.

— Пойду.

— Хорошо.

Джованни отвернулся. Через некоторое время спросил:
— Сколько у тебя?

— Восемь.

— Не тратил?

— Нет.

— Хорошо.

Больше ничего. Но весь оставшийся день отец был необычно молчалив. Вечером Маттео не достал ноты. Лёг раньше. Бьянка спросила:

— Ты заболел?

— Нет.

— Тогда почему не пишешь мух?

— Не хочу.

— А скрипка?

Маттео повернулся к стене.

— Спи.

Бьянка помолчала.

— Ты злой.

— Да.

— На меня?

— Нет.

— Тогда хорошо.

Через несколько минут она уснула. Маттео нет. За занавеской разговаривали родители. Очень тихо. Он не разбирал. Потом отец оделся. Дверь закры-

лась. Маттео приподнялся. Куда Джованни пошёл вечером? На рынок поздно. К поставщику? Возможно. Он снова лёг.

Витторе уже закрывал лавку, когда постучали. Он не открыл сразу. За окном уже сгущался

вечер, и редкие огни ложились на камень дрожащими пятнами. Джованни шёл по знакомой

улице медленнее, чем обычно, словно оттягивал минуту, когда придётся сформулировать

вслух то, что он пока признавал только про себя.

— Кто?

— Ферри.

Мастер остановился. Потом отодвинул засов. Джованни вошёл.

— Поздно.

— Знаю.

— Маттео дома?

— Дома.

Витторе понял. Закрыл дверь.

— Он рассказал.

— Что скрипку хотят купить.

— Да.

Джованни посмотрел на стену. Старая скрипка висела там.

— Завтра?

— Если человек вернётся.

— Вернётся.

— Скорее всего.

Отец Маттео достал из кармана монеты. Положил на стол.

Витторе посмотрел.

— Что это?

— Сколько есть.

Мастер не тронул.

— Нет.

— Я не прошу продать за это.

— Тогда что?

— Подождать.

— Мы говорили.

— Знаю.

— Я не могу держать её год.

— Не год.

— А сколько?

Джованни молчал. И сам не знал.

— Месяц.

Витторе покачал головой.

— За месяц он не соберёт.

— Я помогу.

— Знает?

— Нет.

— Тогда это уже не его покупка.

Джованни раздражённо сказал:

— А чей ребёнок в девять лет полностью сам покупает

себе скрипку?

Витторе не ответил.

— Он работает.

— Знаю.

— Копит.

— Знаю.

— Не просит у меня.

Мастер смотрел.

— Именно поэтому я здесь.

Тишина. Джованни раскрыл ладонь. Там лежало семь монет.

— Это немного.

— Да.

— Даже вместе с его восемью.

— Знаю.

— А остальное?

— Найду.

Витторе нахмурился.

— В долг?

— Не ваше дело.

— Если ради этой скрипки залезете в долг — моё.

Джованни резко поднял глаза.

— Почему?

— Потому что я её не продам вам такой ценой.

— Вы сами назначили цену.

— Я не про деньги.

Они смотрели друг на друга. Джованни первым отвёл взгляд.

— В долг не полезу.

— Точно?

— Да.

— Тогда откуда?

— Буду откладывать.

— А еда?

— Не трону.

— Хозяин?

— Не трону.

— Хорошо.

Витторе сел.

— Но месяц всё равно мало.

Джованни сжал губы.

— Тогда сколько можете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.